

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Языкознание

Выпуск 3(29)

Горловка
2016

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор), д. филол. н., доц. Александрова И. В., д. филол. н., проф. Борисова Л. М., к. филол. н., доц. Бревнова С. В., д. филол. н., проф. Ворожбитова А. А., д. филол. н., проф. Герасименко И. А., д. филол. н., проф. Дербенёва Л. В., д. филол. н., проф. Дяговец И. И., д. филол. н., доц. Иванова Н. П., д. филол. н., проф. Калинин В. М., д. филол. н., проф. Кораблёв А. А., д. филол. н., доц. Курьянов С. О., д. филол. н., проф. Синельникова Л. Н., д. филол. н., проф. Теркулов В. И., д. филол. н., проф. Фёдоров В. В., к. филол. н., доц. Волосевич С. П., к. филол. н., доц. Жихарева Н. А., к. филол. н., доц. Фефелова В. В.

*Печатается по решению ученого совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».
Протокол № 5 от 28.12.2016 г.*

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016 г.

Основан в 2002 году.

Выходит 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 г.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ОО ВПО В76 «Горловский ин-т иностр. языков»; Редкол. : С.А. Кочетова и др. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – 256 с.

ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Издательство ОО ВПО «ГИИЯ», 2016

УДК 811.161.1:81'374

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О “СЛОВАРНОМ ДЕЛЕ” В СВЯЗИ С ЗАДАЧАМИ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОНИМОГРАФИИ¹

Острота затрагиваемых в публикации вопросов связана с двумя нерешёнными или рассматриваемыми “ктоволектоподробно”² проблемами. Во-первых, по сей день в среде лексикографов, занимающихся языком писателей, нет единства мнений относительно собственных имён, причём даже не в плане того, как описывать онимию, а вообще включать или не включать её в состав словарей. Но даже в случае разрешения дилеммы в пользу размещения проприальной лексики в словаре языка писателя, остаётся “во-вторых”. Дело в том, что развитие поэтонимологии вплотную подвело учёных к необходимости навести порядок в технологии описания “онимного хозяйства” каждого из литераторов, язык которых удостоивается права стать объектом лексикографии, хотя бы на уровне метаязыка. Именно этому “во-вторых”, в основном, и посвящена статья.

Однако начать придётся с отдельных вводных замечаний и повторения аксиоматических моментов той части ономастической теории, которая касается “отчётности” о проделанной работе. Общеизвестность того факта, что в любом языке собственных имён во много раз больше, чем всех остальных слов, как ни странно, не повлияла на иерархию филологических дисциплин, собирающих и описывающих словарный состав. Поэтому лексикология, главная наука о слове, для “подведения итогов” исследовательской деятельности стала развивать лексикографию и пользоваться разработанными в ней техниками при составлении словарей. В ономастике (ономатологии³), возникшей как

¹ Направление лексикографии, посвящённое собственным именам, рекомендуется называть онимографией. Обоснование необходимости использовать именно этот термин для выделения специфического направления лексикографии дано в других моих публикациях.

² Приношу извинения за неологизм, не соответствующий, возможно, строгости научного стиля, но отсутствие позиции, ясно сформулированной хотя бы представителями академической науки, увы, не способствует развитию писательской лексикографии, а у автора статьи вызвало вот такую “нестандартную” реакцию.

³ Термин “ономатология” в настоящее время приобретает всё большее распространение и, не исключено, может вытеснить традиционное название науки о собственных именах – “ономастика”.

ответвление лексикологии, по мере обретения ею научной самостоятельности стала развиваться и совершенствоваться ономография. А в настоящее время самый молодой “побег ономастического древа” – поэтонимология – “отпочковывает” своё словарное дело – поэтонимографию.

Драгоценный опыт В. И. Даля недвусмысленно показал и с середины позапрошлого XIX века убеждает, что лучшим отчётом о работе, проделанной исследователем языка, является словарь. Это утверждение особенно касается ономастологов. XXI век уже радуется появлением большого числа онимных словарей. Чтобы осветить этот вопрос в полном объёме хотя бы в славянском мире, необходимо монографическое пространство. Поэтому ограничусь единственным, но исключительно показательным для Донецкой ономастической школы примером. К числу выдающихся опытов ономографии конца XX – начала XXI века можно отнести целый ряд словарей, созданных Е. С. Отиным⁴, начиная от уникального «Словаря коннотативных собственных имён» и кончая двухтомником «Гидронимия Дона». С именем этого выдающегося учёного мы связываем не только начало ономастического изучения Донбасса, юга и востока Украины, Приазовья и бассейна реки Дон, но и создание фундамента для историко-этимологического (не путать с собственно этимологическим) и функционально-семантического описания онимии, изучения коннотативных собственных имён, а также организацию исследований проприальной лексики художественной литературы.

Как известно, особый интерес для филологии в целом и для лексикографии, в частности, представляет мастерство выдающихся художников слова, их личный вклад в развитие национальных языков. Он зародился, надо полагать, ещё на заре формирования книжной культуры, когда из монашеских скрипториев дело распространения текстов Священного Писания перекочевало в типографии и началась масштабная (естественно, в измерениях той эпохи) работа переводчиков и толкователей Слова Божия. Но авторская лексикология, разумеется, начала оформляться в направлении исследований никак не раньше того времени, когда окончательно сложилось представление об авторстве как таковом, т.е., в Европе пораньше, а в России где-то в XVIII веке, и лишь к XX веку учёные подошли с осознанным желанием зафиксировать в словарях речь выдающихся мастеров Слова. Однако, повторю, началом было желание “образовательного” распространения священных текстов. К

⁴ Им посвящены десятки рецензий учёных России, Украины, Белоруссии, Болгарии и т.д. О них – несколько моих статей.

примеру, в 1580 году в Остроге Иваном Фёдоровым был издан указатель к Новому завету, составленный преподавателем острожской церковной школы Тимофеем Михайловичем Анничем [14]. Гораздо ближе к нашему времени появились двухтомный словарь П. Гильтебрандта [12] и пятитомный «Опыт библейского словаря собственных имён» П. Ф. Солярского [6]. Оба эти издания имели “предшественников”. Поскольку подробное представление истории этих опытов не входит в задачи статьи, скажу только, что словарь П. Ф. Солярского можно считать важнейшим стимулом для развития онимографии в России.

Первый опыт собственно авторской лексикографии, точнее, литературной типологии, относится уже к XX веку (семитомный «Словарь литературных типов» [10]⁵). Интересен он, прежде всего, наличием указателей образов, типов, лиц, перечней произведений и других имён, использовавшихся избранными для словаря литераторами. С этими словарями связана филиация исследовательских и лексикографических идей, “подтолкнувшая” учёных к авторской лексикографии и приведшая в конечном итоге к необходимости решáть (увы, всё-таки не решить) проблемы, связанные с определением места онимии в словарях языка писателя. Несколько “онимографических” опытов, осуществлённых в XX веке⁶, показали только широту и разнообразие возможных подходов.

Как правило, стремление изучить язык писателя возникает в связи с ролью его литературно-художественного творчества в развитии национальной литературы и, соответственно, языка, на котором он создавал свои творения. Однако, кроме собственно художественных произведений, писатель создаёт и различную другую литературную “продукцию”: выступает в ролях публициста, критика, очеркиста, историка и т.д. Кроме многогранности в общественном смысле, беллетрист (*франц. belles lettres – изящная словесность*) часто не менее разносторонен и в частной жизни: он оставляет потомкам образцы не только официальной и деловой, но также дружеской и бытовой переписки, разнообразные замечания, записи, дневники. Историкам литературы и языковедам остаются также рукописи и черновики, варианты и различные редакции произведений, в том числе, оставшихся в виде планов, набросков, незавершённых по разным причинам или не опубликованных при жизни писателя текстов. Все без исключения речевые произведения

⁵ Подробнее отдельные тома и “Словарь...” в целом представлены в нескольких моих работ. Краткая общая характеристика дана в [1, с.5-6].

⁶ Обзорное представление получивших наибольшую известность первых опытов такого рода можно найти в моей монографии [1, с.5-12].

автора следует считать равноправными при исследовании языка и стиля, а также при составлении словаря типа “язык писателя”. Исследователь с равным пиететом должен относиться к любому факту его речевой деятельности, зафиксированному документально, т.е., опубликованному, к примеру, в академическом полном собрании сочинений. Именно по этой причине в словаре языка писателя должны найти место указания на все без каких бы то ни было исключений имяупотребления. Но, поскольку онимия художественных произведений обладает ярко выраженной спецификой, её описание должно отличаться от представления в словаре языка писателя собственных имен из других текстов писателя.

Ещё одно очевидное, теперь уже касающееся выбора технологии представления онимов в словарях, заключение: приняв в качестве аксиомы положение, согласно которому собственные имена имеют равное с другими лексическими единицами “право” на размещение в словаре языка писателя, мы просто обязаны обозначить одно важное обстоятельство: квалификация собственного имени, равно как и свойства любой другой лексической единицы в авторской речи, зависят как от характера текста, в котором они употреблены, так и от параметров конкретного контекста, в котором функционирует проприальная единица.

Прежде, чем перейти к иллюстративной части рассуждений, нужно подвести краткий итог. Состоит он в следующем: 1) в лексикографии развивается особое направление – онимография; 2) в лексикографии сложилась традиция создания словарей языка писателя; 3) в словарях языка писателей специальное внимание должно уделяться онимии; 4) собственные имена в языке писателя функционируют как минимум двумя способами: как онимы и как поэтонимы; 5) поэтонимография, в отличие от онимографии, обладает специфическими чертами. Образно ситуацию можно представить в виде матрёшек. Только, в отличие от них, каждая располагающаяся внутри другой “-графия” характеризуется особыми чертами. В то же время онимография и поэтонимография в словаре языка писателя могут выглядеть то как независимые совершенно самостоятельные “особи”, то как “сиамские близнецы”, обладающие только некоторыми общими свойствами, то как по-настоящему “единый организм”.

Ниже, на практически случайном примере (вообще их множество и, не сомневаюсь, существуют более интересные), избранном исключительно с целью экономии пространства статьи, показано, как практические задачи, решаемые в словаре, влияют на характер описания и, соответственно, на “технику”

представления лексической единицы. Словарные статьи взяты из трёх источников, два из которых заслуженно считаются образцовыми. Это «Словарь языка Пушкина» [11] и «Словарь коннотативных собственных имён» Е. С. Отина [6]. Третий источник – «Материалы к “Словарю поэтонимов в творчестве А. С. Пушкина (роман “Евгений Онегин”)”» из монографии автора статьи [1, с. 95-245].

Итак:

ЛОВЛАС (ловелас) (4) *Соблазнитель женщин (по имени героя романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу»)* **Ловласов** обветшала слава Со славой красных каблучков И величавых париков. *ЕОIV 7.12. | Шутливо о А.Н. Вульффе.* Как жаль, любезный **Ловлас** Николаевич, что мы здесь не встретились! *Пс 419.3. || Тверской Ловелас (шутливо о самом себе): Тверской Ловелас С. Петербургскому Вальмону здравия и успеха желает Пс 393.1. | О А. Н. Вульффе.* Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый агроном, Тверской **Ловлас** – по-прежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год. *Пс 1175.12.*

т Ед.И. Ловлас: *Пс 419.3, 1175.12; Ловелас: Пс 391.1; Мн.Р. Ловласов:* *ЕО IV 7.12. [11, т.2, с.527-528]*

ЛОВЕЛАС, -а, м. ЛА₁. Вариант (устарелый): **Ловлѧс**. имя персонажа романа английского писателя С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу» (1747-1748 гг.). *Она любила Ричардсона / Не потому, чтобы прочла, / Не потому, чтоб Грандисона / Она Ловласу предпочла* (Пушкин А.С. Евгений Онегин; примечание Пушкина: “Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов”); *Я – честный человек, а Ловелас, кажется, был негодяй* (Горький М. Яков Богомолов).

УКЛА1. Волокита, франт-обольститель. Ни развращённые Ловеласы, ни томные Зигварды не достигают истинной цели (анонимная повесть «Модест и София», 1810 г.); *Ловласов обветшала слава Со славой красных каблучков И величавых париков* (Пушкин А.С. Евгений Онегин); *При этом необходимо сказать, что Карл Иванович, пребезобразнейший из смертных, был страшный волокита, считал себя Ловласом, одевался с претензией и носил завитую золотисто-белокурую накладку* (Герцен А.И. Былое и думы); *Тут же, по несчастью, прибавилась слава Листа как известного ловласа...* (там же); *Граф Воротынский провёл первую молодость свою в Петербурге офицером старинных времён; потом, когда отец его умер и наследство досталось ему в руки, он из казарменных повес вдруг перерядился во фрак, заграничным Ловеласом, и пустился бегать за удовольствиями и хвастать своими победами* (Сологуб В.А. Большой свет, 1840 г.)

<...>

Следует отметить и особый случай употребления этого коннотативного антропонима вместо реального личного имени в двухэлементной формуле “имя + отчество” с намёком на склонность его владельца к волокитству, амурничанию. Как жаль, любезный **Ловлас** Николаевич, что мы здесь не встретились! (Пушкин А.С., из письма А. Н. Вяземскому⁷ от 16 окт. 1829 г.).

1. **Ловелас**. Современный отконнотонимный апеллятив. Однако доктор Сухаржевский вовсе не слыл ловеласом (Штерн Л. Васильковое поле).

2. **Ловеласничать**. Волокитство, ухаживать за женщинами.

3. **Ловеласничество**. Волокитство. Бывало, помню, в дни моего ловеласничества я бросал женщин из-за пятна на чулке, из-за одного глупого слова, из-за нечищенных зубов... (Чехов А. П. Любовь).

[6, с. 274-276]

ЛОВЛАС [3(2/1/0)]. *Антропоним, имя одного из героев романа английского писателя Ричардсона “Клариса Гарлоу” (1748).* & Употреблено: 1) в контексте “модных тем”, функционально близком “кругу чтения” для характеристики психологического состояния Прасковьи Лариной; 2) в авторском примечании, подчеркивающим нарицательный характер собственных имен; (Ловлас был олицетворением коварного, но обаятельного зла); 3) в форме множественного числа нарицательно употреблено как ироническое обозначение любителей ухаживать за женщинами, волокит. 2 / *Она любила Ричардсона / Не потому, чтобы прочла, / Не потому, чтоб Грандисона / Она Ловласу предпочла;*¹⁴ / *Но встарину княжна Алина, / Ее московская кузина, / Твердила часто ей об них / (2.XXX). Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов. (Прим. 14). / Но эта важная забава / Достойна старых обезьян / Хваленых дедовских времен: / Ловласов обветшала слава / Со славою красных каблуков / И величавых париков. (4.VII).* тФ.: указательно-характеризующая (2.XXX); указательно-информативная (Прим. 14); метонимическая (4.VII).

См.: **ГРАНДИСОН**.

[1, с. 161]

Предположив гипотетическую возможность заполнения онимной лакуны словаря языка писателя собственными именами,

⁷ Случайная ошибка (“техническая” контаминация). Совместное (с припиской Анны Н. Вульф) письмо из Малинников от 16 октября 1829 г. (№ 419 в ПСС) с процитированным обращением было адресовано А. Н. Вульфу (Александру Николаевичу). Инициалы имени и отчества Вяземского – П. А. (Павел Андреевич).

попытаюсь на этом же примере показать некоторые моменты деятельности составителя словаря, направленные, во-первых, на устранение “несправедливости санкционного списка”, принятого авторами «Словаря языка Пушкина», во-вторых, на сохранение (по возможности) техники представления в нём лексических единиц и, в-третьих, на некоторые необходимые (или возможные) онимографические и поэтонимографические новации.

Общеизвестно, что некоторые произведения Пушкина существуют в разных редакциях, есть беловые рукописи и черновики, текстуально не совпадающие с опубликованными произведениями, сохранились некоторые наброски и планы. Собственные имена этих текстов представляют значительный интерес для изучающих творчество поэта и являются специфическим и сложным для онимографии материалом, требующим разработки и специального метаязыка, и особой техники описания. «Словарь языка Пушкина», как известно, исключивший из рассмотрения “собственные имена реальных лиц и героев художественных произведений (личные имена, отчества и фамилии), а также географические названия, если только они не употреблены Пушкиным в нарицательном или переносном значении”, а также слова «тех текстов, которые в академическом издании помещены в разделе, имеющем заголовок “Другие редакции и варианты”» [11, т.1, с.XVI], представил материал именно в “редуцированном” виде. Всего описано 4 употребления. В реальности же слово “Ловлас (ловелас)” использовалось Пушкиным, по данным “Указателя имён”, 16 раз, т.е. в четыре раза больше и зафиксировано по следующим адресам: III 720; VI 44, 75, 192, 293, 337, 534; VIII 47, 48, 501, 576; XIII 33, 49; XVI 104 [9, т.19, с.357].

Коннотоним “Ловелас” в словаре Е. С. Отина, кроме пушкинского употребления, представляет широкую панораму узуализации “литературного антропонима” в русском литературном языке, отконнотонимную апеллиативацию и пополнение словаря за счёт отконнотонимной деривации, что обусловлено стремлением автора отразить некоторые этапы онимогенеза. При этом подходе, естественно, за пределами рассмотрения оказывается собственно пушкинский вклад в развитие метонимических употреблений.

Словарная статья “Ловлас” в моих материалах к поэтонимии «Евгения Онегина» также ограничена только текстом романа, к тому же, только его “классическим” вариантом, т.е. без учёта недоступного во время подготовки «Материалов...» раздела “Другие редакции и варианты”, опубликованного только в 16-томном полном собрании сочинений Пушкина,

представлявшем в то время библиографическую редкость. Поэтому в ней представлено мнение только о трёх случаях употребления имени, в то время как в указателе имён к шестому, онегинскому тому ПСС отмечено восемь употреблений: “Ловлас 44, 75, 192, 293, 337, 534, 569, 609. См. также Ричардсон, Самуэль”. Интересно, что данные указателя из шестого тома и указателя из информационно-справочного тома юбилейного издания пушкинского ПСС отличаются. Страницы 569 и 609 шестого тома в сводном указателе имён не отмечены. Между тем на стр. 569 показан имеющийся в белой рукописи вариант 13 и 14 стихов XXX строфы второй главы романа: / *И сей Ловлас был славный фронт, / Екатерининский сержант* /. А на странице 609 представлен вариант 7-го стиха XXXIX (в автографе – XXXVIII) строфы пятой главы: / *Ловлас окружных городков* /. В окончательном варианте романа 13 и 14 стихи XXX строфы второй главы определились в редакции: / *Сей Грандисон был славный фронт, / Игрок и гвардии сержант* /, а вместо “Ловласа окружных городков” среди гостей на балу у Лариных оказался “уездный фронтик”, “Парис окружных городков” Петушков. А это значит, что исчезнувший из окончательного текста романа *Ловлас* указанных стихов романа в языке Пушкина всё-таки был! И занимал определённое место в кругу пушкинского “синонимического” онимного ряда: Ловлас – Фоблас⁸ – Вальмон⁹... Далее: Имя *Ловлас* – “говорящее”. Ричардсон, несколько изменив форму, позаимствовал его из английской комедии XVII века, где оно обозначало ‘loveless’ – *распутник*, буквально – *не знающий любви*. Недостаточной представляется и энциклопедическая информация: сведения как из истории самого образа, так и из истории проникновения его в русскую литературу. Иными словами, ни один из предложенных читателю вариантов словарной статьи не может быть определён как отражающий реальное “место” описываемой лексемы в языке поэта. Нужно признать, однако, что и цель такая в данных словарях не ставилась. Можно изложить и некоторые другие “претензии” к представлению избранного для анализа материала в словарных статьях, но задачу свою “в рамках подхода” они, безусловно, выполнили. И многому “научили”.

Воистину пророчески слова Ю. М. Лотмана: “Исчерпать онегинский текст невозможно. Сколь подробно ни

⁸ Фоблас – герой романа Ж.-Б. Лувэ де Куврэ «Любовные похождения кавалера де Фобласа», элегантный и развращенный красавец, любимец женщин, воплощение нравов XVIII века.

⁹ Вальмон – герой романа в письмах Шодерло де Лакло «Опасные связи», богатый и знатный виконт, волокита и соблазнитель.

останавливались бы мы на политических намёках, многозначительных умолчаниях, бытовых реалиях или литературных ассоциациях, комментирование которых проясняет различные стороны смысла пушкинских строк, всегда остаётся место для новых вопросов и для поиска ответов на них» [2, с.33]. Но их можно дополнить ещё и словами самого поэта о том, что «всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства» [7, т.12, с.75].

О том, какой должна быть статья ЛОВЕЛАС в «Словаре языка Пушкина», дополненном ономографической составляющей в соответствии с представлениями поэтонимологов Донецкой ономастической школы, надеюсь рассказать читателям в следующем номере сборника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 247 с.
2. Лотман Ю.М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1980. – 416 с.
3. Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Пер. с англ. / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – 1008 с.
4. О Достоевском. Сборник статей. – Т. 2. / Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1933, 124, VIII, 90 стр. В прил. – Словарь личных имен у Достоевского, ч. 1. Произведения художественные, VIII, 89 стр.
5. Опыт библейского словаря собственных имён / [Соч.] прот. П. Солярского. – Т. 1 “А-Е”; Т. 2 “Ж-М”; Т. 3 “Н-Сиуал”; Т. 4 “Сихарь–Θ, с дополнением”; Т. 5 “Разные другие библейские названия”.– С.-Петербургъ: Типо-Литография Цедербаума и Гольденблума, 1879 – 1887.
6. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён / Е.С. Отин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – 518 с.
7. Пушкин А. С. Вольтер // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 17 т. – Т. 12. – М.: Воскресенье 1996. – С. 75-81.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 19 томах (тома 17 и 18 – дополнительные). Т. 19 (информационно-справочный). Дополнения и исправления. Указатели. Каталог рисунков. Путьеводитель по Пушкину. – М.: Воскресенье, 1999. – 1352 с.
10. Словарь литературных типов / Общая ред. Н. Д. Носкова. Т. 1–7. Пг., «Всходы», 1908–1914. – Т. 1. (Вып. 1–2). Тургенев. (1908). 320 стр. (На части томов загл.: Литературные типы Тургенева). – Т. 2. (Вып. 3). Лермонтов. (1908). 116 стр. (На части томов загл.: Литературные типы Лермонтова). – Т. 3. (Вып. 4). Гоголь. (1909). 110 стр. (На части томов загл.: Литературные типы Гоголя). – Т. 4, (Вып. 5). Аксаков. (1909). 110 стр. (На части томов загл.: Литературные типы Аксакова). (Изд. 2-е 1914 г.). – Т. 5. (Вып. 6). Грибоедов (1910). 115 стр. (На части томов загл.: Литературные типы Грибоедова). – Т. 6. (Вып. 7–8). Пушкин (1912). 2, 316 стр. (На части томов загл.: Типы Пушкина). – Т. 7. (Вып. 9–10). Гончаров. 1914. 368 стр. (На части томов загл.: Типы Гончарова).
11. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2000. – Том 1: А–Ж. – М.: Азбуковник, 2000. – XXVI, 982 с. – Том 2: З–Н. – М.: Азбуковник, 2000. – 1088 с. Том 3: О–Р. – М.: Азбуковник, 2000. – 1296 с. – Том 4: С–Я. – М.: Азбуковник, 2000. – 1232 с.
12. Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завету, составленный Петромъ Гильтебрандтомъ, [Текст]. – Петроградъ : Печатня А. М. Котомина и К°, 1882-1885.
13. Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография / Ин-т языкознания; отв. ред. А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1989. – 116 с.
14. Тимофей Михайлович [Аннич]. Книжка, собраніе вещей нужнейших вкратце скорого ради обретенія въ книзе Нового Завета, по словесемъ азбуки всемъ благчестно верующимъ въ Стую живоначальную троицу Ѣца и Сына и Стого Духа зело есть полезна. Напечатана в богоспасаемом граде Остроге Іоанном Федоровичем (Register zu Neues Testament). Острог: типография князя Константина Острожского, типограф Иван Федоров, [1580].

АННОТАЦИЯ

Калинкин В. М. Несколько замечаний о “словарном деле” в связи с задачами писательской ономографии

В статье предпринята не первая попытка рассмотрения некоторых аспектов теории собственных имён,

функционирующих в языке писателей, сквозь особую призму специального словарного дела – поэтонимографии. Определены место и границы поэтонимографии в рамках “писательской” онимографии и авторской лексикографии. Избирательно показаны некоторые специфические моменты функционирования онимов, без учёта которых в словарях языка писателей неизбежно будут оформляться лакуны, препятствующие глубокому пониманию семантики и поэтики проприальных единиц в произведениях художественной литературы.

Ключевые слова: лексикография, оним, онимография, поэтоним, поэтонимография, поэтонимология, словарь языка писателя.

SUMMARY

Kalinkin V. M. Several remarks on «the vocabulary case» in reference to the targets of the writer’s onymography

The article makes the first attempt to address some aspects of the theory of proper names functioning in the language of writers, through the prism of special vocabulary – poetonymography. Special attention is given to the place and poetonymography borders within the «literary» author’s onymography and lexicography. The author selectively shows some specific aspects of onyms’ functioning, disregard of which will inevitably lead to gaps in the writers’ language vocabularies that impede understanding of semantics and poetics of proper units in works of fiction.

Key words: lexicography, onym, onymography, poetonym, poetonymography, poetonymology, writer’s language dictionary.

*В.И. Теркулов
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81’373.611

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ТЕРМИНОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ЛАБОРАТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ АББРЕВИАЦИИ

Работа над Толково-словообразовательным словарём сложносокращённых слов русского языка (ТСССРЯ), осуществляемая Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации (ЭЛИТА), имеет в своей основе новый – деривационно-эквивалентностный – подход к лексемам данного типа. Использование при систематизации материала созданных нами матриц интерпретации и описания аббревиатурных слов

стало фактором, позволившим обнаружить в области аббревиации большое количество ранее не описанных объектов и явлений. Для их обозначения пришлось создать новую номенклатуру терминов, в которую вошли как придуманные нами уникальные, так и несколько откорректированные устоявшиеся наименования. Без знания этой системы очень трудно разобраться не только в теоретических положениях, представленных в статьях сотрудников Лаборатории, но и в теории аббревиации ЭЛИТА в целом.

Мы убедились в необходимости и удобности новых обозначений, так сказать, «для внутренних нужд»: используемый нами метаязык значительно облегчает работу с исследуемым материалом. Но нам нужно, чтобы разработки лаборатории стали объектом компетентного и всестороннего обсуждения. Кроме того, важно, чтобы новая терминологическая система была понятной и однозначно трактовалась всеми сотрудниками Лаборатории. Именно поэтому целью предлагаемой статьи является описание значений базовых терминов деривационно-эквивалентностного подхода к аббревиации. Мы определяем представленный перечень как «Материалы к словарю терминов ЭЛИТА».

В ТСССЯ представлены только аббревиатурные слова, эквивалентные словосочетаниям, поэтому в предлагаемом словаре рассматриваются только термины, связанные с данным видом аббревиации. Курсивом в тексте толкований выделены слова, значение которых раскрываются в соответствующих словарных статьях.

Аббревиатура. Слово, имеющее в своем составе *синхронный* или *диахронный абброэквивалент*, например, *филфак* (*фил* и *фак*), *биоресурсы* (*био*), *вуз* (*в у з*) и т.д.

Аббревиатура диахронная. Формальная разновидность диахронного *универбата*; *а.*, образованная в результате *диахронной аббревиации* – замены компонентов (компонента) производящего словосочетания соответствующими *абброэквивалентами* (*абброэквивалентом*), например, *Автомобильная авария* > *автоавария*, где компонент *автомобильная* заменяется абброэквивалентом *авто*. *А. диахронная* противопоставляется *квазиаббревиатуре*. См. подробнее: [8; 10; 14; 15].

Аббревиатура синхронная. Формальная разновидность синхронного *универбата*; *а.*, имеющая на актуальном срезе языка деривационно связанный с ней *синтаксический эквивалент*. К *синхронным а.* относятся: а) *диахронные аббревиатуры*, которые сохранили связь с *синтаксическим эквивалентом*, являющимся

генетически объектом универбализации, и/или развили в результате псевдоунивербализации вторичные синтаксические эквиваленты, например, **автоавария** = **автомобильная авария** (первичный синтаксический эквивалент), **авария автомобилей**, **автотранспортная авария** (вторичные синтаксические эквиваленты) и т.д.; б) квазиаббревиатуры, у которых в результате псевдоунивербализации созданы вторичные синтаксические эквиваленты. Например, слово **пивзавод** с точки зрения диахронии является квазиаббревиатурой, но в результате псевдоунивербализации у него возник достаточно часто встречающийся (по картотеке ТСССРЯ – ок. 170 тыс употреблений) эквивалент **пивной завод**, что позволяет трактовать это слово как синхронную а. А. синхронные противопоставляются абброаффиксоидным словам. См. подробнее: [8; 10; 14; 15].

Аббревиатура вторичная. Аббревиатура, возникшая в результате полного или частичного сокращения компонентов первичной аббревиатуры, например, **автомобат** (<**автомобильный**>), **авиапрополка** (<**авиахимпрополка**>). См. подробнее: [8; 10; 14; 15].

Аббревиатурная группа, АГ. Группа гнезд эквивалентности аббревиатурных слов, имеющих тождественный абброконструкт. Например, в АГ **велo** входят гнезда эквивалентности аббревиатурных слов **велобагажник**, **велобаза**, **велобазар**, **велобатальон**, **велогонка**, **велозавод**, **велозамок** и под. [1; 2; 9].

Аббревиатурное слово. Родовое наименование, объединяющее аббревиатуры и квазиаббревиатуры.

Аббревиационное (универбализационное) гнездо, а.г.. Совокупность гнезд эквивалентности аббревиатурных слов и композитов, имеющих тождественный базисный компонент. Например, в а.г. «завод» входят гнезда эквивалентности слов **автозавод**, **авиазавод**, **лесзавод**, **нефтезавод** и т.д., имеющих базисный компонент **завод** [14].

Аббревиация диахронная. Формальная разновидность диахронной универбализации, процесс преобразования словосочетания в эквивалентную аббревиатуру путем замены его компонентов (компонента) абброэквивалентами, например, **вещевой мешок** > **вещмешок** [8; 14].

Аббревиация синхронная. Формальная разновидность синхронной универбализации (см.), отношение эквивалентности между аббревиатурой и её синтаксическими эквивалентами: **VELOшлем** = **велосипедный шлем**, **шлем велосипедиста** [14].

Абброаффиксид, *аффиксид*, *АА*. Аббревицированный конструкт в словах, не имеющих текстовых эквивалентов, например, *абброконструкт зоо* в слове *зоотехник*.

Абброаффиксидное слово. Слово, содержащее абброаффиксид. Не является аббревиатурным словом.

Абброконструкт, *аббревицированный конструкт*, *АК*. Вторичный конструкт аббревиатуры. Часть аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова. В диахронных аббревиатурах может выступать в качестве (в функции) абброэквивалента или абброморфемы, а в синхронных – абброэквивалента или абброаффиксида. Абброэквивалент, абброморфема и абброаффиксид являются функционально-семантическими разновидностями *а*. Структурные разновидности *а*. – часть основы (*энерго: энергопоставки*), звук (*в: вуз*), буква (*Ч: ЧП*). См.: [1; 2; 3; 4; 8; 10; 13; 14; 16; 17].

Абброморфема, *аббревиационная морфема*, *АМ*. Стереотипно используемый при образовании квазиаббревиатур абброконструкт, возникший в результате деривационной абсолютизации абброэквивалента. Например, путём прямого присоединения АМ *банд* к слову *формирование* создана квазиаббревиатура *бандформирование* (словосочетание *бандитское формирование* возникает вследствие псевдоунивербализации слова *бандформирование*). Выделяется только при диахронном анализе. См.: [1; 2; 3; 4; 8; 10; 13; 14; 16; 17].

Абброэквивалент, *аббревиационный эквивалент*, *АЭ*.
1) *Диахронный АЭ*. Абброконструкт, используемый для замены слова при образовании диахронных аббревиатур на базе словосочетаний, например, АЭ *банд*, используемый для замены слова *бандитская* в словосочетании *бандитская группировка* при универбализации его в слово *бандгруппировка*. Противопоставляется абброморфеме;
2) *Синхронный АЭ*. Абброконструкт в синхронных аббревиатурах, имеющий словесные эквиваленты в актуально эквивалентных аббревиатурному слову словосочетаниях, например, *банд* в словах *бандгруппировка* и *бандформирование* (несмотря на различный диахронный статус, они трактуются как синхронные аббревиатуры, поскольку имеют на актуальном срезе языка синтаксические эквиваленты *бандитская группировка* и *бандитское формирование*). АЭ противопоставляется абброаффиксиду. См.: [1; 2; 3; 4; 8; 10; 13; 14; 16; 17].

Акроним. Аббревиатура, абброконструктами которой являются первые звуки слов эквивалентного словосочетания, например: *БИТ* [бит] = *Бригада интенсивной терапии*.

Алфавитизм. *Аббревиатура, абброконструктами* которой являются первые буквы слов эквивалентного словосочетания, например: **ВЧК** [вэ-че-ка] = *Всероссийская чрезвычайная комиссия*.

Базисный компонент аббревиатурного слова. Компонент *аббревиатурного слова*, реализующий его ономазиологический базис, например, слово **компьютер** аббревиатуре *веелокомпьютер*.

Балансиндексов. См. *квантитативный анализ*.

Гибридная аббревиатура. *Аббревиатурное слово*, включающее в свой состав разные структурные типы *абброконструктов*, например, **главк**, в котором представлена часть основы слова **главный** (*сложносокращённое слово*) и первый звук слова **комитет** (*инициальная аббревиатура*).

Гнездоэквивалентности, ГЭ. Совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с *аббревиатурным словом*. *Аббревиатурное слово* определяется как *вершина гнезда эквивалентности*. Например, в ГЭ *аббревиатурного слова* **автоаксессуары** входят следующие единицы: **автомобильные аксессуары, аксессуары автомобиля, аксессуары авто, аксессуары на авто, аксессуары для автомобиля** и т.д. См.: [1; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15].

Деаббревиация, деаббревиация, условное раскодирование. Разновидность *псевдоунивербализации* (см.), представляющая собой умышленную ложную шутильную дешифровку *аббревиатурного слова*, например: **ЦУМ** (**Центральный универсальный магазин**) *деаббревиационно* расшифровывается как «*цены увеличивались молча*».

Деривационная текстовая эквивалентность. Способность к взаимозамене в одном тексте деривационно связанных компонентов *гнезда эквивалентности*, например, *текстовая эквивалентность* связанных деривационными отношениями слова **диетпитание** и словосочетания **диетическое питание** [15].

Деривационно связанное словосочетание. Семантически тождественное *аббревиатурному слову* словосочетание, в состав которого входят компоненты, *эквивалентные* компонентам *аббревиатурного слова*, например, словосочетание **подводная лодка** по отношению к слову **подлодка**.

Дешифровальная матрица, ДМ. Совокупность *дешифровальных стимулов*, отмечаемых в одном *гнезде эквивалентности*. Символом X обозначается базисный компонент исходного словосочетания, а У – признаковый

компонент. Например, ДМ слова *рыбозавод* можно трактовать как схему, включающую дешифровальные стимулы Х-У(прил): *рыбный завод*, Х-У+перерабатывающий (прил) (*рыбоперерабатывающий завод*) и т.д.

Дешифровальный стимул, ДС. Стереотип расшифровки абброконструкта. Например, абброконструкт *авто* имеет следующий набор ДС: *автобусный, для автобусов, автомобильный, автомобилей, автомобиль, автомобиля, для автомобиля, для автомобилей, авто, для авто, автоиндустриальный, автомобильной индустрии, автопроизводителей* и т.д. [2; 3; 14].

Инициальная аббревиатура. Родовое название для акронимов и алфавитизмов.

Квазиаббревиатура. Слово, созданное путем непосредственного присоединения абброморфемы к производящей лексеме. Например, слово *алкоамнезия* образовано путём непосредственного присоединения АМ *алко* к слову *амнезия* (словосочетание *алкогольная амнезия* возникло в результате псевдоунивербализации) [1; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15].

Квазиаббревиация (имитация аббревиации). Разновидность квазиунивербализации. Образование при помощи абброморфем слов, в которых имитируется структура аббревиатур. См. квазиаббревиатура.

Квазиунивербализация (имитация универбализации) – образование единиц, имитирующих структуру универбатов. Квазиунивербаты образуются не от словосочетаний, а от слов. Например, слово *снегозадержание* образовано не от словосочетания *задержание снега*, а от слова *задержание* путем присоединения к нему композитной морфемы *снего* [11].

Квантитативный анализ. Часть трёхкомпонентной методики диахронического анализа аббревиатурных слов. Определение баланса индексов упоминания аббревиатурного слова и его эквивалента в поисковых системах. Баланс индексов – это частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания. Если баланс индексов >1 , это значит, что словосочетание употребляется в поисковых машинах реже слова, а если <1 , это значит, что аббревиатурное слово употребляется реже словосочетания. В первом случае можно говорить либо о том, что аббревиатурное слово вытеснило производящее словосочетание (что встречается крайне редко), либо о том, что словосочетание вторично и возникло в результате развертывания аббревиатурного слова. Второй

же случай однозначно свидетельствует о первичности словосочетания. См.: [1; 2; 3; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15].

Композит, универбализационный композит. *Универбат*, в состав которого входят *первичные* и *композитные* конструкторы, например, *хлебопоставки* (<поставки хлеба).

Композиционный конструктор. *Конструктор*, равный основе эквивалентного слова, например, *хлеб*- в слове *хлебопоставки*.

Конструктор. Компонент структуры *аббревиатурного слова* и *композиата*, выступающий в качестве эквивалента слову. Различаются *первичные* к. (равны слову, например, конструкторы *топливо* в *авиатопливо* и *добыча* в *газодобыча*) и *вторичные* к. – *абброконструктор* (например, конструктор *авиа* в *авиатопливо*<*авиационное топливо*) и *композитный конструктор* (равен основе, например, конструктор *газ* в слове *газодобыча*<*добыча газа*).

Лексическая текстовая эквивалентность. *Эквивалентность* компонентам *гнезда эквивалентности* деривационно не связанных с ними номинативных единиц. Например, для *АВВП* «Аппарат вертикального взлета и посадки» л. т. э. является устаревшее *геликоптер-аэроплан* [15].

Мутантная группа, МГ, мутантная аббревиатурно-композиционная группа. Группа *аббревиатурных слов* и *композиатов*, содержащих одинаковый *вторичный конструктор*, который в *аббревиатурных словах* имеет статус *абброконструктора*, а в *композиатах* – *композиционного конструктора*. Такова, например, *МГ газ*, *вторичный конструктор* которой в словах *газоаппаратура* (<*газовая аппаратура*), *газогенератор* (<*газовый генератор*) выступает в качестве *АК*, а в словах *газодобыча* (<*добыча газа*) и *газообразование* (<*образование газа*) – в качестве *композиционного конструктора*. См.: [5; 7; 11].

Мутантный конструктор. Структурный *симультант*, который в одном и том же слове может под влиянием разных *дешифровальных стимулов* трактоваться и как *абброконструктор* и как *композиционный конструктор*. Например, *хлебопоставки* – это одновременно и *поставки хлеба* (и в этом случае *хлебо*– трактуется как *композиционный конструктор*) и *хлебные поставки* (и в этом случае *хлебо*– трактуется как *АК*). См.: [5; 7; 11].

Омоакроним. *Инициальная аббревиатура*, являющаяся омонимом слову, например, *ХЛАМ* = *Художники, литераторы, артисты, музыканты*.

Ономасиологический анализ. Часть *трехкомпонентной методики* диахронического анализа *аббревиатурных слов*. Если ономасиологическая структура рассматриваемого

словосочетания повторяется в других глоссах той же номинатемы, то есть в словосочетаниях с одним и тем же *базисным компонентом*, мы можем предположить, что оно создано по стереотипизированной модели модификации главного слова, и что *аббревиатурное слово* возникает на его базе. Если же ономаσιологическая структура *аббревиатурного слова* и *эквивалентного* ему словосочетания уникальна для данной номинатемы, можно предположить, что это *аббревиатурное слово* возникло не в результате свертывания словосочетания, а наоборот – само стало источником для него. См.: [1; 2; 3; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15].

Признаковый компонент аббревиатурного слова.

Компонент *аббревиатурного слова*, указывающий на его ономаσιологический признак, например, *абброконструкт вело* в *аббревиатуре велокомпьютер*

Псевдоунивербализация. Развёртывание *аббревиатурного слова* в словосочетание с тождественным значением. В основе *п.* лежит использование *дешифровальных стимулов*, не совпадающих с *шифровальным стимулом*. Например, словосочетание *велосипедный туризм* возникло в результате «развертывания» *квазиаббревиатуры велотуризм*, а *велосипедный шлем* – *диахронной аббревиатуры велошлем* (универбализационный эквивалент – *шлем велосипедиста*). См.: [1; 2; 3; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15].

Псевдоунивербат. Словосочетание, возникшее в результате покомпонентного развёртывания *аббревиатурного слова*. См. выше.

Семантический анализ. Часть *трёхкомпонентной методики* диахронического анализа аббревиатурных слов. Установление соответствия семантической структуры словосочетания семантическим моделям языка. Если продуцирование эквивалентного *аббревиатурному слову* словосочетания не противоречит семантическим нормам языка, то это словосочетание может считаться источником для *аббревиатурного слова*. И наоборот, если семантика словосочетания искусственна и не подкрепляется «словарным», «трансформационно правильным» значением компонентов, это словосочетание однозначно возникло в результате развертывания *аббревиатурного слова*. См.: [1; 2; 3; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15].

Симультант. *Абброконструкт*, имеющий несколько *дешифровальных стимулов*, например, *электро* (*электрический* и *электронный*), *авто* (*автоматический* и *автомобильный*, *автомобиля*, *автотранспортный* и т.д.) [2; 3].

Слоговая аббревиатура. *Аббревиатурное слово*, состоящее из абброконструктов, равных части основы, например, **автобат** = **автомобильный батальон**.

Сложносокращённое слово. Родовое название аббревиатурных слов, включающих в свой состав абброконструкты, равные части основы, – *слововых аббревиатур* и *частично сокращённых слов*.

Текстовая эквивалентность, ТЭ. Способность аббревиатурного слова взаимозаменяться с его *эквивалентом* в тексте. См.: [1; 2; 3; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15].

Текстово-derivационная эквивалентность, ТДЭ. *Текстовая эквивалентность*, предполагающая, что деривационно связанные компоненты *гнезда эквивалентности* имеют абсолютно тождественное значение и могут свободно взаимозаменяться в тексте, например, *ТДЭ* слова **нефтевышка** и словосочетания **нефтяная вышка**. См.: [1; 2; 3; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15].

Текстово-модификационная эквивалентность, ТМЭ. *Текстовая эквивалентность*, предполагающая, что деривационно связанные компоненты гнезда эквивалентности находятся в модификационных отношениях. При этом способность их к взаимозамене в тексте ограничена: производящее слово может заменять производное всегда, а производное производящее – только в тех контекстах, где их значения совпадают. Такова, например, *ТМЭ* слов **нефтевышка** и **вышка**. См.: [1; 2; 3; 6; 8; 9; 10; 12; 13; 14; 15].

Трехкомпонентная методика. Методика разграничения *универбализации* и *псевдоунивербализации*, включающая *квантитативный, семантический и ономаσιологический анализ*. См.: [1; 2; 3; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15].

Универбализация диахронная. Процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически *эквивалентное* ему слово, например, **зачётная книжка** > **зачётка**, **противогазовая маска** > **противогаз**, **заведующий кафедрой** > **завкаф.**

Универбализация синхронная. Отношения *синхронной эквивалентности* словосочетания и деривационно связанного с ним слова.

Универбат. Слово, возникшее в результате *универбализации*.

Частично сокращённое слово, ЧСС. *Гибридное аббревиатурное слово*, включающее в свой состав помимо абброконструкта *первичный конструкт*, например, **вагон-городок** (= **вагонный городок**).

Шифровальный стимул. Стереотип замены компонента словосочетания *абброэквивалентом* при образовании *диахронной*

аббревиатуры. Например, словосочетание **автомобильный дилер** может быть преобразовано в *аббревиатуру автодилер*, поскольку в русском языке действует *шифровальный стимул* замены слова **автомобильный** АЭ **авто**.

Эквивалент. 1) *Синтаксический* э. Словосочетание, совпадающее по значению и функциям с *аббревиатурным словом* и употребляющееся с ним в *эквивалентном тексте*; 2) Компонент словосочетания, деривационно и семантически соответствующий *абброконструкту* или *комполитному конструкту*, а также *абброконструкт* или *комполитный конструкт* по отношению к соответствующему ему компоненту словосочетания. См.: [1; 2; 3; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15]. С. э. с т. з. диахронии может быть *первичным*, то есть являющимся универбализационным источником для *аббревиатуры*, *абброконструкта* или *комполитного конструкта*, или *вторичным* – возникшим в результате *псевдоунивербализации*.

Эквивалентность. Функционально-семантическое тождество *аббревиатурного слова*, *комполита*, и *их конструктов* соответствующим *эквивалентам*.

Эквивалентный текст, ЭТ. Текст, в котором подтверждается *эквивалентность аббревиатурного слова* деривационно или лексически связанным с ним единицам. Различаются два типа *ЭТ*: *абсолютный ЭТ* – текст, в котором *аббревиатурное слово* и его *эквивалент* используются как синонимы; *синонимичный ЭТ* – разные тексты, в которых *аббревиатурное слово* и его *эквивалент* используются для обозначения одного и того же референта.

Приведенные описания являются достаточно сокращенным описанием базовых понятий теории ЭЛИТА. В дальнейших работах мы предполагаем несколько расширить и объем толкований терминов, и список единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березницкая Е. О семантике абброконструкта *Azim* // Новые горизонты славистики : материалы III Международных научных чтений студентов и молодых ученых памяти Г.И. Рихтера. – Донецк, 2016. – С. 111-116.
2. Бровец А. И. Аббревиатуры с аббревиационным конструктом «электро» : курсовая работа / А. И. Бровец. – Донецк : ДонНУ, 2015. – 46 с.
3. Бровец А. И. Симультант как источник семантической аттракции / А. И. Бровец // Новые горизонты славистики : материалы III Международных научных чтений студентов и молодых ученых памяти Г.И. Рихтера. – Донецк, 2016. – С. 120-132.

12. Теркулов В. И. О параметрах модификационной мотивации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. – Вып. 1(27). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГИИЯ, 2015. – С. 49-62.
13. Теркулов В. И. О разновидностях абброконструктов : аббрэквивалент и абброморфема / В. И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы 5 Международной конференции. – Краснодар, 2015. – С. 30-33.
14. Теркулов В.И. Об аббревиации / В.И. Теркулов // Педагогическая сокровищница Донбасса. – № 1. – 2016. – С. 8-11.
15. Теркулов В. И. Текстовая эквивалентность сложно-сокращенного слова / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Выпуск 13. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. – С. 69-77.
16. Теркулов В.И. Проект толково-словообразовательного словаря сложносокращенных слов русского языка / В.И. Теркулов // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности : Материалы I Международной научной конференции (Донецк, 16-18 мая 2016 г.). – Том 4. Филологические науки. Культура и искусство / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 57-60.
17. Теркулов В. И. Типология сокращенных компонентов аббревиатур / В. И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 127-134.

АННОТАЦИЯ

Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации

В предлагаемой статье описывается базовый терминологический аппарат экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации кафедры русского языка ДонНУ, отражающий особенности деривационно-эквивалентностного подхода к описанию процессов образования и функционирования аббревиатурных слов: дается перечень терминов и их толкование.

Ключевые слова: аббревиация, аббревиатурные слова, деривационно-эквивалентностный подход, термин, терминологическая система, толкование.

SUMMARY

Terkulov V. I. Materials for dictionary of terms of experimental laboratory for research of abbreviation development trends

In this article the basic terminology set of experimental laboratory for research of abbreviation development trends running at Russian language department of DonNU is described. The set reflects the peculiarities of derivative-equivalency approach to the description of the abbreviated words formation and functioning processes: the list of terms with their explanation is provided.

Key words: abbreviation, abbreviated words, derivative-equivalency approach, term, terminology system, interpretation.

*О.В. Блюмина
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811. 161. 1

ПОНЯТИЕ ОБ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ КЛАССЕ КОМПОЗИТОВ-СУБСТАНТИВОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Тождество любой номинатемы обеспечивается тождеством его инвариантного языкового значения, которое должно быть определено как концепт, поскольку именно «в основе концепта лежит исходная, прототипическая модель <...> значения слова¹⁰ (т.е. **инвариант всех значений слова**)» [9, с. 2] (последнее выделено нами – О.Б.). Задача состоит в том, чтобы определить, какие именно особенности концепта значимы при объединении рассматриваемых нами единиц в одну группу.

Первый уровень признаков объединения номинатом следует назвать грамматическим инфраструктурным. Интересующие нас композиты относятся к существительным и имеют полный набор грамматических признаков данной части речи. Именно частеречная характеристика делает концепт внесенным в ономасиологическую структуру языка, поскольку «обобщенное отражение действительности в сознании сначала определенным образом обрабатывается, расчленяется и упорядочивается **в соответствии со способами наименования данного языка** (выделено нами – О.Б.). Это внутреннее формирование понятия по отношению к его выражению в данном языке происходит при помощи так называемых ономасиологических категорий, т.е. основных понятийных категорий, образующих в данном языке основу называния и обладающих своим категориальным

¹⁰ В нашей терминологии – номинатемы.

выражением» [12, с. 196]. Развивая данный тезис, Е.С. Кубрякова указывает на предельный уровень ономаσιологического членения, предлагая соотносить ономаσιологические категории с частями речи, ориентированными на разное обозначение по-разному воспринимаемых объектов действительности [3, с. 25]. Следует, следовательно, относить данную характеристику к «верхнему» уровню структуризации концепта, который в этом случае может трактоваться как номинативное значение. Такой подход мы находим, например, у В. М. Никитевича, который определяет номинативное значение как «лексическое значение, в котором непременно присутствует как обязательный элемент целостное значение части речи и его подкласса» [6, с. 17].

Исходя из вышесказанного, необходимо согласиться с мнением, что «классификация слов по частям речи не может считаться чисто грамматической, но имеет свою – и притом ярко выраженную – лексическую сторону» [4, с. 15]. Более того, некоторые ученые вообще считают ее чисто лексической (см.: [1, сс. 128-129; 92]).

Поэтому мы и считаем, вслед за В. И. Теркуловым, что «грамматическое значение, интегрированное в общее инвариантное значение номинатемы, вводит концепт, определяемый нами как ее семантическое ядро, в систему языкового членения мира, делает его соотносимым с уже устоявшимися в языке представлениями об онтологических типах референтов (предмет, действие, признак и т.п.), актуализирует в нем наиболее общие признаки этих типов и тем самым устанавливает его место в системе языка, наделяя уже свойствами соответствия внеязыковой действительности языковым моделям» [10, с. 100].

Иначе говоря, тождество номинатемы обеспечивается на уровне языка единым инвариантным значением-концептом, представляющим собой систему грамматических (смыслоорганизующих) и лексических (смыслоустанавливающих) сем, которые актуализируются в речи в глоссах в ситуациях денотации и коннотации.

Итак, рассматриваемые нами композиты представлены исключительно существительными. Однако для полного описания исследуемого класса этого указания недостаточно. Необходимо обратить внимание на то, что изучаемые существительные обозначают процесс, то есть, в принципе, имеют значение, характеризующие другой грамматический класс – глаголы. Следует отметить еще и то, что все рассмотренные нами композиты можно разделить на две группы – отглагольные имена (девербативы) и собственно имена. Девербативы часто

называют «производной номинацией с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так частично и в синтаксическом плане» [3, с. 84]. Сюда, например, относятся деривационные композиты **бузотерство** (Одним своим появлением среди осужденных полковник Табахов был способен обернуть вспять вышедшую из берегов мутную волну неповиновения и **бузотерства** [Чапала 2003]), образованное от глагольного словосочетания **тереть бузу** (Ладно, хорош **бузу тереть**, – сонно отмахнулся Сережка [Чапала 2003]); **китоловство**, образованное от словосочетания **ловить китов** (К окончанию войны на 4 ведущих страны, занимавшиеся **китоловством**, приходилось около 200 китобойцев – До последнего военного 1945 г. без особых ограничений **ловила китов** Япония [Рыбак Приморья. – 12.06.10]); универбализационные композиты **коконозаготовка** (Шелководы Джаркурганского района одними из первых в республике справились с заданием по **коконозаготовкам** [Правда Востока. – 20.05.09]), являющееся универбальной интерпретацией именного словосочетания **заготовка коконов** (В Согдийской области Таджикистана почти выполнен намеченный план по **заготовке коконов** тутового шелкопряда [<http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=111876>]), которое, в свою очередь, мотивировано глагольным словосочетанием **заготавливать коконы** (Последний является самым большим производителем этой продукции, здесь на сегодня **заготовлено 304,4 тонны коконов** [<http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=111876>]); **жирообразование** (Уменьшает процесс **жирообразования**, особенно в области талии [<http://gloryon2009.uaprom.net/p129125-apple-day-dnevnoj.html>]), являющееся универбальной интерпретацией именного словосочетания **образование жира** (Дневной блокатор **образования жира** [<http://gloryon2009.uaprom.net/p129125-apple-day-dnevnoj.html>]), которое, в свою очередь, мотивировано глагольным словосочетанием **образовывать жир** (Пальмитиновая кислота **образует** более твердый **жир** [<http://healthyfeed.com/2007/12/06/14/>]). Квазикомпозиты также могут в конечном итоге быть связаны с глаголом, например, **моторостроительство**, не имеющее в качестве эквивалента словосочетания **строительство моторов**, мотивировано существительным **строительство**, образованным от глагола **строить**.

Глагол «имеет сложную семантическую структуру, в которой отображается свернутая синтаксическая структура, своего рода «макет» будущего предложения» [7, с. 8]. Как писала А.А. Уфимцева, «в семантике глагольных лексем зафиксированы субъектные или объектные его связи, либо те и другие; поэтому

глаголы можно условно назвать (по локализации их семантических связей) субъектными, объектными и двунаправленными субъектно-объектными и объектно-субъектными» [11, с. 423]. Мы отмечаем две модели реализации семантической валентности глагола в продуцирующих композиты словосочетаниях.

Во-первых, в структуре композита может быть отражена реальная или условно реальная глагольная конструкция. Например, структура композита **дноуглубление**, являющегося универбальной интерпретацией словосочетания **углубление дна**, отражает трансформацию Глаг+Сущ4 > Сущ1+Сущ2, при которой именное словосочетание возникает на базе глагольного словосочетания **углублять дно**, ср.: *Рекам углубляют дно – Запланировано и углубление дна в районе Экономии – Средства на дноуглубление идут из канальных сборов* [Правда Севера. – 20.05.03]; структура композита **бракодельство** является деривационной интерпретацией производящего словосочетания **делать брак**, ср.: *Если человек десятилетиями привык делать брак, то изменить его не получится – На новый завод не брать ни в коем случае, чтобы не занес бациллу бракодельства* [<http://smi2.ru/noose/c175614/>]. При образовании квазикомпозитов (в первую очередь – деривационных) исходная производящая конструкция условна. Например, квазикомпозит **автотракторостроение** вполне мог бы быть образован от словосочетания **строить автомобили и тракторы**. Другое дело, что данная конструкция нами не отмечается в текстах, где употребляется приведенный композит. В этом случае мы можем говорить только об условном производящем словосочетании.

Во-вторых, объективность образования одного из конструкторов композита от глагола иногда не подкрепляет связь композита с исходным глагольным словосочетанием. В этих случаях источником для композита или квазикомпозита, всегда универбализационного, является реальное или условно реальное именное словосочетание. Путь образования сложного слова в этом случае может быть представлен формулой «Глаг > Сущ1 > Сущ1+Х», где Х – любой зависимый компонент. Валентность глагола здесь реализуется через валентность отглагольного существительного. Например, от глагола **подкармливать** образовывается существительное **подкормка**, которое формирует на своей базе словосочетание **авиационная подкормка**, ставшее в результате универбализации композитом **авиаподкормка**, для которого невозможно найти глагольный эквивалент. Сравните: *При авиаподкормке удобрения равномерно распределяются по поверхности почвы, значительно сокращаются сроки работ* [<http://fadr.>

msu.ru/rin/crops/rye4.htm] – По мнению Сычева, **авиационные подкормки** оправданны только на больших полях – больше 200 га для... [<http://www.agro-business.ru/topprinter/article/1230...>]. Структура композита **метеонаблюдения** повторяет структуру именного словосочетания **метеорологическое наблюдение**, где существительное восходит к глаголу **наблюдать**, и даже не предполагает существования исходной глагольной конструкции: На «Садко» **метеонаблюдения** производились лишь четыре раза в сутки – Мной был подготовлен план глубоководных измерений и **метеорологических наблюдений** [Бадин 1980] и т.д. При образовании квазикомпозитов универбализационного типа исходная производящая конструкция так же условна. Например, квазикомпозит **азроразведка** явно связан с именем **разведки**, но не с глаголом **разведывать**.

Однако следует отметить, что композиты с процессуальным значением могут образовываться не только от глаголов и девербативов, но и от неотглагольных имен со значением процесса. Обычно это заимствованные существительные типа **терапия, прогноз, экспорт** и под., например, **лазеротерапия – лазерная терапия: Постоянно работает отделение физиотерапии: солярий, ингаляторий, класс КВЧ-терапии, стол для вытяжения и коррекции позвоночника, УФЧ-терапия, лазеротерапия, массаж** [От винта. – 03.07.07] – **Практически все появляющиеся медицинские технологии были опробованы на больных с хроническим простатитом – и самое современное медикаментозное лечение, и лазерная терапия, и СВЧ-гипертермия** [Твой день. – 10.09.07], **метеопрогноз – метеорологический прогноз: Руководитель департамента ЖКХ сообщил, что неточность метеопрогнозов вызвана нехваткой пунктов контроля за погодой – Неточные метеорологические прогнозы разоряют московских строителей** [<http://www.polit.ru/news/2004/08/24/meteo.html>] и прочие. От таких же имен образуются и квазикомпозиты универбализационного типа: **серотерапия, аэронавигация, гидромелиорация**.

Очень важно установить то, каков когнитивный статус рассматриваемых сложных слов. Мы уже говорили выше, что основой тождества номинатемы является его языковое концептуальное значение. В принципе, каждый концепт может иметь доминантные черты разных структур представления знаний. И. А. Стернин говорит, в этой связи, о трех разных типах концептов:

1) концептах-представлениях, представляющих собой «обобщенные чувственно-наглядные образы предметов и явлений» [8, с. 24], например: **ночь, бабушка, солнце** и т.п.;

2) концептах-понятиях, которые определяются как «мысль о наиболее общих, существенных признаках предмета или явления, результат рационального отражения основных, существенных признаков предмета» [8, с. 25], например: *истец, ответчик, судья*;

3) концептах-гештальтах, которые описываются как «комплексные, целостные функциональные структуры», упорядочивающие «многообразие отдельных явлений в сознании» [8, с. 24-25], например: *театр, подготовка, написание*.

С данной типологией концептов можно согласиться, однако она требует, на наш взгляд, некоторых достаточно важных уточнений.

Во-первых, вызывает сомнение возможность разделения субстанциональных концептов на концепты-представления и концепты-понятия. Как писал В. И. Теркулов, на уровне языка «всякий концепт содержит в себе рациональное и чувственно-наглядное одновременно» [10, с. 222]. При этом на уровне речевой номинации может актуализоваться в одних ситуациях чувственно-наглядное (представление), а в других – рациональное (понятие). Именно поэтому на уровне языка нами констатируется существование единых субстанциональных концептов, то есть концептов, не связанных с представлением о внеязыковой ситуации.

Во-вторых, если концепты с субстанциональной доминантой являются гомогенной группой, то концепты-гештальты, настроенные на интерпретацию ситуаций, подразделяются на фреймы, трактуемые как «структуры данных для представления стереотипной ситуации» [5, с. 7] и репрезентирующие **статическое** представление о ней, и скрипты (сценарии), представляющие обозначенную номинатемой ситуацию в виде «списка событий, задающих стереотипный эпизод» (см. [13]) и репрезентирующие **динамическое** представление о ней.

Для нас методологически важным является утверждение воронежского ученого о том, что концепт «может в разных коммуникативных условиях реализовывать либо гештальт, либо понятие, либо представление, поскольку все эти концепты представляют разные уровни мыслительной абстракции, а коммуникативные потребности могут потребовать разной степени конкретизации мысли» [8, с. 26]. Иначе говоря, мы согласны с И. А. Стерниным в том, что заданный на уровне языка концепт как унифицирующая сущность в речи конкретизируется, актуализируя те или иные свои конституенты. Как писали В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин, «лингвокультурный концепт многомерен <...>. Традиционные единицы когнитивистики

(фрейм, сценарий, скрипт и т.д.), обладая более четкой, нежели концепт, структурой, могут использоваться исследователями для моделирования концепта» [2, с. 76]. Эта многомерность и становится причиной и возможностью разнонаправленной актуализации той или иной структуры представления знаний.

Именно так представлены знания и в рассматриваемых нами композитах. В них отражается динамика перехода скрипт > единый гештальт > фрейм. Мы выделяем шесть типов базовых значений рассматриваемых композитов.

1. Собственно действие, представленное, например, в группах **пуск дыма – дымопуск, деять > прелюбодеяние**. В указанных случаях явно реализуется скриптовый гештальт, для которого динамическая составляющая является доминантной: перед нами очевидная абсолютизация действия. Обычно скрипт «действие» имеет в своей основе семантику совершенного вида прототипного глагола.

2. Процесс, представленный, например, в группах **заготовка яиц > яйцезаготовка, красть скот > скотокрадство, излучение > радиоизлучение**. В указанных случаях при доминировании скриптовых сем/слотов огромную значимость приобретают и фреймовые семы/слоты. Например, композит **яйцезаготовка** помимо актуализации действия заготовки актуализирует еще и фреймовые слоты, которые определяют процесс яйцезаготовки и как комплекс статичных признаков. Сюда входят представления о заготовительной конторе, об участниках процесса заготовки, о месте заготовки и т.д.

3. Мероприятие, где фреймовые слоты преобладают над скриптивными, например **агитационный поход – агитпоход, терапия – физиотерапия, бороться с иконами – иконоборство**. Обозначенная композитом ситуация самодостаточна уже на уровне определения атрибутов базового действия. Например, поход, конечно же, основывается на действии перемещения людей в пространстве (скрипт), однако наиболее значимыми для концепта «поход» становятся статические характеристики – цель, участники, место и т.п., что приближает данный концепт как представление знаний к фреймовому (статичному) концепту «событие».

4. Событие. В концепте «событие» слот действия переносится в разряд периферийных, например, **убийство царя – цареубийство, крушение кораблей – кораблекрушение**. В этом случае важным является уже не процесс, а результат данного процесса.

5. Отрасль – конечный фреймовый концепт, трактующий действие как основу для объединения людей. Иначе говоря, отрасль – это отдельная, самостоятельная часть какого-н. рода

деятельности, например, *ткать шелк – шелкоткачество, строительство – гидростроительство, торговля с иностранцами – торгсин.*

6. Состояние – конечный фреймовый концепт, описывающий результаты действия. Другими словами, состояние – это положение, в котором кто-либо или что-либо находится в результате того или иного действия, например, *ощущение мира – мироощущение, пить кровь – кровопийство, владение домом – домовладение.*

Во всех случаях, однако, концепт, формирующий внутреннее тождество рассматриваемых номинатов, является гештальтным.

Итак, ономаσιологический класс – это объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий. Это такая совокупность номинатов, в которой единый тип представленности знаний (в нашем случае – гештальт «действие») реализован в одном грамматическом классе единиц (в нашем случае – существительных) одинаковым структурным способом (в нашем случае – при помощи композитов, которые включают в состав гештальта не только действие, но и его атрибуты).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; [пер. с фр. К. А. Долинина]. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. трудов. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75-80.
3. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
4. Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала / К. А. Левковская. – М. : Высш. шк., 1962. – 296 с.
5. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский; [пер. с англ. О. Н. Гринбаума]. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
6. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Вышэйшая школа, 1985. – 158 с.
7. Рохлина Л. А. Вербальная объективация и репрезентация логико-мыслительной категории локальности (на материале русского и французского языков) : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Л. А. Рохлина. – Ульяновск, 2006. – 21 с.
8. Стернин И. А. Национальная специфика мышления и проблема лакуарности / И. А. Стернин // Связи языковых

- единиц в системе и реализации : сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного университета, 1998. – С. 22-31.
9. Тазетдинова Р. Р. Языковой концепт как базовый термин лингвокультурологии / Р. Р. Тазетдинова // Межкультурный диалог на евразийском пространстве : международная научная конференция, Уфа, Башкирский государственный университет, 30 сентября – 2 октября 2002 г. : материалы. – С. 1-3. – Режим доступа : http://www.bashedu.ru/evrazia/f_s/f_tazetdinova.rtf. – Заголовок с экрана.
10. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.
11. Уфимцева А. А. Структурная организация лексики и ее единиц / А. А. Уфимцева // Общее языкознание : внутренняя структура языка. – М. : Наука, 1972. – С. 394-454.
12. Dokulil M. Tvorení slov v češtině. I. Teorie odvozování slov / M. Dokulil. – Praha : CAV, 1962. – 263 s.
13. Schank R. C. Dynamic Memory / R. C. Schank. – Cambridge : Cambridge Univ. Press., 1982. – 234 p.

АННОТАЦИЯ

Блюмина О. В. Понятие об ономаσιологическом классе композитов-субстантивов со значением процессуальности в русском языке

В статье рассматривается когнитивный статус композитов-субстантивов со значением процессуальности в русском языке. Предпринята попытка описания ономаσιологического класса субстантивных композитов.

Ключевые слова: композит, ономаσιологический класс, девербатив, квазикомпозит.

SUMMARY

Blyumina O. V. The concept of onomasiological class of composites-substantives with the meaning of processuality in Russian

The article examines the cognitive status of composites-substantives with the meaning of processuality in the Russian language. It presents an attempt to describe the onomasiological class of substantive composites.

Key words: composite, onomasiological class, deverbative, quasi-composite.

Н.В. Волкова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.611–613.811.111

ФАКТОРЫ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ РЕАЛИЗАЦИЮ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА БРИТАНСКИХ АНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ

В лингвистике лексический слой английского языка рассматривается в рамках различных аспектов, в том числе с точки зрения его расширения словообразовательными неологизмами. Функционирование единиц неоднородных по своему происхождению и территориальным признакам обращает внимание филологов на актуальность сохранения в языковой системе слов, которые являются исконными и относятся к стандартному английскому, что частично реализуется при образовании новых слов на их основе. В новейший период одним из наиболее значимых процессов является развитие американского варианта английского языка, а именно словообразовательных возможностей американизмов.

Словообразовательный потенциал английской лексики исследуется современными лингвистами: И.А. Галуцких, Э.Т. Дерди, Г.В. Комаровым, В.Г. Костенко, Е.Э. Науменко, В.И. Пушкар, В.Р. Саркисянц [3-9] и др. Причиной, способствующим реализации словообразовательного потенциала существительных британского английского языка и их американских эквивалентов, посвящены работы автора данной статьи [1; 2]. Вне поля зрения языковедов остаются причины, сдерживающие словообразовательные возможности обозначенных выше лексем.

Целью данного исследования является анализ факторов, которые ограничивают реализацию словообразовательного потенциала британских английских существительных и их американских эквивалентов.

Для достижения цели нами обозначены следующие задачи: создание базы пар существительных, в которых один компонент является единицей британского английского языка, а второй – его эквивалентом в американском варианте; сопоставление словообразовательной продуктивности исследуемых единиц каждой пары; анализ факторов, которые повлияли на ограничение реализации словообразовательных возможностей в парах существительных с нулевой реальной словообразовательной

продуктивностью.

Методом сплошной выборки из словаря «Longman Dictionary of Contemporary English» [10] нами было отобрано 498 пар субстантивов, в которых одно слово является британским английским, а другое – его эквивалентом в американском варианте. В данной работе пары существительных представлены следующим образом: первое существительное в паре является словом британского английского языка, а второе – американским вариантом.

Результаты проведенного исследования показывают, что наибольшую группу (363 пары, 72,89 %) составляют пары, у которых оба существительных на данный момент характеризуются нулевой реальной словообразовательной продуктивностью, словарем не зафиксированы производные, образованные от данных единиц; 68 пар (13,65 %) характеризуются тем, что от британского существительного образовано больше производных; у 60 пар (12,05 %) больше производных слов у американского эквивалента; 7 пар (1,41 %) составляют те, у которых оба существительных имеют одинаковую реальную языковую словообразовательную продуктивность.

Анализ причин, способствующих реализации словообразовательного потенциала британских существительных и их американских эквивалентов, обнаружил следующие закономерности. Первостепенными факторами, которые благоприятствуют большей реализации словообразовательных возможностей британских английских существительных по сравнению с их американскими эквивалентами являются, во-первых, более высокая частотность употребления британских единиц, во-вторых, большее количество значений у данных субстантивов, а также комбинированное влияние данных факторов [1, с. 43-44]. Главными факторами, способствующими большей реализации словообразовательных возможностей американских английских существительных по сравнению с их британскими эквивалентами является комбинированное влияние большего количества значений и более высокая частотность употребления американской единицы, а также отдельное влияние большего количества значений данных лексем [2, с. 70].

Рассмотрим факторы, которые повлияли на сдерживание реализации словообразовательного потенциала британских существительных и их американских эквивалентов.

Анализ влияния словообразовательного фактора показывает, что по морфологической структуре 132 пары (36,36 %) являются сложными, 60 пар (16,53 %) – сложносоставными, 22 пары (6,06 %) – простыми, 19 пар (5,24 %) – составными и 130 пар

(35,81 %) представляют смешанные типы (из них 62 пары (17,08 %) включают в себя одно сложное существительное, другое – сложносоставное).

Примечательным является тот факт, что среди сложных существительных в большинстве пар одинаковый компонент входит в структуру как британского английского существительного, так и его американского эквивалента. Приведем примеры данных пар:

– последний компонент одинаковый (53 пары): *face cloth – washcloth, weatherboard – clapboard, garden party – lawn party, double cream – heavy cream, ground floor – first floor, full beam – high beam, coach station – bus station, chat show – talk show, rock pool – tide pool, doss house – flophouse, handbrake – emergency brake, wendy house – playhouse, notice-board – bulletin board, breeze-block – cinder block, roof-rack – luggage rack, phone-in – call-in, press-up – push-up, pull-up – chin-up*;

– первый компонент одинаковый (38 пар): *watchstrap – watchband, sun lounge – sun porch, dishcloth – dishrag, blood group – blood type, cab rank – cabstand, fog lamp – fog light, sandpit – sandbox*;

– первый и последний компоненты одинаковые (2 пары): *know-all – know-it-all, windscreen wiper – windshield wiper*;

– смешанный тип (5 пар): *ring-pull – pull tap, go slow – slowdown, flyover – overpass, boob tube – tube top, candyfloss – cotton candy*.

34 пары составляют сложные существительные британского английского языка и их эквиваленты в американском варианте, в которых все компоненты слов являются разными, например: *bedside table – nightstand, flick knife – switchblade, dustsheet – drop cloth, market garden – truck farm, unit trust – mutual fund, dress circle – first balcony, stag night – bachelor party, catwalk – runway, underground – subway, takeaway – carry-out, off licence – liquor store*.

Подобные тенденции находим также в группесложносоставных существительных, например:

– последний компонент одинаковый (32 пары): *current account – checking account, communication cord – emergency cord, financial year – fiscal year, action replay – instant replay, propelling pencil – mechanical pencil, games room – recreation room, visiting card – calling card, dual carriageway – divided highway*;

– первый компонент одинаковый (10 пар): *clothes peg – clothespin, goalkeeper – goaltender, measuring jug – measuring cup, salt cellar – salt shaker, newsreader – newscaster*;

– смешанный тип (3 пары): *knuckleduster – brass knuckles, consumer durables – durable goods*;

– все компоненты разные (15 пар): *drawing pin – thumbtack, paddle steamer – sidewheeler, registered post – certified mail, footballer – soccer player, recorded delivery – certified mail, positive discrimination – affirmative action, surgical spirit – rubbing alcohol.*

Приведем примеры пар существительных, которые характеризуются тем, что две лексемы являются простыми: *swede – rutabaga, chicory – endive, fair – carnival, teat – nipple, veranda – porch.*

В группу пар составных существительных входят в большей мере слова с одинаковыми суффиксами, например, *silencer – muffler, pager – beeper, conditioner – softener, lodger – roomer, marking – grading, icing – frosting, detailing – valeting, blinkers – blinders, trimmings – fixings.*

Рассмотрим пары, в которых существительные британского английского и американского английского по морфологической структуре являются разными:

– одно существительное – простое, другое – составное, сложное или сложносоставное (25 пар): *grill – broiler, hair slide – barrette, aubergine – eggplant, tarpaulin – tarp, mantelpiece – mantel;*

– одно существительное – составное, другое – сложное или сложносоставное (43 пары): *brandy glass – snifter, zimmer frame – walker, indicator – turn signal, hoarding – billboard, docker – longshoreman;*

– одно существительное – сложное, другое – сложносоставное (62 пары): *waxworks – wax museum, terraced house – row house, best man – groomsman, packed lunch – box lunch, guide dog – seeing eye dog, open sandwich – open-faced sandwich, newsagent – paper shop, dustman – garbage collector, climbing frame – jungle gym.*

Как следует из вышеизложенного, одной из лингвистических причин, влияющих на ограничение реализации словообразовательных возможностей существительных британского английского языка и их американских эквивалентов, является то, что большинство данных единиц является сложными или сложносоставными.

Немаловажным фактором, ограничивающим реализацию словообразовательного потенциала лексем, является фактор частотности их употребления.

Сопоставление существительных британского английского языка и их американских эквивалентов с нулевой реальной словообразовательной продуктивностью показывает, что 350 пар (96,42 %) составляют лексемы, которые не входят в первую, вторую или третью тысячи слов, употребляемых в устной или письменной речи. Примерами могут служить: *canteen – cafeteria, parafin – kerosene, cannabis – marijuana, caver – spelunker, poste*

restante – general delivery, public prosecutor – district attorney, dialing code – area code, hire purchase – installment plan, sidelight – parking light, towelling – terrycloth, spring onion – scallion, hessian – burlap, porridge – oatmeal, groundsman – groundskeeper, hairgrip – bobby pin, petrol – gasoline.

Три пары (0,82 %) составляют существительные с высокой частотностью употребления. Например, во вторую тысячу частотных слов в разговорной речи входят существительное британского английского языка *motorway* и его американский эквивалент *freeway*. Кроме этого, последний входит также в третью тысячу частотных слов в письменной речи.

По пять пар (по 1,38 %) составляют две группы, в которых только одно из существительных отмечено высокой частотностью употребления. Британские существительные *wardrobe, pram, trainer, handbag* входят в третью тысячу слов, часто употребляемых в устной речи, *interval* – в письменной речи, а их американские эквиваленты не характеризуются высокой частотностью употребления: *armoire, baby carriage, tennis shoe, pocketbook, intermission*, соответственно. В парах лексем *pocket money – allowance* и *defendant – prisoner* выше частотность употребления у американских существительных: *allowance* входит во вторую тысячу частотных слов в устной речи и в третью тысячу частотных слов в письменной речи, а существительное *prisoner* – в третью тысячу частотных слов в устной речи и во вторую тысячу – в письменной речи.

Итак, низкая частотность употребления исследуемых субстантивов в британском английском языке и их эквивалентов в американском английском, по нашему мнению, не способствует образованию производных слов от данных существительных.

При исследовании влияния семантического фактора на реализацию словообразовательных возможностей анализируемых субстантивов было обнаружено, что 283 пары (77,96 %) составляют существительные, которые имеют только одно значение, 23 пары (6,34 %) – два и больше значений, 57 пар (15,70 %) представляют смешанные типы, где одна единица – моносемантическая, а другая – полисемантическая. Обратим внимание, что подавляющее большинство полисемантических субстантивов этих групп являются эквивалентами только в одном из значений.

Остановимся на моносемантических существительных: *courgette – zucchini, cilantro – coriander, amusement arcade – video arcade, chopping board – chopping block, founder member – charter member, provisional licence – learner's permit, scratchings – pork rinds, fireguard – firescreen, racecourse – racetrack, prawn cocktail –*

shrimp cocktail, top table – head table, crazy golf – miniature golf, passbook – bankbook, hairgrip – bobby pin.

Полисемантическими являются субстантивы в следующих парах: *aerial* (2 значения) – *antenna* (2 значения), *bloomer* (2 значения) – *blooper* (2 значения), *laundry basket* (2 значения) – *hamper* (2 значения), *brainwave* (2 значения) – *brainstorm* (2 значения), *sifter* (2 значения) – *shaker* (4 значения), *spanner* (2 значения) – *wrench* (3 значения), *fanlight* (2 значения) – *transom* (3 значения), *derby* (4 значения) – *bowler* (2 значения) и др.

Пары *coffin – casket, newsflash – news bulletin, crash barrier – guard rail, flatmate – roommate* являются примерами тех пар, которые включают в себя моносемантическое британское английское существительное и бисемантический американский эквивалент. В следующих парах американские лексемы имеют одно значение, а британские – два и больше: *raspberry* (2 значения) – *Bronx cheer, car park* (2 значения) – *parking garage, Casualty* (3 значения) – *Emergency room, pavement* (3 значения) – *sidewalk, valve* (3 значения) – *vacuum tube*.

Следовательно, одна из причин нулевой реальной словообразовательной продуктивности британских субстантивов и их американских эквивалентов – это моносеманτικότητα большинства данных единиц.

Стилистические характеристики значений некоторых изучаемых существительных, такие как неформальная или разговорная сфера употребления (которые обычно способствуют появлению новых производных), не повлияли на реализацию словообразовательного потенциала исходных единиц. Например, неформальным является употребление слов *backchat – backtalk, ghetto blaster – boom box*, британского существительного *combover (scrapeover – американский эквивалент)*, американского существительного *day (sports day – британский эквивалент)*, а в паре *shuttlecock – birdie* одно из значений американского существительного является разговорным. Незначительное количество составляют существительные с другими стилистическими показателями, например, *traffic warden – meter maid* (устаревшее), *accelerator* (техническое) – *gas pedal*.

Таким образом, большинство анализируемых британских английских существительных и их американских эквивалентов являются стилистически немаркированными (343 пары (94,49 %) составляют две лексемы, не имеющие дополнительных стилистических показателей, 15 пар (4,13 %) – одно из существительных стилистически маркировано, 5 пар (1,38 %) – два существительных стилистически маркированы), а неформальная

или разговорная сфера употребления некоторых единиц не повлияла на реализацию их словообразовательного потенциала.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о причинах, которые сдерживают реализацию словообразовательного потенциала британских английских существительных и их эквивалентов в американском варианте английского языка. Во-первых, очевидным является влияние словообразовательного фактора: 69,97 % пар данных существительных характеризуются сложной или сложносоставной морфологической структурой. Во-вторых, наблюдаем взаимосвязь между отсутствием производных слов у исследуемых субстантивов и их незначительной частотностью употребления: 96,42 % пар составляют существительные, которые не входят в первую, вторую или третью тысячи слов, употребляемых в устной или письменной речи. В-третьих, ограничение реализации словообразовательных возможностей таких субстантивов зависит от их моносемантичности – 77,96 % пар. В-четвертых, обнаружено, что значения 94,49 % пар исследуемых существительных стилистически немаркированные.

Перспективой нашего дальнейшего исследования является изучение причин, способствующих реализации словообразовательного потенциала глаголов британского английского языка и их эквивалентов в американском варианте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Н. В. Основные причины, способствующие реализации словообразовательного потенциала существительных британского английского языка [Электронный ресурс] / Н. В. Волкова // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). – Макеевка, 2015. – С. 39-44. – Режим доступа: <http://donnasa.ru/inform.php?lng=r&pid=2468&art=2469>.
2. Волкова Н. В. Основные факторы, способствующие реализации словообразовательных возможностей субстантивов в американском варианте английского языка / Н. В. Волкова // Восточнославянская филология : сб. науч. трудов. – Горловка, 2016. – Вып. 2(28). – С. 65-71.
3. Галуцких И. А. Особенности реализации словообразовательного потенциала ядерных лексем английского и немецкого языков / И. А. Галуцких // Записки з романо-германської філології : зб. наук. праць. – Одеса, 2005. – Вип. 16. – С. 21-30.

4. Дерді Е. Т. Словотвірні та структурно-семантичні характеристики англійських юридичних термінів : дис. ... кандидата філол. наук : 10.02.04 / Дерді Емма Тіберіївна. – К., 2003. – 283 с.
5. Комаров Г. В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / Г. В. Комаров. – Краснодар, 2007. – 24 с.
6. Костенко В. Г. Словотворчі потенції твірних іменних кореневих основ германського походження (на матеріалі англійської біологічної термінології) : дис. ... кандидата філол. наук : 10.02.04 / Костенко Вікторія Геннадіївна. – Полтава, 1999. – 285 с.
7. Науменко Е. Э. Особенности аббревиации в современной английской лексической идиоматике [Электронный ресурс] / Е. Э. Науменко. – Режим доступа: <http://www.pn.pglu.ru/sndex.php?module=subjects/23.05.2007>.
8. Пушкар В. І. Структура, семантика та словотворчі функції основ префіксальних дієслів : (На матеріалі англійської економічної термінології) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.04 “Германські мови” / В. І. Пушкар. – К., 2002. – 19 с.
9. Саркисянц В. Р. Участие исконно-английских заимствованных глаголов в обогащении словарного состава современного английского языка (на основе анализа словаря Chambers 21st Century Dictionary) [Электронный ресурс] / В. Р. Саркисянц. – Режим доступа : <http://www.rspu.edu.ru/science/conference/05.09.2006>
10. Longman Dictionary of Contemporary English / [dir. D. Summers]. – Oxford : Pearson Education Limited, 2006. – 1951 p.

АННОТАЦИЯ

Волкова Н. В. Факторы, ограничивающие реализацию словообразовательного потенциала британских английских существительных и их эквивалентов в американском варианте

В статье рассматривается вопрос словообразовательного потенциала существительных английского языка. Автор сопоставляет британские лексемы и их американские эквиваленты. Основной акцент делается на факторах, ограничивающих реализацию потенциала исследуемых единиц на уровне словообразования.

Ключевые слова: существительное, словообразовательный потенциал, фактор, ограничивать, британский английский язык, американский эквивалент.

SUMMARY

Volkova N. V. The factors that restrain the word-forming potential of British and American nouns in English

The article deals with the problem of the word-forming potential of nouns in English. The author contrasts British lexemes and their American equivalents. The accent is made on the study of the factors that restrain the development of word-forming potential of units under analysis.

Key words: noun, word-forming potential, factor, to restrain, British English, American equivalent.

*С.П. Волосевич
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.72(=111)

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В современных лингвистических исследованиях фразеологические единицы, благодаря наличию коннотативного макрокомпонента в семантике, рассматриваются как специфические единицы, обслуживающие прагматику языка. Интерес лингвистов к изучению коммуникативно-прагматического потенциала фразеологизмов объясняется тем, что фразеологизмы, являясь прагматически маркированными единицами, не только обозначают, но и выражают.

В современной лингвистике существуют разнообразные точки зрения на языковую прагматику. В последние годы сфера интересов прагматики существенно расширилась. Ряд лингвистов приходит к выводу о необходимости разграничения языковой и общей прагматики. Первая относится к чисто языковым средствам выражения прагматической установки, а вторая покрывает область экстралингвистических прагматических факторов. Однако и перед языковой прагматикой стоит довольно широкий круг проблем, решением которых она должна заниматься. Несмотря на различия, которые выявляются при сопоставлении различных точек зрения на прагматику, во многих из них присутствует идея о воздействии на адресата с помощью вербальных средств. Одним из таких вербальных средств являются фразеологические единицы, которые могут быть употреблены в речи, как в узуальном виде, так и в преобразованном.

В зависимости от характера преобразования, преобразованные индивидуально-авторские фразеологические единицы получают различный прагматический потенциал и выступают структурными элементами прагматически ориентированных текстов, внося в них различный вклад.

Рассмотрение преобразованных фразеологических единиц, ориентированное на абстрактную прагматическую установку – воздействовать на адресата, имеет относительный характер. Такое разделение опирается на первичную социальную ситуацию, участниками которой являются автор (адресант) и читатель (адресат). Участниками вторичных (отраженных) ситуаций являются персонажи художественных произведений.

Целью данной статьи является анализ вторичных (отраженных) ситуаций общения в прагматическом ракурсе рассмотрением одного из видов окказионального преобразования фразеологизмов, а именно – замен компонентов и их коммуникативно-прагматической направленности. Это позволяет рассматривать замены компонентов фразеологизмов в конкретных социальных ситуациях общения.

Во вторичных социальных ситуациях объектом исследования являются преобразованные индивидуально-авторские фразеологизмы, которые употребляются в диалогической речи персонажей. При этом делается допущение, что диалоги, конструируемые авторами художественных текстов, являются отражениями реальных ситуаций общения. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что в диалоге речь воплощается как действие со всем спектром возможных для неё коммуникативных заданий. Диалог подчинен психологии межличностных отношений, прямо зависит от социальных факторов и привязан к конкретным ситуациям общения [1, с. 25; 3, с. 15].

Рассмотрение речи как действия, то есть в реальных условиях коммуникации, требует учёта параметров коммуникативной ситуации. К таким параметрам обычно относятся тема коммуникации (содержание речевого сообщения), коммуникативное задание, включающее информативную и прагматическую цели, коммуниканты с их социальными отношениями и индивидуально-психологическими характеристиками, регистр обстановки общения (официальный, фамильярный), место общения.

Прагматическая установка не охватывает полностью коммуникативное задание, а выступает как его часть, которая направлена на достижение определенного воздействия на адресата. Прагматическая установка, таким образом, определяет не только то, что говорит адресант, но и как и для чего он это

говорит. Именно прагматическая установка в значительной мере предопределяет выбор адресантом неязыковой фразеологической единицы, а преобразованной как такого способа выражения, который более адекватен для реализации коммуникативного задания. Следовательно, всегда существует взаимосвязь между прагматической установкой говорящего и целенаправленной заменой компонентов исходного фразеологизма.

Ниже предпринимается попытка показать, что ситуативно-преобразованные фразеологизмы, имеющие вне конкретного коммуникативного акта относительно незначительный окказиональный прагматический заряд по сравнению с исходными фразеологизмами, в конкретных ситуациях общения способны адекватно выполнять прагматическую установку адресанта, значительно наращивая свой прагматический потенциал.

Рассмотрим диалог из романа Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта». В диалоге фразеологическая единица *wouldn't touch somebody with a bargepole* – *refuse to associate or be concerned with* преобразуется в рамках параметров коммуникативного акта. Коммуникантами являются Чарлз Смитсон – аристократ, и его слуга Сэм, говорящий на кокни. Ролевая структура общения ассиметрична: господин – слуга. Обстановка общения: слуга бреет господина. Отправной точкой общения служит объявление господином своего намерения уволить слугу. Коммуникативное задание, выполняемое Ч. Смитсоном – подшутить над слугой. Прагматическая установка – смоделировать свое речевое поведение таким образом, чтобы скрыть свое истинное намерение и заставить слугу поверить в серьезность своего намерения. Смитсон объясняет слуге, что увольнение избавит его от необходимости встречаться со служанкой, о которой Сэм как-то отозвался *"I wouldn't touch 'er with a bargepole! Bloomin' milkmaid."* Но Смитсон знает, что Сэм к служанке равнодушен. В процессе общения Чарлз подтрунивает над идиолектом слуги. Приведем часть диалога в качестве примера:

"I ain't done nothink, Mr Charles."

"I also wish to spare you the pain of having to meet that impertinent young maid of Mrs Tranter's."

"Now what is wrong?"

"'Er, sir."

"Ursa? Are you speaking Latin now? Never mind, my wit is beyond you, you bear. Now I want the truth. Yesterday you were not prepared to touch the young lady with a barge's tool of trade. Do you deny that?"

"I was provoked."

"Ah, but where is the primum mobile? Who provoked first?"

But Charles now saw he had gone too far. The razor was trembling in Sam's hand. (J. Fowles, The French Lieutenant's Woman, p. 97)

Рассматривая преобразование фразеологизма в рамках коммуникативной ситуации, нетрудно заметить, что замена компонента полностью отвечает коммуникативному заданию адресанта и носит максимально насыщенный прагматический характер. С одной стороны, адресант сознательно идет на прагматически значимое нарушение одного из постулатов Принципа Кооперации Г.П. Грайса – «Выражайся ясно» [2, с. 223], употребляя латинские слова, которые, как он заведомо знает, слуга не поймет. И замена компонента совершается в этом же русле: компонент *bargepole* заменяется словосочетанием *bargee's tool of trade*, содержащим не полностью фонетически ассимилированное слово и придающим нарочитый и вычурный характер всему высказыванию. Дополнительный шуточный эффект вполне отвечает коммуникативному заданию.

Остановимся на примере преобразования фразеологизма *whited/whashed sepulcher* – 1) лицемер; 2) что-либо ничтожное, прикрывающееся наружным блеском. В этом примере из романа Артура Хейли «Менялы» симметричная ролевая структура общения. Тема коммуникации: обсуждение состояния дел в филиалах банка. Коммуникантами являются члены Совета директоров банка. Коммуникативное задание, рассматриваемое со стороны одного из участников заседания, Алекса Вандервута, заключается в информировании членов Совета директоров о необходимости модернизации филиалов банка. Прагматическая установка – смоделировать свое речевое поведение так, чтобы убедить членов Совета принять нужное ему решение. Обстановка общения: официальная.

"From their description", Floyd Le Berre said – he was reading an information sheet Tom Straughan had circulated – "those branches sound like laundromats".

Heyward, also reading, shook his head. "Not in keeping with our style. No dignity".

"We'd do better to shed some dignity and add more business", Alex declared. "Yes, store-front banks resemble Laundromats; just the same, they are the kind of branch banks which are coming in. I'll make a prediction to the board: neither we, nor our competitors can go on affording the gilded sepulchers we have as branch banks now.... (A. Haily, The Moneychangers, p. 246)

Адресант предоставил документацию о возможностях филиалов банков и осуществил рациональное воздействие на получателей информации. С целью благоприятного исхода

голосования в сугубо деловой обстановке он использует преобразованную фразеологическую единицу *gilded sepulcher*. Если рассматривать компонент-заменитель *gilded* в синонимическом ряду *whited*, *washed*, то, очевидно, что различия, существующие в системе языка, нейтрализуются в семантике преобразованного фразеологизма и обеспечивают тождественность образа. При формировании подобного образа слово *gilded* теряет те семы значения, которые отличают его от слов *whited* и *washed*. С точки зрения прагматики здесь важна новизна формы. Новизна плана выражения способна выполнить установку на привлечение внимания. В семантике исходной фразеологической единицы уже содержится отрицательная интеллектуальная оценка. Употребление подобных фразеологизмов предназначено для воздействия на адресата и побуждения его к действию. Модификация образа усиливает экспрессивность фразеологизма и его воздействующую силу. Кроме того, обновленный образ апеллирует к эмоциональному восприятию информации. Преобразованная фразеологическая единица заостряет внимание на внешней привлекательности устаревших банков, контрастирующей с их внутренней несостоятельностью.

Рассмотрим преобразование исходной фразеологической единицы *poke one's nose into somebody's business – pry or intrude in something* в следующем примере из романа Д. Стейнбека «О мышах и людях»:

...He stopped suddenly, stepped to the open front door and peered out. "Sax, what the hell you doin' listenin'?" ... "I wasn't listenin'. I was jus' standin' in the shade a minute scratchin' my dog. I jus' now finished swamping out the washhouse".

"You was pokin' your big ears into our business," George said. "I don't like nobody to get nosey." The old man looked uneasy from George to Lennie, and then back. (John Steinbeck, Of Mice and Men, p. 25)

В этой коммуникативной ситуации коммуникантами являются Джордж Милтон и Кэнди. Возраст коммуникатов является различительным параметром индивидуально-психологической характеристики. Джордж – молодой человек, а Кэнди – пожилой. Обстановка общения : неофициальная. Место общения: помещение для проживания сезонных рабочих. Отправной точкой общения служит реплика Джорджа, свидетельствующая о том, что он обнаружил, что его разговор с приятелем подслушивается. Коммуникативное задание, выполняемое Джорджем – показать, что он знает о том, что его разговор подслушивается. У Джорджа Милтона следующая прагматическая установка – смоделировать

свое речевое поведение таким образом, чтобы заставить Кэнди прекратить подслушивание. С этой целью Джордж использует не исходную фразеологическую единицу, в семантике которой содержится диффузное указание на вмешательство, а преобразованную, семантика которой эксплицирует характер вмешательства: подслушивание. Словосочетание-заменитель *big ears* имеет анафорическую связь с элементом предтекста *listenin'*; слово *posey* анафорически связано с заменяемым компонентом *pose*, который присутствует в сознании коммуникантов, поскольку преобразованная и исходная фразеологические единицы характеризуются совместной направленностью на внеязыковую действительность. Все речевое сообщение, таким образом, получает целенаправленный характер, ориентированный на выполнение коммуникативного задания. Следует отметить еще одну сторону замены компонента. Словосочетание *big ears* придает прагматике всего высказывания пренебрежительный оттенок, что вполне соответствует общей направленности коммуникации. Джордж, несмотря на разницу в возрасте, не церемонится с Кэнди. Об этом свидетельствует употребление имеющего грубый оттенок интенсификатора *the hell*, а также слова *posey*, отмеченного в словаре пометами *"slang"*, *"derogatory"*.

Анализ преобразования фразеологических единиц в отраженных коммуникативных ситуациях показывает, что замены, будучи обусловленными прагматическими установками говорящих (адресантов), связаны через эти прагматические установки с другими параметрами коммуникативных ситуаций. Однако, как представляется, жестких корреляций здесь не существует. Так, например, преобразованные фразеологизмы могут употребляться в коммуникативных ситуациях любых социально-эмотивных регистров: от сугубо официальных до крайне непринужденных. Очевидно, что соотносительность с тем или иным регистром определяется, прежде всего, не характером субституции компонентов, а семантико-стилистическими характеристиками исходной фразеологической единицы. Так, фразеологическая единица библейского происхождения *sufficient unto the day is the evil thereof – anything unpleasant will be quite difficult enough to bear when it happens without worrying about it beforehand* ориентирована на официальные, официально-деловые, нейтральные коммуникативные ситуации, а её использование в неофициальной разговорной ситуации всегда прагматически маркировано.

Это же можно сказать и об использовании данного фразеологизма в преобразованном виде и употребленной в интимной ситуации:

"I see ", I said sipping at the whiskey. "You probably don't and I won't bother to explain anything to me" I said.

"Sufficient unto the night are the pleasures thereof".

"You don't do this sort of thing often, do you?"

(I. Shaw, Nightwork, p. 57)

В примере у антонимических замен day – night и evil – pleasures прагматическая направленность выражается в том, чтобы адаптировать преобразованную фразеологическую единицу к данной коммуникативной ситуации, поскольку исходный фразеологизм, имея противоположное значение, не может быть использован для целей коммуникации.

Преобразования фразеологизмов через прагматическую установку связаны с такими параметрами коммуникативной ситуации, как социальный статус коммуникантов, их возраст, уровень образования. Через прагматическую установку преобразование может быть связано с таким параметром коммуникативной ситуации, как место общения. Так, герой Д. Стейнбека Итен Хоули с целью рассмешить дочь прибегает к преобразованию фразеологизма an Englishman's house is his castle – none may force entrance в ситуации, где местом общения является ванная комната:

I waved crossed fingers at her.

"King's X".

"But, Daddy-"

"I said King's X, Miss Hothouse Rhubarb, and I meant King's X".

I slammed the door and shouted, "A man's bathroom is his castle". And I heard her laugh.

(J. Steinbeck, The Winter of Our Discontent, p. 205)

Итак, прагматическая установка адресанта формируется на основе предварительного учета других параметров коммуникативной ситуации. Определив социальные и индивидуально-психологические характеристики адресата, обстановку и место общения, адресант выбирает вербальные средства, посредством которых он будет воздействовать на адресата с целью реализации своего коммуникативного задания. Адресант, используя преобразованную фразеологическую единицу в качестве вербального средства реализации коммуникативного задания, полагает, что преобразованная фразеологическая единица более адекватно служит его выполнению.

Таким образом, во вторичных ситуациях общения окказиональное преобразование фразеологических единиц является действенным средством реализации коммуникативного задания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 3-47.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 217-237.
3. Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики / И.П. Сусов // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин: Изд-во КГУ, 1983. – С. 3-15.
4. J. Fowles. The French Lieutenant's Woman. London, Triad/Panther Books, 1985.
5. A. Hailey. The Moneychangers. – Pan Books, 1976.
6. I. Shaw. Nightwork. – New York: Dell Publishing Company, 1975.
7. J. Steinbeck. Of Mice and Men // American Short Novels. The 20th Century. – Moscow. Raduga Publishers, 1987. – P. 9-86.
8. J. Steinbeck. The Winter of Our Discontent. – Moscow: Vyssaja Skola, 1985.

АННОТАЦИЯ

Волосевич С. П. Коммуникативно-прагматический потенциал индивидуально-авторских фразеологизмов в английском языке

В статье рассматривается использование преобразованных индивидуально-авторских фразеологических единиц в различных социальных ситуациях общения с целью выявления их коммуникативно-прагматического потенциала. Также исследуются параметры коммуникативных ситуаций в их влиянии на преобразование фразеологизмов в речи.

Ключевые слова: прагматика, преобразование фразеологической единицы, прагматический заряд, параметры коммуникативной ситуации.

SUMMARY

Volosevich S. P. Communicative and pragmatic potential of nonce idioms in the English language

The article explores the nonce usage of idioms in different social acts of communication in order to assess their pragmatic potential. The components of communicative acts as well as their impact on idiom deformation are also explored.

Key words: pragmatics, nonce usage of an idiom, pragmatic charge, components of an act of communication.

*В.А. Вострецова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811'253:778.5:316.776.33

МАНИПУЛЯЦИЯ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Перевод как средство коммуникации между представителями разных культур, наций, государств должен способствовать пониманию реципиентом сказанного/написанного или взаимопониманию между говорящим/пишущим.

Заметим, однако, что на практике четко проявляются другие подводные интенции использования перевода. Целью данной статьи является рассмотрение манипуляции в переводе в целом и аудиовизуальном переводе в частности.

Манипуляция рассматривается многими учеными с психологической точки зрения как манипуляция сознанием человека, существуют фундаментальные и популярнее работы по данному вопросу (Доценко Е.Л., Кара-Мурза С.Г., Хомский Н., Шейнов В.П. и др.). Определенная часть работ посвящена манипуляции в переводе (Климович Н.В., Корнаухова Н.Г., Кузьменко Л.Г., Привалова Ю.В. и др.). Изначально переводоведы делали акцент на манипуляции при переводе художественных текстов, немного позже исследования вышли за рамки художественного перевода и стали охватывать другие виды письменного перевода, а также устный перевод. Однако неосвещенным остается вопрос о манипуляции в аудиовизуальном переводе.

Итак, под подводными целями использования перевода мы имеем в виду намеренное создание такого варианта перевода, который удобен в той или иной ситуации: приспособлен к эстетическим вкусам эпохи, соответствует политическому курсу страны, подкрепляет ее идеологию и т.д.

Для того чтобы сделать текст удобным, переводчик перерабатывает его таким образом, что он (текст перевода) начинает оказывать значительное влияние на сознание реципиента, т.е. имеет место манипуляция сознанием реципиента.

Манипуляцию в основном считают негативным явлением, исходя из большинства ее толкований – «скрытое управление адресатом со стороны инициатора, при котором последний достигает своих целей, нанося ущерб адресату» [8, с. 6]. Однако, манипулировать другими людьми можно и с положительной целью, например, для предотвращения незаконных действий (напр., предотвратить драку, которая могла бы поставить под

угрозу здоровье и жизнь участников), искоренения вредных привычек (напр., бросить курить), выполнения социально-полезных действий (напр., помочь нуждающимся) и т.д. Манипуляция в положительном понимании может способствовать эволюции литературы и общества, т.к. появляются новые концепции, жанры, приемы.

С одной стороны, манипулировать сознанием людей можно с помощью слов, образов, поступков. С другой стороны, можно оказывать влияние на речь, образы и поступки реципиента. Наиболее распространенным и эффективным видом скрытого воздействия на сознание реципиента является языковое манипулирование, в связи с чем необходимо упомянуть термин «коммуникативная манипулятивная стратегия», который понимают как определенную структурированную последовательность действий говорящего, предполагающую однозначное прочтение реципиентом речевого поведения говорящего. Среди средств языкового воздействия широко используют перенасыщение оценочной лексикой, нейтральными словами в противовес словам с ярко выраженной негативной коннотацией, также используют эвфемизмы, т.е. применяют такие «механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков» [6]. Создается иллюзия самостоятельности сделанных реципиентом выводов.

Необходимо указать, что «заложенная в нас биологически программа поведения недостаточна для того, чтобы мы были людьми. Она дополняется программой, записанной в знаках культуры. И эта программа – коллективное произведение. Значит, наше поведение всегда находится под воздействием других людей, и защитить себя от этого воздействия каким-то жестким барьером мы в принципе не можем» [1, с. 13-14].

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что культура страны языка перевода диктует переводчику путь выбора способа передачи оригинала. В данном контексте в термин «культура» мы включаем также политику и идеологию (как общественную, так и религиозную). И та, и другая имеют значительное влияние на переводческую деятельность. Переводчики не могут игнорировать ограничения, выдвигаемые культурой.

Однако необходимо отметить, что «манипуляция в контексте перевода отличается от манипуляции в привычном значении. Традиционно, слово манипуляция обозначает осознанные и нечестные стратегии, используемые для того, чтобы вводить

других людей в заблуждение и влиять на них. В переводе, как и в других профессиональных сферах таких, как финансы, компьютеры и медицина, манипуляция обозначает не только искажение, но и улучшение или оперирование» [9, с. 4].

Интересным является мнение некоторых ученых о том, что любой перевод, особенно перевод художественной литературы, – это манипуляция, потому что «перевод никогда не сможет быть таким же, как оригинал» [10, с. 37]. Переводчик технически манипулирует нормами культуры языка перевода. Переводчику для подготовки текста, приемлемого для целевой аудитории, приходится лавировать между различными ограничениями под влиянием политических и литературных властных структур в определенном обществе [10, с. 37]. Нельзя не согласиться со следующим высказыванием о переводе: «это не невинное занятие, поскольку переводчик находится под влиянием его/ее собственных культурных ценностей и его/ее идеологии, что заставляет его «манипулировать» текстом оригинала с помощью добавлений, опущений, адаптаций» [цит. по 11, с. 373]. Действительно, текст перевода всегда адаптируется с учетом многих факторов: возрастной, гендерной, социальной принадлежности реципиента, требований политики, идеологии и т.д.

Идеологический подход к переводу появился много столетий назад и подтверждается некоторыми ранними, известными нам, переводами (например, перевод произведений древнегреческой литературы в Древнем Риме). Отметим тот факт, что чем дальше находятся друг от друга культура страны языка оригинала и языка перевода, тем больше возникает проблем, связанных с моралью, идеологией и социальными обычаями, и вынуждающих переводчика все время держать их в поле зрения. Существуют различные типы манипуляции при переводе, например, конверсивная, реверсивная, перверсивная, субверсивная, диверсивная, аверсивная, трансверсивная [4], каждая из которых имеет различную степень и цель влияния на реципиента.

Кинематограф как элемент культуры также может использоваться для манипуляции сознанием. Исследователи выделяют такие основные функции манипулятивных технологий кинематографа: 1) функция контроля над зрительским восприятием и побуждения зрителя идентифицироваться с героями фильма [цит. по 7, с. 290], 2) функция формирования мотивации, типа поведения, ценностной системы зрителя и влияния на общество, способствуя расширению сознания [7, с. 290]. При соединении манипуляции в переводе и манипуляции в кинематографе можно получить такую комбинацию, которая позволит влиять на зрителя.

При переводе фильмов переводчик всегда сталкивается с проблемой выбора между двумя переводческими стратегиями – доместикацией и форенизацией. Выбор стратегии зависит от политики страны в отношении кинематографа в целом и перевода иноязычных фильмов в частности. Известно, что страны подразделяются на три группы в зависимости от типа аудиовизуального перевода: 1) использующие дубляж, 2) использующие субтитрование, 3) использующие закадровый перевод в его различных его вариантах (одноголосый, двухголосый, многоголосый). Каждая страна делает свой выбор с учетом различных факторов, ведущим из которых является экономический. Указанные группы стран влияют на выбор стратегии перевода. Однако стратегии могут тесно переплетаться в пределах одного фильма, «сам факт присутствия форенизации в переводе предопределяет и наличие доместикации» [3, с. 93].

Политика в указанной сфере также может основываться на курсе, выбранном правительством по отношению к населению своей страны, что проявляется в манипулировании сознанием масс с помощью доместикации или форенизации. Например, во времена сложных отношений между двумя конкретными странами может наблюдаться, с одной стороны, запрет на показ фильмов оппозиционной страны, с другой – запрет на сохранение элементов культуры этой страны в переведенных фильмах. И, наоборот, при тесных связях наблюдается тенденция к форенизации. Применяемые при форенизации и доместикации «языковые средства воздействия используются для того, чтобы формировать у аудитории не только отношение к отдельным деятелям, но и к целым странам, а также проводимой ими политике» [5].

Таким образом, переводчику приходится манипулировать смысловыми блоками фильма в зависимости от требований определенного типа аудиовизуального перевода. К тому же переводчику необходимо сделать выбор между стратегией доместикации и форенизации, т.е. максимального переноса фильма в контекст культуры зрителя-реципиента или же максимальный перенос зрителя к культуре страны фильма. Здесь могут быть применены несколько подходов:

- полная переработка текста и саундтрека фильма (например, переводы Д. Пучкова (Гоблина) и студией «Божья искра»), при которой может не сохраняться смысл оригинала;

- значительная переработка текста фильма с целью его максимальной адаптации к культуре языка перевода (например, замена оригинальных имен героев на русские имена при переводе фильма «Все ненавидят Криса» студией «Кураж Бомбей»);

– «манипулирование значениями <...>, выражающееся, в частности, в полном пересоздании значительного числа юмористических моментов и тщательной работе переводчика над „знаковыми фразами”» [2, с. 380];

– перенос иноязычных реалий в текст перевода с помощью транслитерации или транскрипции (например, имен героев, названий блюд, названий музыкальных инструментов и т.д.);

– так называемое остранение фильма – придание переводу странных черт (например, сочетание иноязычных реалий с именами, свойственными русской культуре).

Все указанные подходы используются с разной целью, однако их применение приводит к манипуляции реципиентом при восприятии фильма.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, необходимо отметить, что перевод, выполненный человеком или при участии человека, неизбежно манипулятивен в силу своей природы, даже если сам переводчик не осознает своего воздействия на зрителя. На такую естественную манипулятивность накладываются политические, экономические, идеологические традиции и требования культуры языка перевода, которым переводчик не в силах, а иногда и не вправе сопротивляться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс] / С. Г. Кара-Мурза. – Режим доступа : <http://rumol.ru/files/library/books/kara-murza/kara-murza-manipul.pdf>. – 05.10.2016.
2. Козуляев А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода / А. В. Козуляев // Царскосельские чтения. – 2013. – № XVII. – Т. I. – С. 374-381.
3. Корнаухова Н. Г. Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием / Н. Г. Корнаухова // Вестник Иркутск. ун-та. – 2011. – № 3(15). – С. 90-96.
4. Корнаухова Н. Г. Перевод vs. версия: виды манипуляции в художественном переводе [Электронный ресурс] / Н. Г. Корнаухова. – Режим доступа : <http://psibook.com/linguistics/perevod-vs-versiya-vidy-manipulyatsii-v-hudozhestvennom-perevode.html>. – 05.10.2016.
5. Пономаренко Е. Б. Языковые механизмы манипулирования (на примере русских информационных текстов) [Электронный ресурс] / Е. Б. Пономаренко. – Режим доступа : <http://gisap.eu/ru/node/16982>. – 06.10.2016.

6. Речевое или языковое манипулирование [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://iamruss.ru/rechevloe-ili-yazykovoe-manipulirovanie/>. – 09.11.2016.
7. Скрипкарь М. В. Манипулятивные технологии кинематографа / М. В. Скрипкарь // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 6. – С. 288-291.
8. Шейнов В. П. Манипулирование сознанием / В. П. Шейнов. – Минск : Харвест, 2010. – 768 с.
9. Ducate A. Manipulation as a specific phenomenon in translation and interpreting [Электронный ресурс] / Aiga Ducate. – Riga, 2007. – Режим доступа : https://dspace.lu.lv/dspace/bitstream/handle/7/4984/6969-Aiga_Dukate_2007.pdf?sequence=1. – 08.11.2016.
10. Kramina A. Translation as Manipulation: Causes and Consequences, Opinions and Attitudes [Электронный ресурс] / Aiga Kramina // Studies about Languages. – 2004. – No. 6. – Режим доступа : http://www.kalbos.lt/zurnalai/06_numeris/06.pdf. – 05.11.2016.
11. Rahbar M. Ideological manipulation in translation: A case study of Jean Webster's "Daddy Long Legs" / M. Rahbar, Z. Ranjbar Najaf Abad, N. Bateni // International Journal of Language Learning and Applied Linguistics World. – 2013. – Vol. 4. – P. 373-381. – Режим доступа : <http://www.ijllaw.org/finalversion4428.pdf>.

АННОТАЦИЯ

Востретьцова В. А. Манипуляция в аудиовизуальном переводе

В данной статье автор рассматривает манипуляцию как психологическое явление, манипуляцию в переводе и манипуляцию в аудиовизуальном переводе. Автор акцентирует внимание на основных переводческих стратегиях, применяемых для манипуляции зрителем, как в оригинале, так и в переводе – доместикации и форенизации.

Ключевые слова: манипуляция, культура, перевод, аудиовизуальный перевод, доместикация, форенизация.

SUMMARY

Vostretsova V. A. Manipulation in audiovisual translation

The article deals with manipulation as psychological phenomenon, manipulation in translation, manipulation in audiovisual translation. The author makes emphasis on the major translation strategies applied to manipulate the recipient both in the original and in the target text, i.e. the strategies of domestication and foreignization.

Key words: manipulation, culture, translation, audiovisual translation, domestication, foreignization.

А.Г. Дринко
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'362.161.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАТИВНЫХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Цель и задачи исследования. Основной целью статьи является сопоставительный анализ примеров экспликации побуждения социативными конструкциями (далее ПСК) в английском и украинском языках. Эта цель обуславливает, в частности, решение таких задач:

- установить и описать модели ПСК в сопоставляемых языках;
- дать количественную характеристику ПСК в обоих языках;
- выявить сходства и различия в составе моделей ПСК в английском и украинском языках.

Актуальность статьи определяется необходимостью продолжения сопоставительного исследования моделей ПСК в английском и украинском языках.

Исследование выполнено на материале 230 примеров ПСК в английском языке и 188 примеров ПСК в украинском языке, собранных методом сплошной выборки из произведений художественной литературы английских, американских и украинских авторов первой половины двадцатого века.

Побудительные социативные высказывания имеют основное значение – побуждение адресата/адресатов к действию, в исполнении которого принимает участие и говорящий, ср.: *Come in here, please, Stack. Let's sit down* [9, с. 551]. – *‘Прошу вас, заходите, Стак. Сядьмо’*; *Ходімо*, – *промовив він*, – *подивимось, як танцюють* [4, с. 166].

В языках, которые сопоставляются, существуют различные средства выражения побудительных социативных высказываний. Конструкции, которые употребляются для выражения побуждения к совместному действию, можно разделить на две группы: глагольные и безглагольные.

Глагольные конструкции, в свою очередь, подразделяются на три подгруппы, в которых глагол выражается одной из форм повелительного, изъявительного или сослагательного наклонения. В группу безглагольных побудительных конструкций входят такие части речи, как существительное, наречие, местоимение и междометие. Побудительные высказывания совместного действия в английском и украинском языках выражаются следующими императивными

конструкциями: а) конструкциями с глаголом в синтетической форме императива, ср.: укр. “*Ходімо*”, – *промовив він, – “подивимось, як танцюють”* [4, с. 166] англ. *Come and have lunch* [9, с. 186]. – “*Підемо пообідаємо*”; б) конструкциями с глаголом в аналитической форме императива, ср.: укр. *А поки що давай і справді перейдемо на іншу тему* [7, с. 627]; англ.: *Let’s take an automobile* [9, с. 192]. – “*Давай візьмемо автомобіль*”.

В украинском языке форма глагола является показателем совместного выполнения действия, например: *Ходимо в лото. Чудесна гра, їй-богу!* [4, с. 435]. В конструкции с синтетическим императивом входят формы глагола 1-го лица множественного числа, которые образуются при помощи окончаний *-мо*, *(-м)*. Часто используются предложения, где побуждение направлено к адресату/адресатам, глагол имеет форму 2-го лица единственного или множественного числа, однако в выполнении действия участвует и говорящий(е), например: – *Здорова була, Яринко! А ходи з нами!* [6, с. 295]. В английском же языке синтетическая форма совместного действия совпадает с формой императива 2-го лица единственного и множественного числа: “*Come for a little stroll then*”, *he urged* [8, с. 59]. – “*Тоді погуляємо ще трошки, наполягав він*”. По форме глагола трудно определить, кто является исполнителем действия. Однако существуют лексические средства, указывающие на то, что говорящий побуждает к совместному действию: “*Walk with me as far as Mount Street*” [9, с. 75]. – “*Дійдемо разом до Маунт – стріт*” или *Come along, dear boy* [9, с. 321]. – “*Підемо, дорогий мій*”. Побудительные конструкции с глаголом в форме синтетического императива в украинском языке являются самым распространенным средством выражения побуждения к совместному действию (61,2%). В английском языке синтетический императив составляет 26,1%.

Аналитические конструкции в английском языке наиболее частотны 47,4%, это указывает на то, что такой способ является основным при выражении побуждения к совместному действию: *Let’s come in*. “*Давай увійдемо*” (1-е лицо + 2-е лицо единственного числа) *Let us come in*. “*Давайте увійдемо*” совместное лицо множественного числа (1-е лицо + 2-е лицо множественного числа). Отрицательная форма имеет два варианта *Let’s not go there* и *Don’t let’s go there*. “*Давайте не підемо туди*” [1, с. 189-190]. В украинском языке аналитические конструкции занимают второе место по частотности употребления (31,4%), это конструкции с глаголом *давати* + инф.: *Коли так, то давайте помененьку рушати* [7, с. 465].

Таблица 1.

Побудительные социативные конструкции в английском и украинском языках

№	Побудительные социативные конструкции	Английский язык	Украинский язык
1	I. ГЛАГОЛЬНЫЕ 1) Императив а) конструкции с синтетическим императивом б) конструкции с аналитическим императивом 2) Индикатив а) конструкции с перформативными глаголами б) конструкции с модальными глаголами в) конструкции с глаголами в форме изъявительного наклонения 3) Конъюнктив	60 (26,1%) 109 (47,4%) 1 (0,4%) 9 (3,9%) 17 (7,4%) 31 (13,5%)	115 (61,2%) 59 (31,4%) 1 (0,5%) - 6 (3,2%) 2 (1,1%)
2	II. БЕЗГЛАГОЛЬНЫЕ (существительное, местоимение, междометие, наречие)	3 (1,3%)	5 (2,6%)
3	Всего	230 (100%)	188 (100%)

К глагольным конструкциям относятся конструкции с глаголом в форме изъявительного наклонения. В этой группе можно выделить следующие подгруппы: а) конструкции с модальными глаголами: в английском языке они составляют 3,9%; б) конструкции с перформативными глаголами *пропонувати, suggest* и др. В исследуемых языках эти модели занимают последнюю позицию (в англ. яз. 0,4%, в укр. яз. 0,5%); в) конструкции с глаголами в форме настоящего, прошедшего или будущего времени, например: *“Идем!” – сказав Сергій, не доходячи.* [6, с. 308]. Утвердительные конструкции с глаголами в форме изъявительного наклонения в английском языке более распространены, чем в украинском языке (в англ. яз. 7,4%, в укр. яз. – 3,2%). К этой группе относятся и вопросительно-побудительные предложения, выражающие побуждение к совместному действию, что является более непринужденным, естественным, неофициальным в сравнении с побуждением, которое выражено побудительным утвердительным предложением [1, с. 91]: *Выпьемте с нами?* [6, с. 169]. *Why not stop somewhere and have a drop of brandy?* [9, с. 498]. – *‘Почему бы*

где-нибудь не остановиться и не выпить глоточек коньяка?’ В английском языке вопросительно-побудительные предложения совместного действия могут начинаться глаголом *shall*: “*Shall we go and pay a call on Gombauld?*” – *he suggested carelessly* [10, с. 186]. – ‘*Підемо заглянемо до Гомбо, – запропонував він якби знавця*’. Местоимение первого лица множественного числа *we* является показателем того, что говорящий включается в действие. Следует отметить, что в украинском языке вопросительно-побудительные предложения обычно начинаются с глагола, который указывает на выполняемое действие *Сходимо? Підемо? Зробимо?*, в английском языке вопросительные предложения часто начинаются формулами вежливости: *How about...? Як щодо...? Why not...? Чому б не...? What do you think if...? Що ти думаєш, якщо...?* ПСК в вопросительных предложениях в английском языке составляют 5,7%, в украинском языке 1,1%.

К группе глагольных конструкций относятся конструкции, в которых глагол выражен формой сослагательного наклонения. Такие конструкции в сравниваемых языках употребляются для придания побуждению “смягченного” значения: *Можє, пообідали б разом. Я погано знаю Одесу* [6, с. 167]. *We’d better go down, whispered Dinny* [9, с. 212]. – ‘*Нам краще б зійти вниз, – шепнула Діні*’. Конструкции с глаголами в форме сослагательного наклонения в английском языке занимают третье место (13,5%). Проанализировав глагольные конструкции, которые употребляются для выражения побуждения к совместному действию, можно выделить следующие модели ПСК (см. табл. 2.).

Таблица 2.

Глагольные модели побудительных социативных конструкций в английском и украинском языках

№	Типы ПСК	Английский язык	Украинский язык
		Количество	Количество
1	ПСК с синтетическим императивом		
	a) глагол в форме императива	30 (13,2%)	74 (40,4%)
	b) глагол в форме императива + предлог + существительное	11 (4,8%)	18 (9,8%)
	c) глагол в форме императива + предлог + местоимение	4 (1,8%)	6 (3,3%)
	d) глагол в форме императива + наречие	15 (6,7%)	17 (8,7%)

2	ПСК с аналитическим императивом а) Let's + глагол в форме инфинитива б) Let's + глагол в форме инфинитива + дополнение в) Давати + глагол в форме императива г) Давати + глагол в форме императива + дополнение	97 (42,7%) 12 (5,4%) - -	23 (12,6%) 1 (0,5%) 34 (18,7%) 1 (0,5%)
3	ПСК с глаголом в форме изъявительного наклонения а) глагол в форме настоящего времени б) глагол в форме прошедшего времени в) глагол в форме будущего времени г) модальные глаголы д) перформативные глаголы	6 (2,6%) - 11 (4,8%) 9 (4%) 1 (0,4%)	- 5 (2,7%) - 1 (0,5%) 1 (0,5%)
4	ПСК с глаголом в форме сослагательного наклонения а) We'd better б) Pr. + Vmod. в) Глагол + б(би)	20 (8,8%) 11 (4,8%) -	- - 2 (1,8%)
Всего		227 (100%)	183 (100%)

Необходимо отметить, что в группе ПСК с синтетическим императивом наблюдается сходство моделей в обоих языках. В украинском языке отсутствуют модели с фразовыми глаголами, например: *Come along*. 'Підемо'. В украинском языке модели с глаголом в форме повелительного наклонения преобладают и составляют 40,4%. В группе ПСК с аналитическим императивом в английском языке более распространенные модели 'Let + инфинитив' (42,7%). В украинском языке в этих моделях может наблюдаться инверсия (Давайте + Vinf.) (Vinf. + Давайте): Давайте читати и Читати давайте. В английском языке в модели Let's + inf. инверсия невозможна: Let's sit down 'Давайте сядемо'. В украинском языке в группе ПСК с аналитическим императивом чаще употребляются модели 'Давати + императив' (18,7%). В английском языке отсутствуют модели Let's + Vimp. Существует различие между моделями

ПСК с глаголами в форме изъявительного наклонения. Так, в английском языке распространены модели с глаголом в форме будущего времени (4,8%), в украинском – в форме прошедшего времени (2,7%). В английском языке модели с глаголом в форме прошедшего времени не употребляются для выражения побуждения. В группе конструкций с глаголом в сослагательном наклонении в английском языке существует большой набор моделей с модальными глаголами: *We could sit on the stairs. 'Ми могли б сісти на сходинках'*. Однако наблюдается преимущество в употреблении одной конструкции над другой. Так, в этой группе доминирует конструкция *had better* (8.8%). В украинском языке ПСК с глаголом в форме сослагательного наклонения наименее частотны (1,8%).

Функцию побуждения к совместному действию выполняют не только глагольные конструкции, но и безглагольные, которые передаются такими частями речи, как: а) местоимение с предлогом: *За мною!*; б) наречие: *Швидше, Тихше; Up here* [9, с. 147]. – *'Сюди'*; в) междометие: в укр. яз.: *анумо, баста, буде, годі, гайда*; г) существительным с предлогом: *"Now for the door", said Aduе* [8, с. 252]. – *'Тепер підемо відчиняти двері, – сказав Едай'*.

Безглагольные конструкции редко употребляются для выражения побуждения к совместному действию. Так, в английском языке эти конструкции составляют 1,3%, в украинском – 2,6%.

Предложения с ПСК используются в различных речевых актах:

1) требование – *(Щорс) Давайте вже битися, або розходитесь по домівках* [2, с. 180]; 2) совет – *Так, отут занадто свіжо. Ходімо додому* [4, с. 711]; 3) предложение – *Слухай, – перебиває один з гостей, – давай вип'ємо та закусимо, потім уже хай він далі тягне* [3, с. 383]. Кроме того, ПСК передают речевым актам дополнительные смягчающие значения: 1) формальное отношение к действию: *I've got the preface. Shall we trot?* [9, с. 310]. – *'Передмова в мене. Пішли?'*; 2) смягченного предложения: *I want air. Are you up to walking?* [9, с. 89]. – *'Мені хочеться подихати свіжим повітрям. Пройдемося пішки?'*; 3) дружественного предложения (между родственниками или друзьями), например: *"Let's think for three minutes", he said, "and pool the results"* [9, с. 218]. – *'Давайте три хвилини подумасмо, – сказав він, – а потім обмінємося думками'*.

Выводы. В сопоставляемых языках было выявлено две группы побудительных социативных конструкций: глагольные

и безглагольные. В обоих языках приоритетными являются глагольные конструкции. Однако в английском языке доминантными являются конструкции с аналитическим императивом (47,4%), в украинском языке преимущество отдается конструкциям с синтетическим императивом (61,2%).

Перспективами исследования является дальнейшее выявление, классификация и анализ способов выражения побуждения в разноструктурных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюлин Л.А. Презумции побуждения и прагматика императива // Типология и грамматика / Л.А. Бирюлин. – М.: Наука, 1990. – С. 162-173.
2. Довженко О. Кіноповісті / О. Довженко. – К.: Дніпро, 1983. – 439 с.
3. Куліш М. П'єси / М. Куліш. – К.: Наук. думка, 1998. – 302 с.
4. Підмогильний В. Оповідання / В. Підмогильний. – К.: Наук. думка, 1991. – 800 с.
5. Самбук Р. Скіфська чаша: Повісті / Р. Самбук. – К.: Рад. письменник, 1981. – 288 с.
6. Самчук У. Волинь. Роман у двох частинах / У. Самчук. – К.: Дніпро, 1993. – 325 с.
7. Хвильовий М. Новели. Оповідання. Повість про санаторну зону. Вальдшнепи: Роман. Поетичні твори / М. Хвильовий. – К.: Наук. думка, 1995. – 600 с.
8. Cronin A.J. Hatter's Castle. Foreign Languages Publishing House / A.J. Cronin. – M., 1963. – 669 с.
9. Galsworthy J. End of the Chapter. Foreign Publishing House / J. Galsworthy. – M., 1960. – 602 с.
10. London J. Short Stories. Foreign Languages Publishing House / J. London. – M., 1950. – 400 с.

АННОТАЦИЯ

Дринко А. Г. Сравнительный анализ социативных побудительных конструкций в английском и украинском языках

В статье классифицируются и сопоставляются модели побудительных социативных конструкций в английском и украинском языках, основываясь на текстовой выборке из художественных произведений английских, американских и украинских авторов.

Ключевые слова: социативные конструкции, побуждение, речевые акты.

SUMMARY

Drinko A. G. Contrastive analysis of incentive sociative constructions in English and Ukrainian

The author of the article displays, classifies and gives comparative description of the modals of the incentive sociative constructions in the English and Ukrainian languages. The analysis is based on the examples from English, American and Ukrainian texts. In the analysed languages the ways of expressing inducement are divided into two groups: verbal and nonverbal. The imperative constructions are the basic way of expressing inducement in comparative languages.

Key words: incentive sociative constructions, inducement, speech acts.

*Е.В. Емельянова
(г. Актобе, Казахстан)*

УДК 81.0

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Как известно, слово – носитель не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации, оно вместе с тем аккумулирует социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно национального характера. Такая информация и составляет социально-исторический, национально обусловленный культурный компонент смысловой структуры слова.

Культурный компонент смысла слова для носителей конкретного языка непосредственно выявляется в текстах, в которых так или иначе, по тому или иному поводу сопоставляются социально-исторические срезы эпох сложившиеся стереотипы мышления, речевого поведения представителей разных слоев общества, профессий, политических групп. Обычно это находит свое выражение в так называемых оценках речи, в более развернутом виде – в комментирующих контекстах, в детализированных толкованиях слов. Культурный компонент значения слова становится очевидным при сопоставлении, столкновении автором художественного произведения социально-речевых характеристик персонажей.

Н.Ю. Шведова выдвинула и обосновала продуктивную мысль о языковых условиях существования слова как об одном из важнейших (наряду с внутренними свойствами слова)

факторов его многоаспектного описания. «... лексическая единица всегда существует одновременно в контексте класса, в контексте текстовой последовательности и в содержательном («обстановочном») контексте речевой ситуации» [5, с. 112]. Как представляется (и это подтверждает освещение данной проблемы Н.Ю. Шведовой), для выяснения и описания культурного компонента смысла слова актуальны именно «обстановочные» (содержательные) контексты.

«Обстановочный» контекст – исходный, опорный момент при характеристике, описании слов, культурный компонент смысла которых обусловлен политическим, идеологическим осмыслением соответствующих понятий и явлений действительности, литературными реминисценциями и ассоциациями. «Из чисто содержательных ситуаций, из «контекстов обстановки», которые проецируются на слово и концентрируются в компонентах его значения, – отмечает Н.Ю. Шведова, – складывается описание таких слов, как «золушка» (о том, кто несправедливо гоним, кого не любят, обижают) или уже имеющее право на место в словарях сочетание «поручик Ржевский» (выдуманная личность, выдаваемая и принимаемая за реально существующую) [5, с. 208].

Н.Г. Комлев был первым русским лингвистом, который ввел в лингвистику понятие культурно-исторического компонента значения. Он высказал мысль о том, что слово, отражающее предмет или явление действительности определенного социума, не только означает его, но и создает при этом некоторый фон, ассоциирующийся с этим словом. Поэтому в семантике слова должен содержаться некоторый компонент, фиксирующий именно данный социальный фон, в котором слово существует. «Признавая наличие «внутреннего содержания слова», то есть факта, что слово-знак выражает нечто кроме самого себя, мы обязаны признать и наличие культурного компонента – зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума» [3, с. 220]. Изучение культурного компонента слов является важным условием успешного овладения иностранным языком и усвоения культурно-исторических значений соответствующей социальной действительности. Второй момент является важным условием использования языка как средства общения. По мнению О.С. Ахмановой, непременным условием реализации любого коммуникативного акта должно быть «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [1, с. 28]. Через изучение языка как отражения социокультурной реальности,

как феномена культуры – национальной и общечеловеческой, формируется представление об инофонной картине мира, приобретает способность гармонично общаться в нашем собственном обществе и в других социумах, предупреждать и преодолевать конфликты, обусловленные историческими, политическими и религиозными различиями культур. Таким образом, через язык создается эффективная основа для интернационального и интеркультурного взаимопонимания. Современный культурный мир стремится к интегрированию различных культур в единую мировую культуру. Результатом подобного полилога становится обогащение, становление принимающей культуры и принимающей литературы, а также их самоопределение относительно ино-мира исходной культуры и исходной литературы. Н.Д. Гальскова поднимает вопрос об организации поликультурного образования, нацеленного на обеспечение взаимосвязанного коммуникативного, социокультурного и когнитивного развития изучающих иностранный язык. Нельзя не согласиться с ее утверждением, что «в основе когнитивного компонента, связанного с осмыслением картины мира иной социокультуры, познанием смысловых ориентиров другого лингвоэтносоциума, лежат знания о ... культуре страны изучаемого языка, а также общие знания о культуре и коммуникации» [4, с. 164].

Культурный компонент смысла слова для носителей конкретного языка непосредственно выявляется в текстах, в которых так или иначе, по тому или иному поводу сопоставляются социально-исторические срезы эпох сложившиеся стереотипы мышления, речевого поведения представителей разных слоев общества, профессий, политических групп. Обычно это находит свое выражение в так называемых оценках речи, в более развернутом виде – в комментирующих контекстах, в детализированных толкованиях слов. Культурный компонент значения слова становится очевидным при сопоставлении, столкновении автором художественного произведения социально-речевых характеристик персонажей.

Культурный компонент смысла слова неоднороден. Он может иметь интеллектуальное и экспрессивно-эмоциональное содержание, рационалистическую и эмоциональную оценку. Такой его характер выявляется полнее всего в «обстановочных» контекстах, в непосредственных комментариях конкретного слова, вернее его словоупотребления. Это больше всего в первую очередь распространяется на слова общественно-политической и философской сфер, культурный компонент смысла которых имеет интеллектуальное содержание.

Культурный компонент коннотативного характера приобретает различный статус в смысловой структуре разных слов. И в зависимости от этого для его описания требуются «обстановочные» контексты неодинакового объема и структуры или непосредственный комментарий. Следует при этом подчеркнуть, что необходимость в таких контекстах и комментарий возникает прежде всего при сопоставлении обычно двух национальных культур при обучении неродному языку, в переводческой деятельности.

Говоря о различном статусе культурного компонента в смысловой структуре коннотативно значимых слов, мы имеем в виду следующие ряды лексико-семантических явлений.

Первый ряд составляют слова, в том числе имена собственные, коннотация которых опирается на ассоциации. При этом важно различать ассоциации, в основе которых лежат традиционные, социально-исторически обусловленные осмысления определенных реалий, представлений, понятий как национально-самобытных, присущих только носителям данного языка, и ассоциации литературного происхождения.

Особенно рельефно такого рода ассоциации выявляются при сопоставлении национальных культур или различных социально-исторических ареалов, в частности, на основе анализа переводов художественного произведения на разные языки. В этом отношении большой интерес представляют наблюдения А.А. Брагиной над переводами «Анны Карениной» Л.Толстого на некоторые западноевропейские языки. В балетном наряде Анны Карениной – анютины глазки. Их название, пишет А.А. Брагина, созвучно имени Анна. Этот цветок широко известен в народе: он имеет много названий: трехцветка, полуцвет, брат и сестра, Иван-да-Марья. Цветок овеян легендами и сказками. Одна из них, наиболее известная о запретной роковой любви брата и сестры, не знавших о родстве и поженившихся. Двухцветье напоминает о двух несчастливо влюбленных [2, с. 62].

Однако длинный ряд разнообразных наименований и сложившиеся в русском языке коннотации чужды другим языкам. В немецком языке «анютины глазки» называют Steifmütterchen «маленькая мачеха». Видимо, поэтому в некоторых переводах появляется цветок с другой символикой: einen kleinen often Kranz von blauen Sammetveilchen «маленький венок синих фиалок» или eine kleine Girlande von Vergeßmeinnicht «маленькая гирлянда незабудок». Во французских переводах фигурирует одно из наименований анютиных глазок – pensee «цветок воспоминаний». В английской речевой традиции, в разговорном употреблении цветок «анютины глазки» означает «женственный мужчина».

Переводчики ищут соответствия, не отягощенные ненужной коннотацией. В переводах появляется резеда (a wreath of mignonette «венки, гирлянда резеды»). Она вызывает у англичан ассоциацию с изящным французским кружевом.

Приведем небезынтересное наблюдение над своеобразием восприятия одинаковых или аналогичных ситуаций представителями разных национальных культур (соответственно – разных языков) и социально-культурных ареалов: «В свое время о человеке, склонном проявлять излишнее старание там, где это не нужно, говорили, что он «собирается в Тулу со своим самоваром». Англичане говорят «To carry coals to Newcastle» «возить уголь в Ньюкасл». Французы со свойственным им легким юмором выражают эту мысль словами «зажечь факел, чтобы увидеть солнце». Но, пожалуй, эффективнее всех говорят об этом индонезийцы: «Греби вниз по течению, и над тобой будут смеяться крокодилы». Кстати, обратите внимание, что на экваторе смеются крокодилы, в то время как в наших широтах это делают куры.

В немецкой пословице «Wie der Baum, so die Birn, wie Frau, so die Dirn», что значит «Яблоня от яблони не далеко падает», а казахским эквивалентом является пословица «Аяғын көріп асын іш, анасын көріп қызын ал». Дочка с матерью сравниваются с деревом и его плодом: в немецком с грушей, в русском с яблоком и яблоней, а в казахском с блюдом и посудой. Или же сравним следующие пословицы: «Свинья в золотом ошейнике – свинья», «Bär bleibt Bär, fährt man ihn auch übers Meer», «An ass is but ass, though laden with gold». В разных языках одно и то же понятие выражается по-разному. В немецком языке сравнивается с медведем, в русском со свиньей, а в английском с ослом.

В казахском языке существует выражение «қабырғанмен кеңес» советуйся со своим ребром, то есть с женой. Так как считается, что Аллах создал женщину из ребра мужчины. Аналог такого выражения на немецком звучит так: «Mann ohne Weib, Haupt ohne Leib» мужчина без жены, словно голова без тела.

Когда чье-то кажется лучшим, казахи говорят: «Біреудікі қыздай көрінеді» – чужая жена кажется девочкой, а немцы «Kühe fremder Leute haben immer größere Euter» – у чужих коров вымя всегда больше.

Ассоциации литературного происхождения возникают на основе конкретных литературных произведений: (и отчасти публицистических) например: недоросль, Митрофанушка, маниловщина, обломовщина, пошехонцы, корчагинцы. Сюда относятся ставшие устойчивыми такие сочетания, как золотая рыбка, дым отечества, лишние люди, путевка в жизнь.

Второй ряд лексико-семантических явлений составляют слова, употребляемые в переносно-расширительном смысле. При таком употреблении они утрачивают соотносительность в основных значениях со своими лексическими эквивалентами других языков. Например: к слову гриб «Большой энциклопедический словарь» даёт только «ботанические значения». Однако, говоря с оттенком иронии, насмешки и недоброжелательства о старом человеке, сгорбленном, слабом, небольшого роста, с морщинистым лицом, нередко прибегают к слову гриб или к сочетанию старый гриб. Сравним переносно-расширительное употребление таких слов, как голубь, бык. Или, к примеру, гусь как негативную характеристику человека с намеком на его плутовство, необязательность и немецкое Ganz как характеристику глупой медлительной женщины; английское Horse godmother, где лошадь как неповоротливая женщина, а в казахском Аюдай қорбиган, где неповоротливым является медведь; лапочка, как нежно-ласкательное обращение к женщине, ребенку, заяц – к ребенку при Maus, Mäuschen «мышь, мышка» в немецком языке, и Ботақан – верблюжонок, Қошақан – ягнёнок, Құлыншақ – жеребёнок в казахском языке. Или же сравним слово волк в английском и в казахском языках. Wolf в английском ассоциируется с жестоким, развратным человеком, в казахском же, например в выражении «Өңшең бөрі!», что означает «одни молодцы!», волк ассоциируется с сильным и умным человеком. Это объясняется тем, что в одной из легенд на войне единственного оставшегося в живых тюркского мальчика спасла волчица – Бөрі ана, и от них произошли тюркоязычные народы.

Также казахская и немецкая поговорки: «Күшік асырап ит еттім, Ол балтырымды қанатты» – воспитал щенка, он мне ногу укусил и «Erziehst du dir'nen Raben, wird er die Augen ausgraben» – воспитаешь себе ворона, он тебе глаза выклюет. Подлый человек ассоциируется в казахском языке с собакой, а в русском языке его называют свиньей, в немецком же вороной. Слова Rabenmutter и Rabenvater означают плохая, злая мать и плохой, злой отец.

К последнему ряду явлений относятся слова, коннотативный культурный компонент смысла которых выступает в качестве переносно-метафорического значения данной лексической единицы. Например: шляпа наряду с прямым значением имеет переносно-метафорическое: о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке.

В немецком языке эквивалент слова шляпа в этом значении – Slappschwanz «вялый хвост». Слово тряпка наряду с предметными значениями выступает в разговорной речи с переносно-

метафорическим значением (с оттенком пренебрежительности): о бесхарактерном, слабовольном человеке. Сравним эквиваленты этого значения слова тряпка во французском языке: *roule mouillee* «мокрая курица», в английском *milk sop* – буквально «хлеб, размокший в молоке». Или же сравним выражение «у чёрта на куличках», что значит очень далеко. На английском «At the end of the Earth» – на краю земли, на казахском «ит жеккенде» – где собак запрягают, вместе с прямым значением имеет переносно-метафорическое значение. Это связано с тем, что в годы репрессии «врагов народа» ссылали в Сибирь, где для езды вместо лошадей запрягали собак. Также словосочетание «алтын бесік» – золотая колыбель, значит Родина.

Здесь отмечались только те слова, коннотация которых национально специфична и национально уникальна. Конечно, есть слова, которые заключают в себе аналогичные по содержанию коннотации, наблюдающиеся у эквивалентных слов разных языков. Это относится, скажем, к культурному компоненту смысла слов роза, красный, левый, заря во многих языках европейского ареала или к словам типа донкихот, золушка, Хлестаков, ловелас, красная шапочка.

Наиболее явственно культурный компонент смысла слова проявляется при сопоставлении национальных культур, в частности при изучении народного языка. Вот почему проблема культурного компонента смысла слова – будучи включенной, в социолингвистическую проблематику, весьма существенна для лингводидактики, теории и практики перевода, в контрастно-типологических лингвистических исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Некоторые вопросы семантики в современном языкознании. – М.: Просвещение, 2002. – 219 с.
2. Брагина А. А. Эстетическая функция предметных слов у Л. Н. Толстого // НДВШ. Филологические науки. – 1994. – № 2. – 118 с.
3. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: Наука, 1999. – 264 с.
4. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: Высш. шк., 2011. – 342 с.
5. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. – М., 2006. – 312 с.

АННОТАЦИЯ

Емельянова Е. В. Национально-культурный компонент межкузыковой коммуникации

В статье автор исследует культурный компонент значения слова через призму национального характера английского, русского, казахского и немецкого народа.

Ключевые слова: культурно-исторический компонент значения, обстановочный контекст, коннотация, переносно-метафорическое значение.

SUMMARY

Yemelianova Ye. V. The national-culture component of the interlinguas communication

In the article the author explores the cultural component of the word in the light of the national character of the English, Russian, Kazakh and German people.

Key words: cultural-historical component, values, situational context, connotation, transference-metaphorical meaning.

*Н.А. Жихарева,
И.Ю. Гринева
(Горловка)*

УДК 81'42

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В современной политологии политика определяется как: «1) многомерное явление, которое может быть представлено в качестве: а) сферы общественной жизни, социальной подсистемы, выполняющей функции согласования общих и частных интересов, властвования и поддержания социального порядка, достижения общезначимых целей, управления людьми и общественными делами; б) вид активности социальных субъектов, совокупность их индивидуального поведения; в) тип социальных отношений между индивидами, малыми группами и большими общностями, система взаимодействий и коммуникации людей между собой; 2) политический курс, т.е. сознательно выработанная политическая стратегия (как логически увязанный, направляемый единой волей ряд последовательных единичных действий), включающая в виде необходимых компонентов определение цели и способов ее достижения; направление политической деятельности» [2, с. 580]. При этом политику, как правило, рассматривают в тесной связи с рядом наук: историей, политической и экономической географией, государственным правом, народным правом,

социологией, учением об экономике народного хозяйства, психологией, этикой. Представленные выше определения дают возможность истолковать политический дискурс как речь, объем которой больше, чем фразовое единство, направленную на достижение задач и целей государства, включающих в себя экстралингвистические данные наук, связанных с политикой.

Термин «политический дискурс» следует рассматривать в узком и широком понимании. Т. А. ван Дейк, придерживаясь узкого определения, считает, что политический дискурс представляет собой дискурс политиков в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков. Тем самым он ограничивает политический дискурс деятельностью политиков (профессиональными рамками), т. е. подчеркивается институциональный характер [5]. С точки зрения широкого значения термина «политический дискурс», он должен содержать в себе, как минимум, одну составляющую (субъект, адресат, содержание высказывания), т. е. данный термин носит неинституциональный характер [4].

Политический дискурс может быть рассмотрен с трех точек зрения:

- 1) филологическая (как текст, который затрагивает политические и идеологические концепции, свойственные пониманию интерпретатора);

- 2) социопсихолингвистическая (измерение эффективности, направленной на достижение политических целей адресанта);

- 3) индивидуально-герменевтическая (выявление личностных смыслов адресата / адресанта при определенных обстоятельствах).

Главными отличиями политического дискурса являются:

- 1) наличие политической терминологии;

- 2) специфичная структура дискурса (наличие своеобразных речевых приемов);

- 3) специфичная реализация дискурса (звуковое или письменное сопровождение политического дискурса) [1].

Таким образом, мы видим, что термин «политический дискурс» не имеет точного определения. Однако, используя исследования отечественных и зарубежных исследователей, можно дифференцировать такой вид дискурса, как речь, объем которой больше, чем фразовое единство, направленную на достижение задач и целей государства, включающих в себя экстралингвистические данные наук, связанных с политикой.

Существует два вида отношений в дискурсах:

- 1) гармонизирующий (в основе которого лежат истина и согласие);

- 2) агональный (в основе которого лежат борьба и победа) [3].

Из этого следует, что политический дискурс, целью которого является завоевание политической власти и ее удержание, имеет агональный вид отношений. Такой вид отношений предполагает наличие определенных коммуникативных ролей, использование особых стратегий и тактик, которые мы рассмотрим далее.

Так, О. Л. Михалева предлагает выделять три разновидности коммуникативной роли в политическом дискурсе:

1) субъект политического действия, адресант или говорящий, который направляет свою речь к определенному коммуниканту;

2) субъект политического действия, прямой адресат или слушающий, который может принимать участие в разговоре (открытое противостояние) или может отсутствовать в данный момент (скрытое противостояние);

3) субъект политического действия, адресат-наблюдатель или «народ», чье внимание добывается и чье мнение, и интересы представляются [2].

Предполагается, что политический дискурс строится по определенной стратегической модели, и каждый оратор прекрасно осознает, какую роль он играет и как ее подчеркнуть в своей речи. Для этого адресанты используют следующие этапы в начале своей речи:

– ознакомление адресатов с темой выступления для внушения понимания, что адресант говорит исключительно по теме, а не по причине просто «поболтать»;

– представление своей принадлежности к определенной партии, фракции или какой-либо другой политической группировке для демонстрации факта, что говорящий – это представитель целой группы единомышленников, а не отдельная личность;

– подчеркивание социальной значимости и ответственности говорящего, акцентирование внимания не на личных интересах, а на интересах общества [1].

Каждый оратор должен так спланировать свою речь, чтобы максимально уменьшить значимость статуса собеседника и максимально увеличить свой собственный статус. Немаловажным является присутствие стороннего наблюдателя, который может быть потенциальным избирателем, что делает борьбу более театрализованной. Таким образом, для реализации данных целей существуют три основные стратегии:

1) стратегия на понижение (тактики: анализ-«минус», обвинение, безличное обвинение, обличение, оскорбление, угроза);

2) стратегия на повышение (тактики: анализ-«плюс», презентация, неявная самопрезентация, отвод критики, самооправдание);

3) стратегия театральности (тактики: побуждение, кооперация, размежевание, информирование, обещание, прогнозирование, предупреждение, иронизирование, провокация) [2].

Для лучшего понимания значения использования перечисленных стратегий следует отдельно рассмотреть каждую тактику. Рассмотрим тактики группы стратегия на понижение:

1) анализ-«минус» – это выражение негативного отношения к тому, что описывают, к людям, их поступкам;

2) обвинение – признание виновным определенной личности, указание на отрицательные поступки и намерения;

3) безличное обвинение – открытое обсуждение и осуждение без указания на виновного;

4) обличение – предоставление фактов, доказательств;

5) оскорбление – это унижение и нанесение обиды личности без предоставления фактов и при сопровождении высокого уровня эмоционального накала;

6) угроза – это предоставления перечня всевозможных угроз человеку с целью запугать и вывести из уверенного положения [3].

Следующая группа тактик относится к стратегии на повышение:

1) анализ-«плюс» – имплицитное выражение положительного отношения адресанта к описываемой ситуации;

2) презентация – демонстрация определенной личности в положительном свете;

3) неявная самопрезентация – имплицитная демонстрация себя в положительном свете;

4) отвод критики – употребление фактов и аргументов, которые могут помочь опровергнуть какое-либо утверждение;

5) самооправдание – отрицание утверждений, которые относятся к личности говорящего и носят отрицательный характер [3].

Тактиками стратегии театральности считаются:

1) побуждение – побуждение к выполнению определенного действия, принятию определенной точки зрения;

2) кооперация – обращение адресанта к адресату, в ходе которого дается образ адресата с присущими ему идеями и ценностями;

3) размежевание – определение различий в мнениях и позициях;

4) информирование – предоставление фактов без проявления какого-либо отношения к ним;

5) обещание – добровольное обязательство выполнить какое-либо действие;

6) прогнозирование – предсказание, предположение последующих действий с учетом всех имеющихся фактов;

7) предупреждение – предостережение перед возможными событиями, действиями в результате той или иной линии поведения;

8) иронизирование – выражение контраста между сказанным и реальным подразумеваемым;

9) провокация – подстрекание на выполнение определенных действий, которые могут вызвать тяжелые последствия [3].

Рассмотрев все стратегии и тактики, можно сделать следующий вывод. Все тактики, относящиеся к стратегии на понижение, связаны единой чертой, а именно негативным отношением к оппоненту, его позиции и поступкам, и используются для всевозможной демонстрации его недостойности. Тактики стратегии на повышение, в свою очередь, способствуют максимальному повышению авторитета определенной политической силы или просто личности за счет приведения положительных фактов и аргументов. Таким образом, эти две стратегии дают адресанту возможность повысить доверие к нему у наблюдателей, возможных избирателей, в то время как положительный образ соперника разрушается. Последний вид стратегии, стратегия театральности, является неотъемлемой частью презентации политического дискурса, т. к. говорящий должен достучаться до слушателей, и в этом ему как раз помогают соответствующие тактики. Их использование представляет собой игру на эмоциях, переживаниях, моральных принципах и т. д., что способствует удержанию внимания и интереса слушающих, вовлечению в политический процесс, убеждению и призыву к определенному действию. В целом, все стратегии и тактики направлены на достижения главной цели политического дискурса – завоевание и удержание политической власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс : История и современные исследования. – М. : ИНИОН РАН. – 2002. – № 3. – С. 32–43.
2. Мельвиль А. Ю. Политология : Учебник / А. Ю. Мельвиль. – М. : МГИМО МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 580.

3. Михалева О. Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта [Электронный ресурс] / О. Л. Михалева. – Режим доступа : <http://www.studmed.ru/docs/document8132/лекции-по-основам-теории-дискурса?page=2>
4. Михалева О. Л. Политический дискурс : способы реализации агональности [Электронный ресурс] / О. Л. Михалева. – Режим доступа: <http://rus-lang.isu.ru/about/group/mikhaleva/state2/>
5. Перельгут Н. М. О структуре понятия «Политический дискурс» [Электронный ресурс] / Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкая // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2013. – № 2. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskii-diskurs>
6. Dijk van T. A. What is Political Discourse Analysis? / T. A. van Dijk // Political linguistics. – Amsterdam : Benjamins. – 1997. – P. 11–52.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Гринева И. Ю. Стратегии и тактики современного политического дискурса

Данная статья посвящена изучению различных подходов к определению термина «политический дискурс», его видов, отличительных черт, участников. Опираясь на это, показано, что не существует единого мнения по поводу категории «политический дискурс». Авторы предлагают рассматривать данную категорию в тесной связи с его отличительными чертами, видами и наличием определенного набора стратегий и тактик коммуникантов. На основе рассмотренного материала предлагается использовать единое определение данной категории.

Ключевые слова: политический дискурс, адресант, адресат, коммуникативная роль, стратегия на понижение, стратегия на повышение, стратегия театральности, тактика коммуникативного поведения.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Grineva I. Yu. Strategies and tactics of modern political discourse

The present paper is devoted to researching of different approaches to the definition of the term «political discourse», its types, distinguishing characteristics, its participants. Based on it, it is shown that there is no consensus about the category of «political discourse». The authors suggest considering the category in close connection with its distinctive features, types and a specific set of strategies and tactics of communicants. Based on the material, it is proposed to use a single differentiation of the category.

Key words: political discourse, addresser, addressee, communicative role, strategy for the fall, strategy for the rise, theatricality strategy, communicative tactics.

*Н.А. Жихарева,
О.Н. Селищева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'371(=111)

ТИПЫ КОНТЕКСТА И ЕГО ФУНКЦИИ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

Понятие контекста относится к числу наиболее широких, многозначных и разноплановых явлений. Изучение контекста входит в круг не только собственно лингвистического исследования, но и является предметом изучения в общей психологии, а именно в психологии коммуникации и психолингвистике. Изучением категории контекста также занимается теория коммуникации, прагмалингвистика, особенно в области иллокуции и перлокуции. Влияние контекста на коммуникативные ситуации изучается такими науками, как социолингвистика, антропология и анализ дискурса.

В современной лингвистике отмечается сложный, глобальный характер проблемы определения и влияния контекста. В работах отечественных и зарубежных лингвистов прослеживается значительное разнообразие подходов к изучению данной категории [3], [5], [6], [8].

Контекст находится в неразрывной связи с процессом коммуникации. Коммуникация отводит контексту роль снятия многозначности с какой-либо языковой единицы, а также роль завершающего звена в определении смысла некоторого относительно законченного этапа коммуникации. В связи с этим, категория контекста вызывает столь сильный интерес в качестве объекта исследования ведущих мировых лингвистов.

Г. В. Колшанский применяет подход к определению контекста, который выводит контекст из языковой структуры и отводит ему роль интерпретатора высказывания, определяемого объемом неязыковых знаний коммуниканта. То есть «понятие контекста должно рассматриваться как возможный круг знаний коммуниканта, воспринимающего тот или иной текст в соответствии с этими значениями и на их основе, а не на основе непосредственно языковых данных» [8, с. 25].

Таким образом, Г. В. Колшанский предлагает рассматривать контекст отдельно от языковых явлений, сосредоточив внимание на объективных и субъективных знаниях коммуникантов, т.е. на социальный опыт собеседников. В свою очередь языковые средства служат всего лишь инструментом расшифровки высказывания. Но стоит отметить, что, в свою очередь, без детального анализа языковых данных понимание роли и функций контекста едва ли возможно.

Следует обратить внимание на размышления Д. Купера относительно контекста: «Ассоциации, возбуждаемые той или иной языковой единицей, совпадающие представления индивидуума, обладающего определенной компетенцией в знании слов, не могут быть отнесены ни к самому значению языковой единицы, а значит, и ни к такому явлению, которое бы зависело от контекста. Контекст ограничивается лишь чистым языковым окружением и, следовательно, взаимодействием тех или иных сем, а различные ассоциации являются вторичными наслоениями, образуемыми опытом и знанием контекста, но не языковой системой. Любые ассоциации, связанные с такими словами, как «казак», «землетрясение», «вакх», «мелисса», «ад» и т. д., не могут быть описаны в терминах тех или иных ассоциаций, вызываемых, например, словом «землетрясение» относительно человека, пережившего когда-либо подобное стихийной бедствие, и т.д.» [10, с. 18].

Д. Купер предлагает разделять такие понятия, как контекст, являющийся чистым языковым явлением, и социальный опыт человека, предполагающий знания, умения, навыки и чувства, закрепленные в обществе и приобретаемые человеком в процессе социализации. Мнение данного лингвиста отличается от рассматриваемых ранее. Здесь ученый указывает на независимость ассоциаций от контекста, и указывает на приоритет языковых факторов.

Под контекстом также можно понимать и обладающую смысловой завершенностью устную или письменную речь, которая позволит выяснить смысл и значение отдельных входящих в ее состав фрагментов (слов, выражений или отрывков текста).

Т. ван Дейк определяет контекст как интегрированную единицу, то есть связанную со многими факторами, одним из которых является дискурс. Он отмечает следующее: «Традиционно в изучении языка и дискурса, контекст был задуман с точки зрения независимых социальных переменных, таких как пол, класс, этническая принадлежность, возраст или идентичность, или как социальные условия, текст и разговор» [5].

Изучив категорию «контекст» в работах Т. ван Дейка, можно сделать вывод, что контекст – это интегрированное понятие, и изучать его следует комплексно. Контекст оказывает значительное влияние на дискурс, содержание наших речей и коммуникативные ситуации в целом.

Рассмотрев несколько точек зрения на определение и природу такого понятия, как контекст, можно прийти к заключению, что в настоящее время в науке существует две основных трактовки понятия «контекст»:

1) более широкая, включающая в себя все факторы, сопутствующие вербальной коммуникации, начиная от конкретной ситуации, в которой протекает общение, и кончая всей совокупностью культурных и социальных условий, определяющих весь смысловой и языковой комплекс коммуникативных актов;

2) более узкая, имеющая в виду собственно лингвистический контекст, ограничиваемый рамками чисто языкового воплощения содержания коммуникации и детерминируемый конкретной языковой системой и закономерностями формирования лексических и грамматических знаний речевого акта [8, с. 38].

Кроме того, лингвисты столкнулись с проблемой классификации типов контекста, основываясь на различных признаках, благодаря чему достигается более глубокое понимание самого понятия «контекст».

Рассмотрим некоторые классификации типов контекста.

В. Я. Мыркин основывается на принципиальном обосновании языка как явления коммуникации и предлагает следующую классификацию:

- 1) вербальные и ситуативный контексты;
- 2) физический и психологический контексты;
- 3) контекст культуры и психологический контекст;
- 4) лингвистический и паралингвистический контексты;
- 5) линейный и структурный контексты;
- 6) операционный и коммуникативный контексты [9, с. 97].

По мнению В. Я. Мыркина, коммуникативный контекст – «это организация контекстов и опора на контексты, вербальные и невербальные. Коммуникативный контекст обеспечивает выражение истинного смысла речевого акта (т.е. референцию, интенцию, модальность высказывания), что и составляет сущность коммуникации» [9, с. 97].

Кроме того, согласно В. Я. Мыркину, коммуникативный контекст, служащий для выражения смысла высказывания в речи, образуется совокупностью подчиненных ему контекстов:

- 1) лингвистического контекста;
- 2) паралингвистического контекста;
- 3) ситуативного контекста;
- 4) контекста культуры;
- 5) психологического контекста.

Более того, коммуникативный контекст способствует передаче и восприятию смысла высказывания.

Лингвисты различают коммуникативный контекст говорящего и слушающего.

Тип контекста зависит от конкретной обстановки коммуникации.

Мы предлагаем для рассмотрения следующие типы контекста:

- 1) лингвистический контекст;
- 2) паралингвистический контекст;
- 3) ситуативный контекст;
- 4) контекст культуры и психологический контекст;
- 5) экстралингвистический контекст (по Г. В. Колшанскому).

Рассмотрим каждый тип контекста более детально.

Под лингвистическим контекстом понимают вербальный контекст в широком смысле слова. В него входят вокабуляр (лексическое окружение) и кодифицированная коммуникативно-дифференцированная интонация [6]. Теория лингвистического контекста разработана также в трудах Н. Н. Амосовой. Так, Н. Н. Амосова ограничивала контекст пределами предложения. В рамках лингвистического контекста выделялся лексический и грамматический (синтаксический, морфологический или смешанный) контекст [1]. М. Риффатер предпринял попытку анализа специфики стилистического контекста. Он вводит категорию «непредсказуемого элемента», во многом проясняющую механизм внутрисистемных контекстуальных взаимосвязей, основную функцию в котором выполняет многозначное слово [11, с. 64]. Основная функция стилистического контекста состоит в том, «чтобы увеличивать многозначность, создавая возможность одновременной реализации двух или более значений, или создавая окказиональные значения, дополнительные коннотации за счет ослабления денотативного значения» [2, с. 3].

Паралингвистический контекст образуется с помощью паралингвистических средств, таких как смех, шепот и другая некодифицированная информация, а также мимика, жесты и телодвижения. Невербальные средства коммуникации наиболее точно, в отличие от вербальных, передают эмоциональную характеристику сообщения.

Исходя из этого, можно отметить, что лингвистический контекст отвечает за интеллектуальную информацию, а паралингвистический – за информацию эмоциональную.

Концептуально важным компонентом лингвистического анализа при раскрытии таких функций текста, как информационная, эмотивная, иллюкутивная, является выявление ситуативного контекста.

Под ситуативным контекстом «понимаются те обстоятельства, те реальные действия участников описываемых событий, жизненные реалии, которые предшествовали созданию текста, сопровождали его либо были фоном для его восприятия» [7, с. 107]. Таким образом, вырвав фразу или текст из ситуации, на основе которой он был создан, не учитывая контекст, невозможно адекватно определить характер реализуемой речевым произведением персуазивности.

Ситуативный контекст подразумевает ситуацию в узком смысле, как ориентацию в «здесь – теперь – я – системе» [9, с. 98].

Г. В. Колшанский понимает ситуацию как сумму всей опознаваемой релевантной информации, включая физическое и социальное окружение, а также внутреннее состояние говорящего – душевное и физическое, плюс исторические данные, знания о сходных ситуациях в прошлом, прогнозирование явлений в будущем [8].

Н. Д. Арутюнова подчеркивает значимость ситуативного контекста, соотнося содержание данного явления с одним из значений понятия пресуппозиции [3, с. 89].

Л. Г. Бабенко косвенно признает роль ситуативного контекста как фактор смыслообразования, поскольку обращается к экстралингвистическим условиям создания произведения как к средству определения авторской интенции [4].

Следующие вид контекста – контекст культуры и психологический контекст. Под контекстом культуры следует понимать «совокупность предварительных знаний как языкового, так и, в особенности, фактического характера, общих в большей или меньшей степени для всех индивидуумов данного языкового сообщества» [6].

Психологический контекст учитывает основанное на прошлом опыте, взаимное знание собеседниками реалий друг друга. Между указанными двумя видами контекста, контекстом культуры и психологическим контекстом, существует большое количество промежуточных ступеней (например, тезаурусы групповые, семейные, профессиональные).

В результате анализа научных трудов, посвященных определению понятия «контекст» и его видов, мы пришли

к выводу, что коммуникативный контекст основывается на совокупности следующих типов контекста:

- 1) лингвистического;
- 2) разновидностей экстралингвистического: паралингвистического, ситуативного, культурного и психологического.

Г. В. Колшанский представляет термин «экстралингвистический контекст». Он говорит, что «экстралингвистический контекст следует понимать как сумму окружений, ситуацию» [8, с. 32].

Существует концепция, согласно которой все единицы языка – слова, словосочетания, предложения и группы предложений – практически не имеют собственного значения, а каждый раз его получают в новой ситуации, которая, таким образом, становится и сама как бы новым языковым образованием [8, с. 32].

Эта концепция показывает, что большая роль отводится экстралингвистическим факторам, которые способны изменять и влиять на ситуацию в соответствии с обстоятельствами.

К экстралингвистическим факторам можно отнести следующие:

- 1) темп речи – скорость произнесения элементов речи;
- 2) паузы – перерыв в звучании, временная остановка в говорении;
- 3) язык мимики и жестов – движение рук, выражение лица, поза, взгляд и т.д.;
- 4) манера поведения оратора, его ролевой статус, пол, психо-эмоциональное состояние;
- 5) эпоха, обстановка, место и время действия;
- 6) функциональная направленность текста (определяется ролью и местом текста в процессах общения): стиль, жанр, прагматический тип.

Экстралингвистический контекст учитывает влияние всех фактов действительности, как зависящих от коммуниканта, так и не зависящих от него, на процесс коммуникации.

К другим категориям, формирующим и определяющим контекст информации, относят: материальный объект, время, пространство и действие.

Объективность существования вышеуказанных категорий очевидна и доказуема большим объемом языкового материала для пары или группы языков. Но эти категории могут существенно различаться в плане выражения.

Различие интерпретации этих категорий обусловлено лингвоэтническими особенностями плана выражения информации. Понимание категорий материального объекта, пространства, времени и действия создают основу для

интерпретации всеобщих свойств и отношений явлений действительности и познания, а, следовательно, поддаются моделированию по принципу всеобщности плана содержания при минимизации значимости плана выражения [6].

Несмотря на различные классификации и подходы к определению того или иного типа контекста, следует отметить, что при контекстуальной реализации смысла высказывания в акте коммуникации следует учитывать каждый компонент и каждый тип контекста для более полного и точного понимания этого смысла. Таким образом, еще в большей степени подчеркивается разноплановость и многогранность категории контекста и его роли в интерпретации единиц дискурса различных уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н. Н. Слово и контекст / Н. Н. Амосова // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике : учен. зап. ЛГУ. – Л. : Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1958. – Т. 243. – Вып. 42. Ч. 2. – С. 3–23.
2. Арнольд И. В. Лингвистический и стилистический контекст / И. В. Арнольд, И. А. Банников // Стиль и контекст. – Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1972. – С. 1–13.
3. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия «Литература и язык». – 1973. – Т. 32. – № 1. – С. 89–94.
4. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин // Теория и практика : учебник; практикум. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 496 с.
5. Ван Дейк Т. А. Критический анализ дискурса / Т. А. Ван Дейк // Перевод и лингвистика текста. – М. : ВЦП, 1994. – С. 169–217.
6. Евтеев С. В. Проблема моделирования лингвокультурологического контекста при переводе научного текста (На материалах русского, немецкого и английского языков) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С. В. Евтеев. – Москва, 2003. – 201 с.
7. Иваненко Г. С. Ситуативный контекст : влияние экстралингвистических факторов на реализацию персуазивности текста [Электронный ресурс] / Г. С. Иваненко // Челябинский государственный педагогический университет. – Режим доступа: gala.april@mail.ru
8. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 149 с.

9. Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст / В. Я. Мыркин // Филолог. науки. – 1978. – № 1. – С. 97.
10. Cooper D. Philosophy and the nature of language / D. Cooper. – London, 1973. – P. 18.
11. Riffatere M. Essais de stylistique structurale / M. Riffatere. – Paris, 1971. – 194 p.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Селищева О. Н. Типы контекста и его функции в процессе коммуникации

Статья посвящена рассмотрению проблемы определения, типологии контекста, а также выявлению его функций в процессе коммуникации. Проанализированы основные подходы лингвистов к изучению категории «контекст». Показано, что типология контекста зависит от конкретной обстановки коммуникации. На основе проведенного исследования авторы предлагают выделять 5 типов контекста. Особое внимание уделяется подробному изучению каждого типа контекста. На основе типологии рассматриваются функции контекста.

Ключевые слова: контекст, коммуникация, лингвистический контекст, паралингвистический контекст, ситуативный контекст, контекст культуры и психологический контекст, экстралингвистический контекст.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Selishcheva O. N. Types of the context and its functions in the process of communication

The article is devoted to the problems of definition and typology of the context and also to the identification of its functions in the process of communication. The basic approaches of the linguists to the study of the category “context” are analysed. It is shown that the typology of the context depends on the specific situation of communication. On the basis of the conducted research the authors suggest singling out 5 types of the context. Special attention is given to the detailed study of each type of the context. On the basis of the typology the functions of the context are viewed.

Key words: context, communication, linguistic context, paralinguistic context, situational context, the context of the culture and psychological context, extralinguistic context.

Н.А. Иванова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'255.4

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Современное переводоведение имеет возможность детально анализировать языковые элементы, что не только позволяет эффективно работать с существующими проблемами языка и решать их, но и открывает новые способы изучения лингвистических структур. Так, теоретические знания о двух языках, русском и английском, дают возможность сравнивать их в лексическом, грамматическом, стилистическом и прагматическом аспектах.

Так как правила коммуникации в двух языках зачастую значительно отличаются, изменения элементов (независимо от того, письменная это речь или устная) фактически неизбежны. Использование переводческих трансформаций должно быть оправданным, а переведенный текст должен содержать ту же цель коммуникации, ту же ситуацию и ту же эмфатическую нагрузку (или ее отсутствие), что и текст оригинала.

Сегодня интерес к изучению особенностей изменения структуры предложения возрос, несмотря на достаточное количество исследований по этой теме. В частности, это касается трансформации вербализации как наиболее часто используемого преобразования внутриязыкового и межъязыкового типов. И, если вербализация в пределах одного языка является изученной практически в полной мере, то второй ее тип все еще нуждается в уточнениях.

Изучением грамматических трансформаций, в частности трансформаций вербализации и номинализации структуры предложения, их роли в достижении грамматической эквивалентности занимались такие лингвисты-переводоведы, как В. Н. Комиссаров, Е. В. Бреус, В. И. Карабан, О. В. Борисова и другие. Однако их мнения в некоторой степени разнятся относительно самого понятия трансформации. Многие определения раскрывают не всю полноту концепта, а некоторые исследователи вообще не дают четкого описания указанной единицы перевода, ссылаясь на нее только в интуитивной форме.

Так, по мнению В. Н. Комиссарова, грамматические замены – это способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу языка перевода с иным грамматическим значением, и эта замена как особый способ перевода представляет собой отказ от использования форм языка перевода, аналогичных исходным, замену таких форм на иные, отличающиеся от них по выражаемому содержанию (грамматическому значению) [5, с. 180].

В. И. Карабан считает, что трансформация вербализации структуры предложения подразумевает появление в переведенном предложении личных и безличных глагольных форм или же увеличение их количества по сравнению с оригинальным предложением. Соответственно, происходит уменьшение количества именных форм [4, с. 182-183].

О. В. Борисова выделяет два типа трансформации вербализации:

1) трансформация вербализации в переводе эксплицитных слов и словосочетаний (включает такие виды, как вербализация существительных, прилагательных, безличных форм глагола, деепричастий);

2) экспликация-вербализация при передаче имплицитных глагольных сем (подразумевает структурный и контекстуальный тип) [1, с. 9].

Таким образом, несмотря на неоднородность мнений относительно грамматических трансформаций и собственно трансформации вербализации, недостаточное изучение в пределах современного переводоведения особенностей использования при передаче содержания русскоязычных текстов публицистического стиля на английский язык, вызывает необходимость обобщения сведений и формулирование четких указаний, которые облегчат процесс перевода. Анализ данного преобразования необходим как для понимания трансформационного аспекта переводческой деятельности, так и для сравнительного анализа вербальности английской и русской языковых структур, что свидетельствует об **актуальности** нашего исследования.

Целью исследования является определение роли трансформации вербализации в достижении эквивалентного перевода, выявление причин ее использования и систематизация ее основных видов при переводе русскоязычных материалов публицистического стиля на английский язык. **Предметом** исследования является вербализация структуры предложения в русско-английском направлении перевода. **Объектом** исследования является соотношение грамматических форм и синтаксических структур английского и русского языков.

Различие грамматического строя английского и русского языков с точки зрения перевода выражается в двух категориях переводческих проблем: проблемы перевода в условиях сходства грамматических свойств языковых единиц и проблемы перевода в условиях их различия. Кроме того, специфические сложности связаны с преобразованием отдельных грамматических единиц (морфологические преобразования на основе словоформ) и составных грамматических единиц (синтаксические преобразования на основе словосочетаний, предложений и сверхфразовых единств) [3, с. 153].

Грамматические факторы обусловлены отсутствием в языке оригинала и языке перевода аналогичных языковых форм. В предложениях английского языка можно часто встретить личные и безличные формы глагола, тогда как русский язык является менее вербальным с грамматической точки зрения. При переводах с английского языка на русский и наоборот без учета этой особенности возникает значительное количество интерференционных ошибок, к примеру, чрезмерное использование глагольных форм или их смысловой и стилистический недостаток [4, с. 17].

Помимо этих факторов можно выделить и коммуникативно-переводческие. К ним относятся прагматические и индивидуально-переводческие особенности передачи информации оригинала языком перевода. Оба этих фактора объясняют адаптацию текста для целевой аудитории, однако, если в первом случае выбор средств выражения включает еще и добавление дополнительных элементов (реже исключение), то во втором случае выбор форм слова остается непосредственно за переводчиком и не ведет к основательным изменениям в структуре предложения [6, с. 67].

При переводе с русского языка на английский причина, побуждающая к переводческим преобразованиям, чаще всего кроется в присущем английскому языку видении мира и связанном с этим явлением языковой избирательности. Описывая предметную ситуацию, английский язык может выбрать иную, чем русский, отправную точку в описании, использовать иной предикат или конфигурацию признаков. Для него, в частности, характерно преимущественное использование глагольных форм. Русскому языку, наоборот, свойственно более широкое использование опредмеченных действий и признаков, что проявляется в более частом, чем в английском, использовании существительных [2, с. 17]. Английский язык, если рассматривать его именно с процессуальной точки зрения, чаще использует безличные формы глагола, которые могут формировать конструкции, отсутствующие в русском языке.

Существует такое понятие, как степень вербальности. В английском языке наибольшую степень имеет причастие I, далее – инфинитив, деепричастие и герундий. В русском же языке есть всего три элемента грамматической структуры, имеющие степень вербальности. Они располагаются в таком порядке по уменьшению вербальности: инфинитив, деепричастие и причастие [1, с. 8]. Это дает основание утверждать, что английский язык более вербален, нежели русский.

Существует несколько вариантов перевода русских именных форм английскими глагольными, а именно:

1) замена существительного инфинитивом:

Целью этой операции не был захват Тбилиси или какого-то города. – Our mission was not to capture Tbilisi or any other city in Georgia.

Согласно новым исследованиям, одна треть детей в развивающихся странах вынуждена пропускать занятия в школе из-за работы. – One-third of children in developing countries are forced to miss school in order to work, according to a new survey.

Европейцы утверждали, что Китай использовал огромные государственные субсидии для продажи солнечных батарей на 18 млрд. фунтов по ценам ниже себестоимости. – Europe had claimed that China was using huge state subsidies to sell £8bn worth of panels at below cost prices.

2) замена существительного или предложно-именной конструкции причастием I:

И с учетом того, что между премьер-министром Д. А. Медведевым и премьер-министром Японии состоялась встреча, о которой Вы сейчас упомянули, налажен прямой контакт и диалог по этой проблеме, можно ожидать, что он будет развиваться в том конструктивном ключе, в котором мы приступили к обсуждению этой проблемы в последние 2-3 года. – Considering that Prime-minister Dmitry Medvedev and his Japanese colleague held a meeting, which you have just mentioned, established direct contact and started dialogue on this problem, there are grounds to expect continued discussion of this problem in a constructive spirit, which has been our approach in the last two or three years.

Абхазия хорошо знает позицию России по этому конфликту, по тому, как развивались отношения ранее. – Abkhazia knows well Russia's position regarding this conflict and how relations developed in preceding decades.

3) замена существительного герундием:

В. Путин и Д. Трамп разделяли мнение о необходимости объединения усилий в борьбе с общим врагом номер один – международным терроризмом и экстремизмом. – The two

leaders share a common view on uniting efforts in the fight with the common enemy number one – international terrorism and extremism.

Вербализация прилагательных – достаточно редкое явление при переводе. Такие модификации характерны, в основном, для художественного стиля. Однако стиль публицистический, в свою очередь, богат на книжную лексику и лексику высоко эмфатическую, что побуждает применять переводческие трансформации для более корректной и точной передачи информации. Если русский язык изобилует оригинальной авторской лексикой, то английский, как показывает исторический и практический опыт, тяготеет к нейтральным выражениям:

Но для Саакашвили фигура нерукопожатная. – But Mr Saakashvili is a person I'll never shake hands with.

Здесь авторское прилагательное 'нерукопожатный' было переведено с помощью глагольного словосочетания 'to shake hands' для более формальной передачи информации и конкретизации для английского получателя.

Кроме того, в нашем исследовании особое внимание следует уделить таким особенностям вербализации структуры предложения, как вербализация-экспликация и вербализация при переводе отглагольных существительных.

Экспликация или описательный перевод – это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на языке перевода. С помощью экспликации можно передать значение любой безэквивалентной единицы оригинала [5, с. 185].

Явление экспликации еще не до конца изучено, особенно в переводческом аспекте. Об этом свидетельствует отсутствие конкретных понятий, обозначающих «развернутость» (эксплицитность) и «свернутость» (имплицитность) высказывания.

Каждому языку присущи свои национальные особенности. Это дает основания утверждать, что в разных языках когнитивные элементы либо входят в состав высказывания, либо остаются имплицитными. Отличия в соотношении эксплицитности и имплицитности определяют изменения не только отдельных слов, но и структур высшего уровня языковой иерархии, к примеру, целых предложений.

Стоит учесть, что английский язык, по сравнению с русским, насчитывает меньшее количество признаков ситуации, и получатель часто домысливает остаток предлагаемой информации. Так, во многих случаях экспликация связана с

вербализацией контекстуальной информации, что включает введение дополнительных личных глаголов и усложнение структуры предложения, экспликацию скрытого глагольного значения атрибутивной группы сущ.1 + сущ.2, и экспликацию служебных слов. При переводе таких предложений требуется дополнительное смысловое развитие, так как необходимо уточнить некоторые элементы ситуации.

Например, прочитав предложение: *Когда наплыв пассажиров увеличивался, кондуктор трамвая откидывал «скамеечку» и работал стоя* [6, с. 83] английский получатель столкнется с непониманием ситуации, почему кондуктор работал стоя. Так, требуется несколько развернуть конструкцию, добавив глагольные формы, чтобы дать читателю понять, что путем поднятия «скамейки» образуется больше места: *When the tram was crowded the conductor could flip up his seat and carry on with his work standing up to make more room.*

Основной причиной использования вербализации-экспликации является необходимость в уточнении ситуации для реципиента. Контекстуальный тип данной трансформации является более употребляемым, нежели структурный (перевод эллиптических и эмфатических конструкций), так как, в целом, возникает необходимость восстановить именно ситуативную модель в пределах одного текста.

Как было указано выше, для русского языка характерна тенденция к опредмечиванию действий и процессов. Следствием этой закономерности является большое количество отглагольных существительных в позициях субъекта, объекта и обстоятельства [2, с. 35]. Английский язык менее тяготеет к опредмечиванию, и отглагольные конструкции используются в нем намного реже, что порождает необходимость проведения ряда трансформаций на семантическом и грамматическом уровнях.

При русско-английском переводе часто происходит смена субъекта, как отмечает Е. В. Бреус, то есть, роль отправной точки приписывается другому элементу предметной ситуации. Здесь побудительным мотивом изменений выступает различие в частотности использования отглагольных существительных [2, с. 34]. Например: *Опрос банков европейским ЦБ показал, что кредиты для населения стали более доступными, впервые с начала финансового кризиса в 2008 году.* – *A survey of banks by the European Central Bank showed that credit for consumers was becoming more available for the first time since the financial crisis began in 2008.*

Собеседование со всеми кандидатами на должность комиссаров Европейской Комиссии и ее потенциальным Главой

проводится членами Европейского парламента. – Parliament interviews each of the nominees individually, including the prospective Commission President.

Согласно английским правилам стиля, нежелательно использовать абстрактные существительные в качестве субъекта, так как более корректным является выражение, способное в большей мере убедить реципиента. Эта же рекомендация имеет место и в процессе перевода, когда требуется сменить субъект, заменив отглагольное существительное в позиции подлежащего на конкретное имя, а осуществить такое преобразование позволяет переводческий прием, именуемый «развертывание редуцированного предиката» [2, с. 23]. Это происходит в случае развертывания словосочетания в отдельное предложение, а имя действия преобразуется в глагольный или именной предикат, где конкретный деятель в роли субъекта определяется с опорой на контекст в зависимости от функции имени при отглагольном существительном.

В конструкциях с именем при отглагольном существительном в функции объекта отглагольное существительное при переводе может быть опущено. Роль подлежащего в этом случае выполняет само имя:

У Америки нет причин противиться созданию сильного и процветающего Ирана. – The United States has no reason to be opposed to a strong and prosperous Iran.

Договор о создании Европейского Союза стал важным этапом на пути к демократии и стабильности. – The EU Treaty has become a major step to democracy and stability.

Генеральная Ассамблея собирается на очередных ежегодных сессиях, а также на внеочередных сессиях, проведения которых требуют обстоятельства. – The General Assembly meets in regular annual sessions and in such special sessions as occasion may require.

Однако следует отметить, что даже при учете вышесказанного нельзя говорить о том, что отглагольные конструкции в роли подлежащего в предложении совершенно чужды английскому языку. Речь идет только о частоте их использования в английских публицистических текстах, где выбор глагола или отглагольного существительного, по-видимому, зависит от степени опредмеченности действия.

Помимо функции подлежащего, русские отглагольные существительные могут выполнять функции второстепенных членов предложения – дополнения, определения и обстоятельства. Глагольные имена, выполняющие функцию объекта, могут передаваться инфинитивом или герундием:

Apple и гигант фастфуда Yum Brands Inc. находятся в списке компаний, которые заставили в этом году принести извинения потребителям в Китае, после того как власти начали расследование их деятельности. – Apple and fast food giant Yum Brands Inc. are among foreign companies that have been forced to apologize this year to consumers in China after authorities began investigating their operations.

Такая концепция не распространяется на процессуальные существительные, означающие переходы в качественно или количественно новые состояния (*увеличение, улучшение, снижение, расширение* и так далее), которые на английский язык чаще всего передаются с помощью прилагательного в сравнительной степени или причастия II:

Дополнительное напряжение на Среднем Востоке, Сирии, Турции, Иране – все это сыграет на стороне торговли в расчете на нарушение в поставках, которые на самом деле еще не начались, но становятся все реальнее с приближением к пороговым уровням. – Additional Middle East tension, Syria, Turkey, Iran – these all play into the supply disruption trade that really hasn't taken place yet, but is closer to breakout levels.

Аналитики все более обеспокоены, что Самсунг, как и главный конкурент на рынке смартфонов Эппл, сталкивается с насыщением на рынках в развитом мире в то время, как проникновение преодолевает 50% во многих странах. – Analysts are increasingly concerned that Samsung, like its principal smart phone rival Apple, is facing saturated markets in the developed world as ownership passes 50% in many countries.

Отглагольные существительные в функции определения передаются посредством герундия, причастия II или инфинитива:

Несмотря на споры между странами АСЕАН, все страны-члены глубоко преданы идее разрешения своих противоречий мирным путем и в духе взаимных компромиссов. – Despite the disputes between ASEAN countries, they are deeply committed to resolving their differences by peaceful means and in the spirit of mutual accommodation.

Снижение торговых барьеров является одним из важных способов поощрения торговли. – Lower trade barriers is one of the most important means to encourage trade.

Подобные трансформации можно использовать и в случае перевода отглагольных существительных, выступающих в роли обстоятельства:

Соглашение позволит китайскому бизнесу экспортировать до семи гигаватт продукции без выплаты пошлин, при условии, что цена будет не ниже 56 центов за ватт. – The agreement will allow Chinese businesses to export up to seven gigawatts per year of

solar products without paying duties, provided that the price is no less than 56 cents per watt.

После объявления о плане свести двух супергероев вместе, Снайдер выпустил заявление через Warner Bros, в котором сказал, что они будут сражаться друг с другом, и признал, что это может некоторых удивить. – After announcing the plan to bring the two superheroes together, Snyder issued a statement via Warner Bros saying the two would be fighting each other, and conceded this might surprise some.

Трансформация вербализации как один из тактических приемов достижения семантической и грамматической эквивалентности при переводе публицистических материалов на английский язык требует дальнейшего детального изучения с прагмалингвистической и переводческой точек зрения. Также особого внимания заслуживает анализ вербализации структуры предложения как способа контроля экспрессивности текста публицистического стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова О. В. Трансформація вербалізації в англо-українському перекладі : автореф. дис. ... канд. фил. наук: спец. 10.02.16 / О. В. Борисова. – К., 2013. – 17 с.
2. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е. В. Бреус. – М. : УРАО, 1998. – 207 с.
3. Калюжная В. В. Особенности официально-делового стиля современного английского языка (на материале документов ООН) / Калюжная В. В // Вопросы языковой структуры (исследования по романо-германской филологии). – К., 2013. – С. 130 – 135.
4. Карабан В. І. Теорія і практика перекладу з української мови на англійську. [укр./англ.] / В. І. Карабан. – Вінниця : Нова Книга, 2003. – 608 с.
5. Комиссаров В. Н. Пособие по переводу с английского языка на русский. Часть II : Грамматические и жанрово-стилистические основы перевода / В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. – М. : Высш. шк., 1965. – 287 с.
6. Паршин А. Теория и практика перевода / А. Паршин. – СПб. : СГУ, 1999. – 117 с.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н. А. Вербализация как способ достижения семантической и грамматической эквивалентности при переводе русскоязычных публицистических текстов на английский язык

Статья посвящена проблеме достижения эквивалентности при переводе публицистических материалов на английский язык. В исследовании проанализированы основные виды трансформации вербализации структуры предложения, причины их использования при переводе. Особое внимание уделено вербализации-экспликации и особенностям передачи русских отглагольных существительных в языке перевода.

Ключевые слова: эквивалентность, грамматические трансформации, вербализация структуры предложения, вербализация-экспликация, отглагольное существительное.

SUMMARY

Ivanova N. A. Verbalization as one of the means of semantic and grammatical equivalency in translation of Russian publicistic texts into English

The article deals with the issue of achieving equivalency while translating publicistic materials into English. We have analysed the main types of verbalization of the sentence structure, reasons for their use in translation. Special attention is paid to descriptive verbalization and the peculiarities of rendition of Russian verbal nouns into the target language.

Key words: equivalency, grammatical transformations, verbalization of the sentence structure, descriptive verbalization, verbal noun.

*М.Н. Ивахненко,
В.В. Шаповалов
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.2

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ОСОБОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Перевод – это специфический коммуникативный акт. Его главная задача состоит в том, чтобы содействовать межкультурной коммуникации. Перевод представляет собой сложный и ответственный процесс, так как переведенный текст должен выполнять ту же прагматическую функцию, что и оригинал. А тем более сложным является литературный и художественный перевод, который всегда требует от переводчика творческого подхода, ведь переводчику необходимо обладать не только отличными знаниями иностранного языка,

но и литературным талантом, уметь владеть словом, иметь дар писателя и чувствовать силу слова. Переводчик должен уметь не просто передать смысл переводимого текста, но сохранить оригинальность и индивидуальность материала. По мнению Г. Р. Гачечиладзе, «художественный перевод – это вид художественного творчества, где оригинал выполняет функцию, аналогичную той, которую выполняет для оригинального творчества живая действительность» [1, с. 10].

Переводчику следует учитывать то обстоятельство, что слово в художественном тексте двупланово. Такую двуплановость отмечает, в частности, Д.Э. Розенталь: «... будучи единицей номинативно-коммуникативной, оно [слово] служит также средством создания художественной выразительности, создания образа» [4, с. 200]. Многослойность информации в художественном тексте позволяет каждому переводчику при прочтении создавать свою собственную интерпретацию исходного текста, обусловленную его авторской индивидуальностью, степенью его начитанности, его эмоционально-психическим состоянием, что, конечно же, многократно усложняет поставленную задачу. Самой сложной проблемой для переводчика является передача на языке перевода индивидуального стиля автора текста. В некоторых случаях для достижения эквивалентности переводчику приходится коренным образом перестроить текст перевода. И тогда возникает еще одна проблема – проблема авторства переведенного текста. Слово «перевод» принадлежит к числу общеизвестных и общепонятных, но и оно, как обозначение специального вида человеческой деятельности и ее результата, требует уточнения и терминологического определения. Оно обозначает, во-первых, процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном – исходном – языке, пересоздается на другом – переводящем – языке; во-вторых, результат этого процесса, т. е. новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на переводящем языке [6, с. 13]. Нас интересует второе значение данного термина, а именно новое речевое произведение, полученное в результате процесса перевода, т.е. в центре нашего внимания будет находиться именно художественный (литературный) перевод, который является более сложным, чем перевод любых других жанров, так как предполагает не только двуязычное перенесение, а обмен двумя культурами и двумя социумами, включающий обмен эмоциями, ассоциациями и идеями. Перед переводчиком художественного произведения стоит

двойная задача: понять текст оригинала, то есть воспринять его как читатель, а затем преобразовать его языком перевода. В области переводоведения проблема художественного перевода остается актуальной, так как художественное произведение несет на себе отпечаток мировосприятия, поэтического видения действительности, языка и стиля автора.

Любой литературный перевод не должен сводиться к обычной передаче сути текста. Перевод художественной литературы является одним из направлений литературного перевода, где переводчик должен продемонстрировать наивысшую степень своего мастерства, потому что сложнейшей задачей каждого литературного переводчика является именно воспроизведение своеобразия исходника. Ведь каждое художественное произведение имеет уникальную образную систему, и передача ее развития и становления обуславливает оригинальность и адекватность литературного перевода. Толковый специалист по литературному переводу не может обойтись без хорошего гуманитарного образования, и определенного творческого потенциала. Ведь обладая литературным талантом и определенными знаниями, переводчик может стать соперником автора. Это явление особенно ярко проявляется в поэтических переводах, где необходимо четко соблюдать законы стихосложения. Специалист в области литературного перевода должен быть не только отличным переводчиком, но и в каком-то смысле писателем.

Поскольку литературный перевод – очень специфический вид перевода, связанный с эстетическими и выразительными функциями литературного текста, а также с его знаками (лексическими, грамматическими или фонологическими), переводчик должен не только передавать информацию, содержащуюся в тексте, но и произвести то же эмоциональное и эстетическое впечатление на читателя, что и оригинальный текст. Таким образом, наиболее важной проблемой художественного перевода является нахождение путей передачи стилистических средств, возможность найти или создать их эквиваленты в языке перевода. «Литературный перевод прокладывает тонкие эмоциональные связи между культурами и языками и способствует пониманию людей через национальные границы. В акте литературного перевода душа другой культуры становится прозрачной, и переводчик воссоздает утонченные чувства других стран и их народов путем лингвистических, музыкальных, ритмических и визуальных возможностей нового языка» (*автор. перевод с англ.*) [9]. Литературный перевод подразумевает живость ума и таланта, ведь помимо переводческих навыков

потребуется литературные способности, чтобы передать чувство, цвет, атмосферу, даже запахи, чтобы погрузить читателя в мир сновидений. Вот почему переводчик часто рассматривается как соавтор. К. Ландерс пишет в своей книге «Литературный перевод» (“Literary Translation”): «Рассмотрим некоторые из способностей, которыми должен обладать литературный переводчик: тон, стиль, гибкость, изобретательность, знание культуры языка-источника, способность подбирать смысл из двусмысленности, иметь тонкий слух, чтобы слышать звучание, и... смирение. Почему смирение? Потому что даже прилагая максимум наших усилий, нам никогда не удастся воссоздать во всем своем величии богатство оригинала. Если мы создаем приблизительный перевод, который выступает в качестве самостоятельного литературного произведения, то это самое большее, чего можно ожидать» (*автор. перевод с англ.*) [8, с. 8].

Художественный перевод – это своеобразная разновидность литературного творчества, в основе которой лежат закономерности, действующие в сфере искусства. Здесь точно так же, с одной стороны, существуют свои приемы и методы, помогающие избежать субъективизма или неточностей, а с другой, – широкий диапазон творческой интерпретации. При этом, исследователи все чаще отмечают оторванность переводческой теории от переводческой практики, их слабое взаимовлияние, что порождает проблемы в практике перевода художественного текста. Литературные переводы всегда выполняются литературным языком, доступным для каждого и со многими преобразованиями, которые помогают достичь легкости и красоты оригинальной композиции. Число фраз и предложений в литературном переводе никогда не будет таким же, как в произведении языка-источника, не будут использоваться одни и те же средства выражения стилистических приемов. Различные преобразования (переводческие трансформации) также будут использоваться, чтобы передать особенности стиля и еще в большей мере жанровые особенности переводимого произведения.

Основная особенность перевода художественного текста заключается в выборе такого пути передачи исходной информации, который приводит к переводному тексту с адекватным исходным воздействием на получателя. Отсюда, главной проблемой при таком способе перевода оказывается не столько языковой состав исходного текста, сколько его содержание и эмоционально-эстетическое значение. Причем такой перевод не допускает ни сокращений, ни упрощений исходного материала. Также следует учитывать, что

синтаксические структуры русского и английского языков значительно расходятся, поэтому очень сложно и практически невозможно полностью передать оригинал. То есть, хотя и принято говорить о переводе «с одного языка на другой», но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим, происходит, можно сказать, столкновение различных культур, способов мышления, уровней развития, традиций, различных эпох. Поэтому, в интересах точности передачи смысла переводчики зачастую прибегают к изменению структуры переводимого предложения в соответствии с нормами языка перевода, т.е. переставляют или даже заменяют отдельные слова и выражения.

Следует признать, что проблема передачи стилистического аспекта имеет громадное значение в процессе художественного перевода. Отличительной чертой художественного текста является активное использование тропов и фигур речи, поэтому перед переводчиком стоит сложная задача их сохранения как важной составляющей художественной стилистики того или иного произведения. Как известно, художественный перевод является особым способом межкультурной коммуникации, в основе которого лежит определенная система вербальных форм, несущих в себе значение, выраженное средствами одного языка (языка-источника) и перекодированное на другой (язык перевода) путем различных трансформаций, которые происходят на всех уровнях задействованных языковых систем. При переводе произведений с английского языка на русский возникают проблемы, связанные именно с различиями во всех структурных аспектах двух языков. Практическая деятельность переводчика связана также со стилистическими проблемами. Речь идет о тех случаях, когда сознательно используются выразительные средства, чтобы сделать текст образным и ярким, добиться значительного эмоционального воздействия на читателя. Этой цели можно достичь, употребляя лексические образные средства и стилистические приемы, а также путем особого сочетания фраз или предложений.

Все жанровые разновидности художественной литературы характеризуются эмоциональностью, экспрессивностью, эстетической мотивированностью языковых средств, образностью. В настоящее время лингвисты уделяют большое внимание именно роли эмоционально-оценочной лексики в структуре художественного произведения. Главная цель использования писателем эмоциональных слов заключается в том, чтобы дать уже готовую интерпретацию и, таким образом, лишить читателей возможности делать самостоятельные

выводы. Опытный переводчик пользуется различными способами передачи стилистических приемов, использованных в оригинале для того, чтобы придать тексту большую яркость и выразительность. У переводчика есть следующий выбор: либо попытаться скопировать прием оригинала, или, если это невозможно, создать в переводе собственный стилистический прием, имеющий аналогичный эмоциональный эффект, то есть использовать принцип стилистической компенсации. Для переводчика важна не столько форма, сколько функция стилистического приема в тексте. Это означает определенную свободу действий: грамматические средства выразительности можно передавать лексическими и наоборот; изъав неперебиваемое на русский язык стилистическое явление, переводчик вернет «долг» тексту, создав в другом месте текста – там, где это удобнее, – другой образ схожей стилистической направленности.

Перевод стилистических приемов, несущих образный заряд произведения, часто вызывает трудности у переводчиков из-за национальных особенностей стилистических систем разных языков. Все лингвисты подчеркивают необходимость сохранения образа оригинала в переводе, справедливо считая, что, прежде всего, переводчик должен стремиться воспроизвести функцию приема, а не сам прием.

В своем понимании текста оригинала переводчик стремится «улучшить» авторский текст, прибегая к различным уловкам, но это не всегда срабатывает. Одной из многих причин является особенность начального словоупотребления. Другой причиной, вызывающей трудности у переводчика, являются национальные особенности стилистических систем разных языков. В статье о проблемах художественного перевода, упоминая его стилистические аспекты, Д. Мазунин считает, что первой и наиболее очевидной особенностью художественного перевода является небуквальность: литературные тексты предполагают вольный, свободный перевод, где точностью часто можно пренебречь, в отличие от технической документации, где ясность и упорядоченность изложения крайне важна.

Вторая важная особенность перевода художественных текстов обусловлена свойствами самого текста, который нужно перевести. Здесь очень часто приходится иметь дело с фразеологическими оборотами, которые нельзя просто перевести – нужно постараться подобрать им эквиваленты в другом языке.

Кроме того, нередко переводчик сталкивается с игрой слов – особым видом юмора, не поддающимся переводу на иностранный язык. И в таком случае лингвисту приходится

«обыгрывать» другие слова в переведенном тексте, чтобы сохранить юмористический эффект. Игра слов является одной из сложнейших проблем при работе с художественными текстами.

Третья особенность художественного перевода связана непосредственно с самой личностью лингвиста. Дело в том, что стать настоящим мастером художественного перевода может только специалист, обладающий писательскими способностями. Ведь при переводе художественного текста не так важна точность в деталях, сколько точность в передаче ощущений читателю [2]. Таким образом, переводы литературных произведений должны восприниматься читателем как оригинальные произведения. Мера понимания их как особого слоя литературы, находящегося на стыке «своего» и «чужого», каждый раз зависит от конкретного читателя. Так, Первушина Е.А. в своей работе «Художественный перевод как проблема сравнительного литературоведения» отмечала явление переводной литературы, занимающей особую наднациональную нишу в контексте мировой литературы [3]. Однако при всех различиях в восприятии переводного произведения, как и в его функционировании, всегда присутствуют оба элемента: его принадлежность к искусству слова (общая с отечественной литературой) и его «иностранное» происхождение (связанное с искусством перевода и отличающее его от отечественной литературы).

За восприятием перевода, как литературного произведения, в новой языковой среде стоят процессы его создания и фигура переводчика, его создателя, а также его воздействие на новую аудиторию и сам объект воздействия, причем под объектом воздействия надо понимать не только индивидуального читателя, но и всю литературу, в которой был сделан перевод, в совокупности. По формулировке словацкого ученого Ф. Мико, «перевод – это одна из форм существования литературного произведения» [10]. В данном случае речь, конечно же, идет о художественном переводе.

Итак, художественный перевод во все времена был одним из основных методов получения новых знаний, а также одним из важнейших видов перевода, где переводчику, помимо его знаний иностранных языков, нужна смекалка и некоторые навыки писателя. Именно вопрос об истории художественного перевода является одним из наиболее интересных и часто обсуждаемых вопросов. По нашему мнению, художественный перевод любой литературы – это настоящее искусство, даже некое творчество. Очень часто мы можем встретиться с фразой о том, что переводчик художественных текстов – это тоже писатель, который заново пишет книгу, но уже с той позиции, которую видит он. Именно

поэтому переводчики считают художественный перевод одним из самых сложных. Художественный перевод нельзя сравнить с синхронным переводом. Ведь только в художественном переводе стоит одна из самых главных задач – постараться сохранить атмосферу и стиль автора в полной мере. Выполняя художественный перевод, переводчик демонстрирует не только лингвистические знания, но и свою компетентность в разных сферах жизни. Таким образом, в основе художественного перевода лежит не только словарный запас и грамматические правила, но и целая культура.

Выбирая тот или иной способ перевода, переводчик руководствуется соображением, что в чистом виде какой-либо из способов в реальном переводческом процессе действует редко: как правило, большинство сложных текстов переводятся с применением различных способов, один из которых является ведущим и определяет характер отношений между исходным и переводным текстом в целом, диктуя и условия членения исходного текста, и определение единиц перевода, и выбор переводческих приемов, с помощью которых исходный текст непосредственно преобразуется в переводной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи : [Текст] / Г. Р. Гачечиладзе. – М. : Советский писатель, 1980. – 255 с.
2. Мазунин Д.О. Проблемы и стратегия художественного перевода (на основе сравнительно-сопоставительного анализа трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет») [Электронный ресурс] / Д.О. Мазунин // Научное сообщество студентов XXI столетия. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XXVII междунар. студ. науч.-практ. конф. – № 12(27). – Режим доступа : [http://sibac.info/archive/guman/12\(27\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/12(27).pdf)
3. Первушина Е.А. Художественный перевод как проблема сравнительного литературоведения / Е.А. Первушина // Rosa Mundi. К 90-летию преподавания истории зарубежных литератур в ДВГУ. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 174-181.
4. Семенова М.Ю. Основы перевода текста : [Учебник] / М.Ю. Семенова. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 344 с.
5. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения : [Текст] / П. М. Топер. – М. : Наследие, 2001. – 253 с.
6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – М. : Высш. шк., 1983. – 303 с.

7. Фролова М.В. Передача экспрессивности при переводе художественной прозы / М.В. Фролова // Вестник Марийского государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 38-46.
8. Landers Clifford, E. Literary Translation: A Practical Guide / Clifford E. Landers. – Clevedon : Cromwell Press Ltd, 2001. – 214 p.
9. Schulte Rainer. What is Literary Translation? [Электронный ресурс] / R. Schulte. – Режим доступа : <http://www.utdallas.edu/alta/about/literary-translation>
10. Zajac P. Creativity of Translation / P. Zajac. – “Slavica Slovaca”. – 1987. – № 2. – P. 157.

АННОТАЦИЯ

Ивахненко М. Н., Шаповалов В. В. Художественный перевод как особое направление переводческой деятельности

Данная статья посвящена рассмотрению литературного перевода как особого аспекта переводческой деятельности. В работе исследуются особенности художественного перевода; сделан акцент на выборе переводческой стратегии при выполнении художественного перевода; акцентируется внимание на личностных качествах переводчика художественной прозы. Особое внимание уделено стилистическому аспекту перевода художественного текста.

Ключевые слова: литературный перевод, художественный текст, язык-источник, язык перевода, стилистический аспект.

SUMMARY

Ivakhnenko M. N., Shapovalov V. V. Literary translation as a special aspect of translation activities

The article deals with the study of the literary translation as a special aspect of translation activities. The peculiarities of the literary translation are described in the research; the emphasis is given to the translation strategy in the process of literary translation; it focuses attention on the personal qualities of the fiction translator. Particular attention is paid to the stylistic aspect of the literary text translation.

Key words: literary translation, literary text, source language, target language, stylistic aspect.

С.А. Колода
(г. Чунцин, Китай)

УДК 378.096

РАЗВИТИЕ ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ С КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ

Преподавание иностранных языков в современном понимании не возможно без учета национально-культурных особенностей представителей иного лингвосоциокультурного сообщества. Обучение неродному языку идет гораздо дальше простой передачи правил перекодирования одной языковой системы на другую. Оно включает также ознакомление с языковыми реалиями, составляющими основу фоновых знаний. Язык человека является средством осмысления этого мира, он вбирает и преломляет всю совокупность знаний и представлений о мире. С одной стороны, язык есть порождение самой культуры и средство её выражения. С другой стороны – это часть культуры. Поэтому овладение иностранным языком – это не просто приобретение ещё одного психологического инструмента, но приобщение к иной культуре, овладение новым социокультурным содержанием. В этом контексте обучение иностранному языку рассматривается как диалог двух культур (своей собственной и иноязычной) в общем формате межкультурного общения (равноправное культурное взаимодействие представителей разных лингвокультурных общностей с учётом их самобытности и своеобразия). В конечном итоге предполагается, что изучающий иностранный язык должен овладеть межкультурной компетенцией. Её основными составляющими являются: знание и понимание собственной культуры, осмысление картины мира иной социокультуры, умение видеть сходство и различие между общающимися культурами и владение навыками межкультурного диалога.

Особую актуальность приобретает проблема моделирования образовательного процесса как активного «диалога культур», призванного обеспечить естественную интеграцию культурно-мировоззренческих ценностей мировой цивилизации, народа-носителя изучаемого языка и иной культуры, а также конкретного социума, представителем которого является студент.

Коммуникативная компетенция в иностранном языке – сложная, многофакторная составляющая умений не только общаться, но и адекватно воспринимать все аспекты жизни иного лингвосоциокультурного сообщества.

Все современные концепции обучения иностранным языкам предполагают не просто усвоение определенного минимально достаточного набора языковых модельных фраз и речевых клише, но осознание, а по возможности и приобщение к культуре изучаемого языка. Необходимость взаимосвязанного обучения всем аспектам языка, видам речевой деятельности с одновременным формированием лингвосоциокультурной компетенции не вызывает сомнения ни у ученых-теоретиков, ни у педагогов-практиков.

Особенно сложной становится задача формирования коммуникативной компетенции в условиях развития вторичной языковой личности студентов-иностранцев, являющихся представителями не европейских лингвосоциокультурных сообществ. В этом случае необходимо учитывать гораздо большее количество факторов, влияющих на развитие студента.

На наш взгляд, одним из достаточно сложных и не всегда методически верно обоснованных является обучение студентов стран Азиатско-Тихоокеанского региона русскому языку как иностранному (РКИ).

Цель данной статьи – раскрыть специфику формирования лингвосоциокультурной компетенции в условиях развития вторичной языковой личности студентов, носителей китайского языка на занятиях по РКИ.

Прежде всего, вместе с Халеевой И.И., дадим определение понятия «вторичная языковая личность».

Вторичная языковая личность – совокупность способностей/готовностей человека к «производству» речевых поступков в условиях аутентичного общения с представителями других культур [1, с. 6].

Наиболее сложным при этом становится сам факт создания условий аутентичного общения на русском языке за границей. Причем, чем меньше носителей языка, российских культурных центров, русских диаспор, тем сложнее становится для преподавателя русского языка создание естественной языковой среды общения. По сути, сами преподаватели и те методы, приемы и средства обучения, которые они используют на занятиях, являются единственной возможностью создания языковой среды.

Следует отметить, что тенденции коммуникативной методики преподавания, либо она сама, в полной мере присущи на сегодня большинству методических направлений. Это отражается и в содержании учебников по РКИ, использующихся в университетах Китайской народной республики (КНР). Все профильные филологические дисциплины (практический курс

русского языка, устная речь, аудирование СМИ и т.п.) базируются на единых государственных стандартах, имеют одинаковый учебный план и серию учебно-методических комплектов для всех курсов обучения в бакалавриате. Это связано также с тем, что в Китае система государственных экзаменов на факультетах иностранных языков имеет свою специфику: студенты не только готовят выпускные квалификационные работы на изучаемом иностранном языке, но в течение всего срока обучения дважды (в конце второго и четвертого курсов) сдают государственные экзамены по изучаемому языку. Эти экзамены являются обязательными для всех студентов-филологов. Их организацией и проведением занимается специальный департамент Министерства образования КНР.

Отмечая сложность формирования лингвосоциокультурной компетенции у китайских студентов, заметим, что в подавляющем большинстве случаев они начинают изучение русского языка в университете, не только не владея этим языком на элементарном уровне, но даже имея очень смутные представления о России. Межкультурная коммуникация в таких случаях становится сложной также из-за низкого уровня владения студентами знаниями о западных культурах.

В данном случае речь не идет о том, что в китайские университеты поступают малограмотные люди. Отнюдь нет! Студенты первого курса владеют всей культурной и цивилизационной составляющей Китая, знают как минимум два китайских языка (путунхуа и свой родной диалект), на достаточном для студента уровне владеют английским языком, знают много о современной западной культуре. Сложность заключается в том, что их знания о России очень ограничены (если только они не приехали из приграничных с Россией провинций или города Харбин, где есть русскоязычные общины, где экономические, культурные, образовательные связи налажены на много лучше, чем в других регионах Китая).

Таким образом, возникает противоречие, при котором студенты старших курсов уже обладают определенными языковыми навыками и речевыми умениями русского языка, но не имеют достаточного уровня лингвосоциокультурной компетенции. Такое противоречие становится существенным барьером как при общении с носителями языка, так и при дальнейшем формировании коммуникативной компетенции в изучаемом языке.

К сожалению, присутствие в практическом курсе русского языка большого объема культурологического и социокультурного материала не способно само по себе изменить

сознание обучающегося на открывающуюся ему картину мира. Оно лишь увеличивает поток информации, в котором ему приходится существовать. Известно, что культурный компонент лежит не вне языка, а внутри него, потому, что язык отражает содержание сознания его носителя. Носитель национальной культуры характеризуется не объёмом социокультурных знаний, а наличием качеств сознания, которые сформировались в результате присвоения социокультурного потенциала родной культуры. И, прежде всего, это образы сознания-значения, ассоциированные со словами. Для студентов-китайцев образ России, русская и российская лингвокультура порой открывает не осознаваемые ранее реалии: от структурно-семантических компонентов слов до религиозно-философских понятий.

Именно это, на наш взгляд, делает необходимым создание специальных условий для формирования лингвосоциокультурной компетенции при обучении РКИ в отсутствие естественной языковой среды.

Одним из возможных способов создания таких условий может быть разработка специальных учебных курсов, учебных пособий. Цель таких учебных пособий не будет ограничиваться лишь одной практической задачей, например, развитие умений говорения, аудирования или письма, но будет иметь комплексный характер. При этом ведущей составляющей такой цели станет формирование лингвосоциокультурной компетенции во взаимосвязи с развитием практических навыков владения РКИ.

Для достижения указанных целей изучения РКИ китайскими студентами нами был разработан курс для развития умений устной речи с учетом необходимости развития лингвосоциокультурной компетенции.

Учебный курс был разработан на основе аудиодиска «Прогулки по Арбату», выпущенного ООО «Паблишинг 1С». Данная аудиоэкскурсия изначально носила только познавательный характер и была рассчитана на аудиторию с достаточно высоким уровнем культурологических знаний по истории России и Москвы. Перед нами стояла задача, на основе представленных текстов, отобрать методические приёмы работы со студентам, спланировать занятия по РКИ с учетом необходимости развития умений устной речи и лингвосоциокультурной компетенции. Мы также поставили своей целью не нарушать концепцию аудиоэкскурсии, а расширить ее, исходя из дидактических и коммуникативных задач изучения РКИ в китайской аудитории.

Всего нами было разработано уроков на 36 учебных часов, что позволило полностью методически обеспечить один учебный кредит на 3 курсе бакалавриата (продвинутый уровень).

Для обеспечения всех необходимых компонентов учебного курса и эффективной реализации целей обучения мы также использовали дополнительные тексты, лингвосоциокультурные комментарии, фото- и видеодокументы. Во всех случаях, когда можно было привлечь предыдущий учебный или коммуникативный опыт студентов (на основании материала, изученного на других предметах, стажировок и посещения студентами России), мы старались организовать диалог культур и продемонстрировать, что знание русского языка и его использование не ограничивается рамками учебной аудитории.

Все уроки были выстроены по единой схеме:

1. Организационный момент.
2. Ознакомление студентов с задачами урока.
3. Предтекстовая работа. Ознакомление с новыми лексическими единицами; лингвосоциокультурный комментарий слов-реалий, лексики с национально-культурным компонентом, топонимов, антропонимов.
4. Предтекстовая работа. Снятие смысловых трудностей понимания текста.
5. Первичное аудирование текста. Контроль основного понимания текста.
6. Повторное аудирование текста.
7. Контроль глубокого понимания текста с помощью заданий разных видов (тесты: альтернативные, перекрестного, множественного выбора, ответы на вопросы, нахождение и комментирование основных фактов из текста, письменное изложение содержания текста и т.п.).
8. Подведение итогов работы. Обобщение информации.

Приведем пример урока № 10 «ДОМ МЕЛЬНИКОВА В КРИВОАРБАТСКОМ».

Задание 1. *Ознакомьтесь с новыми словами, переведите их на китайский язык.*

- новаторский
- творения (синоним – произведения)
- компоновка
- цилиндр
- аналог
- индивидуализм
- собственничество
- утопический проект
- безапелляционный
- безвозмездно (синоним – бесплатно, даром)

- комфортабельный (синоним – удобный)
- шедевр

Задание 2. *Определите особенности архитектурного направления*

· **Конструктивизм** отличает максимально рациональный подход к проектированию домов, всё подчиняется функциональности и удобству строительства, отсюда отсутствие «архитектурных излишеств», компоновка зданий из геометрических примитивов – цилиндров, кубов. Архитекторы стиля конструктивизм считали, что в создании архитектурного образа современного сооружения должны принимать участие все элементы здания, даже такие, как вывески, часы, рекламные щиты, громкоговорители, шахты лифтов и т. д., поэтому все их также должен проектировать архитектор.

В проектировании городов нового типа и крупных промышленных предприятий все более утверждаются принципы функционально-конструктивной системы, зародившейся на рубеже XIX-XX веков. Этот стиль в архитектуре получил название **конструктивизма**. Провозвестником нового этапа в развитии архитектуры стала Эйфелева башня (высота 312 м), возведенная из сборных стальных частей к Всемирной парижской выставке 1889 года по проекту инженера Густава Эйфеля в знак вступления в новую эру машинного века.

Корифеем русского (советского) конструктивизма считается Константин Мельников. Начав с постройки российских павильонов на Международных выставках в стиле традиционной деревянной архитектуры, благодаря которым он приобрел международную известность. В архитектуре конструктивизма функционализм приводит к созданию динамичных сооружений, совершенно лишенных привычного архитектурного декора, соединенных в соответствии с организацией внутреннего пространства и работой основных конструкций.

Задание 3. *Посмотрите на данные фотографии. Скажите, какие элементы архитектуры конструктивизма в них заметны:*

Эйфелева башня (архитектор – Густав Эйфель)

Здание типографии журнала «Огонек» (проект Эль Лисицкого)

Клуб имени Зуева (архитектор – Константин Мельников)

Дворец культуры завода имени Лихачёва (архитекторы – братья Веснины).

Москва-Сити.

Далее студентам предлагаются для анализа фото наиболее известных зданий в Чунцине (где расположен университет) и предлагается сравнить их с описанными выше.

Задание 4. *Прослушайте текст, скажите, в чем состояли особенности конструкции дома Мельникова.*

Задание 5. *Прослушайте текст с использованием графической опоры. Определите основное предназначение проекта К. Мельникова «Зелёный город». Запишите основные лозунги проекта. Выскажите свое отношение к ним. (в статье текст дается в сокращении).*

Почти незаметный сейчас за современными постройками, дом номер 10 является уникальным сооружением и памятником мирового значения. Построенный архитектором Константином Степановичем Мельниковым в конце 20-х годов, он входит сейчас во все архитектурные учебники и альбомы как новаторское для своего времени произведение, построенное в духе конструктивизма. В противоположность модерну конструктивизм отличает максимально рациональный подход к проектированию домов, всё подчиняется функциональности и удобству строительства.

Константин Мельников был удивительной для своего времени фигурой, все его творения концептуальны и неповторимы. В начале его карьеры на парижской выставке проекты архитектора произвел фурор, тут же его завалили престижными заказами, но Мельников уехал в Россию, отклонив все предложения. В Москве он построил несколько рабочих клубов, в т.ч. клуб им. Русакова, и в качестве поощрения Моссовет принял единственное в своем роде решение – безвозмездно выдать архитектору Мельникову участок в центре Москвы для строительства собственного дома. Это был беспрецедентный случай, особенно учитывая, насколько жестко советская власть преследовала индивидуализм и собственничество.

Дом Мельникова не имеет аналогов. Он состоит из 2-х проникающих друг в друга цилиндрических объемов и обходится совершенно без прямых углов как снаружи, так и внутри. Исходя из идеи экономичного строительства, дом построен из самых дешевых материалов – кирпича и дерева, причем строительные отходы впоследствии использовались для отопления помещений.

По-видимому, главной идеей, которой руководствовался Мельников в своих изобретениях, была идея всесторонней пользы. Известно, что параллельно со строительством дома он занимался разработкой, надо признать, утопического проекта

«Зеленый город», своеобразного парка культуры и отдыха. Под отдыхом Мельников понимал исключительно сон – его «Зеленый город» состоял из огромных (на 4000 мест) комфортабельных общих спален, на стенах которых висели безапелляционные лозунги: «Сон – лечебный фактор! Думающий иначе – больной», «Спать должно по цехам», «Лечить сном вплоть до изменения характера» и т.д. По всей видимости, Мельников опередил свое время не только в архитектуре, но и в медицине.

В 2005 году дом № 10, шедевр конструктивизма был передан государству 90-летним сыном архитектора. Вместе со всеми проектами и картинами дом Константина Степановича оценивается в десятки миллионов долларов.

Задание 5. *Согласны ли вы с лозунгами К.С. Мельникова о пользе сна?*

Задание 6 (домашнее). *Опишите любое известное вам здание в стиле конструктивизма.*

Заметим, что основная цель данного занятия была достигнута, т.к. студенты не только активно работали на уроке, но и смогли достаточно полно и точно выполнить домашнее задание, описав учебные корпуса и общежития университета, построенные в стиле конструктивизма.

Данный учебный курс прошел апробацию на факультете русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета (КНР). Результаты его использования показали повышение мотивации у студентов в изучении РКИ, прогресс в развитии умений устной речи и значительное расширение знаний лингвосоциокультурного сообщества носителей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи : Подготовка переводчика / И.И. Халеева. – М. : Высш. шк., 1989.

АННОТАЦИЯ

Колода С. А. Развитие лингвосоциокультурной компетенции на занятиях по русскому языку с китайскими студентами

В статье описаны особенности формирования и развития лингвосоциокультурной компетенции русского языка у студентов-китайцев. Проведен анализ специфических трудностей создания языковой среды при изучении русского языка как иностранного. Автор статьи уделяет особое внимание

особенностям формирования вторичной языковой личности у студентов в отсутствии естественной языковой среды общения на русском языке за рубежом. Представлен пример авторского курса занятия по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, вторичная языковая личность, лингвосоциокультурная компетенция, диалог культур.

SUMMARY

Koloda S. A. Development of linguosociocultural competence in the Russian language classes with Chinese students

The article describes peculiarities of formation and development of linguosociocultural competence in the Russian language of Chinese students. The author presents the analysis of specific difficulties of creating language environment while studying Russian as a foreign language. Special attention is paid to the peculiarities of a language personality formation of the students abroad. The article also presents an example of the author's course in Russian as a foreign language.

Key words: Russian as a foreign language, language personality, linguosociocultural competence, dialogue between cultures.

*I.O. Кудрейко
(м. Донецьк, ДНР)*

УДК 81'27

СОЦ→ОЛ→НГВ→СТИКЮНЯТТЕСВИЙ АПАРАТ

У центрі уваги перебувають актуальні проблеми соціолінгвістики: аналіз предметно-поняттєвого апарату науки. Актуальність теми зумовлена відсутністю чіткого розмежування між базовими і галузевими поняттями соціолінгвістики, конкретного визначення проблематики цієї науки. Метою роботи є аналіз і систематизація попередніх теоретичних підходів до соціолінгвістичних категорій і понять, встановлення їх структури та ієрархії. Завдання роботи мотивовані поставленою метою і передбачають: 1) розгляд домінуючих підходів до визначення предмета соціолінгвістики; 2) характеристику основних класифікацій соціолінгвістичного поняттєвого апарату.

Соціолінгвістика – один із напрямів мовознавства, до якого останнім часом посилився інтерес науковців усього світу. Це закономірно: сучасному суспільству необхідні наукові розробки принципів взаємодії суспільства й мови. Проте соціальний підхід до вивчення мовних фактів простежувався в працях лінгвістів ще

наприкінці XIX – початку XX століття. Істотну роль у розвитку соціального напрямку відіграли праці Ф. де Соссюра, в яких науковець наголошував на соціальній сутності мови, досліджував зв'язок мови з народом, його культурою, історією, географічним розподілом мов, співвідношенням літературної мови і діалектів; дослідження засновника французької лінгвістичної школи А. Мейє, який зазначав, що мова – соціальний факт, що без суспільства мови не може бути так само, як і суспільства без мови, усі мовні явища зумовлені соціальними чинниками. Ж. Вандрієс, учень А. Мейє, зауважував, що в процесі розвитку мов можна спостерігати дві тенденції: до диференціації і уніфікації, важливим чинником розвитку мови є змішування, але наявність іншомовних елементів не перешкоджає тому, щоб мова залишалася мовою; праці представників Празької лінгвістичної школи В. Матезіуса, Б. Гавранка, Й. Вахека, які запропонували досліджувати мову як «систему систем», довели зв'язок мови із соціальними процесами і соціальну роль літературної мови. У Росії проблема взаємодії мови і суспільства була предметом дослідження І. Бодуєна де Куртене, який висунув ідею двопланового членування мови – «горизонтального» (територіальне членування) і «вертикального» (соціальна диференціація), наголошував на важливості вивчення мови. Науковець зазначав, що мовний матеріал складається з народної мови, розмовної мови (мовлення) усіх прошарків суспільства певного народу, «мови різних за віком (дітей, дорослих, старих тощо) і відомих станів людини» [3, с. 157]. Л. Якубинський, досліджуючи проблему соціальної зумовленості мови, наголошував, що складнопідрядні речення набувають інтенсивного розвитку тільки з виникненням і розвитком писемності, а це, певна річ, пов'язано зі збільшенням суспільних функцій мови, поширенням соціальної сфери її використання. Щодо радянського мовознавства, то проблеми взаємодії мови і суспільства почали досліджуватися ще в 20-ті роки минулого століття, саме тоді було закладено теоретичний фундамент соціолінгвістичних досліджень. Особлива заслуга у його формуванні належить Є. Поливанову, який наголошував, що «для того, щоб мовознавство було адекватним своєму об'єктові досліджень, воно повинно бути наукою соціологічною» [12, с. 9]. Він уклав програму соціологічного вивчення мови, до складу якої входили: 1) визначення мови як соціально-історичного факту; 2) опис мов і діалектів у соціологічному аспекті; 3) оцінний аналіз певної мови як знаряддя спілкування; 4) вивчення причинових зв'язків між соціально-економічними і мовними явищами; 5) оцінний аналіз мови як засобу боротьби за спілкування; 6) створення загальної типологічної схеми еволюції мови у

зв'язку з історією культури; 7) прикладні питання соціальної лінгвістики: мовна політика [12, с. 178-186]. Програма, яку сформулював Є. Поливанов, була використана у дослідженнях і самого автора, й інших мовознавців: Б. Ларин і Н. Карінський досліджували проблему вивчення мови міста, А. Селіщев вивчав гетерогенність мови, зумовлену соціальною неоднорідністю колективу її носіїв. Учений зазначав: «Основу регіональної і соціальної варіативності мови складає той факт, що населення конкретної політичної спільноти являє собою сукупність різних суспільних груп, які розподіляються на підгрупи за віком, статтю та іншими ознаками, відповідно і мова групи розпадається на декілька мов підгруп. Ступінь розбіжності між ними залежить від позамовних ситуацій. Наприклад, у періоди соціальних катаклізмів мова молодіжних груп більшою мірою відображає суспільні зміни» (цит. за: [9, с. 10]). Л. Щерба наголошував, що «будь-яка соціальна диференціація в межах тієї чи іншої групи сприяє диференціації мовленнєвої діяльності і диференціації мовного матеріалу» (цит. за: [9, с. 10]).

За час існування у мовознавстві соціолінгвістичного напрямку він мав і досі має декілька різних назв: «соціологія мови», «соціологічна лінгвістика», «соціологічне мовознавство», «лінгвістична соціологія», «лінгвосоціологія», «соціальна лінгвістика» (див. праці У. Брайта, Р. Будагова, Д. Вундерліха, Б. Головіна, В. Жирмунського, Дж. Фішмана та ін.). У сучасному мовознавстві здебільшого використовуються два терміни – «соціальна лінгвістика», «соціолінгвістика». Термін «соціолінгвістика» введений до наукового обігу американським дослідником Х. Каррі в 1952 році. Звернімося до найвідоміших визначень соціальної лінгвістики. Ф. Філін, який багато років присвятив вивченню мови як суспільного явища, пише: «Мова – творіння суспільства, і в ній усе суспільне. Що ж у такому випадку можна розуміти під соціолінгвістикою? Поки що в цей термін вкладається різний зміст, межі якого дуже нечіткі. Мабуть, за ним треба закріпити два значення: 1) вивчення залежності мови, її структури від суспільства, іншими словами, соціальної зумовленості мовних явищ; 2) вивчення суспільних функцій мови, її ролі в суспільстві, впливу на суспільство. Зрозуміло, обидва ці значення тісно пов'язані одне з одним, становлять єдиний комплекс проблем» [15, с. 131]. О. Ахманова і А. Марченко вважають, що найбільш загальне визначення соціолінгвістики – це «розділ мовознавства, який вивчає причинові зв'язки між мовою і фактами суспільного життя» [1, с. 2]. М. Вахтін і Є. Головка, розглядаючи соціолінгвістику як «сферу взаємного проникнення соціології і лінгвістики, що охоплює все розмаїття

впливу соціальних чинників на мову і мовних чинників на суспільство» [5, с. 16], вважають найбільш вдалим визначення соціолінгвістики, яке пропонує Р. Хадсон. Англійський науковець відмежовує соціолінгвістику від соціології мови і зазначає, що «соціолінгвістика – це вивчення мови в її відношенні до суспільства, а соціологія мови – це вивчення суспільства в його відношенні до мови. Якщо завдання першої – висвітлити деякі мовні факти, універсальні чи специфічні, то завдання другої – навпаки: дізнатися нове про суспільство, використовуючи мовні дані. Відмінність між цими поняттями, на думку Р. Хадсона, в акцентах, а не в предметі вивчення» (цит. за: [5, с. 17]). Наскільки доречним є це відокремлення соціолінгвістики від соціології мови, покажуть наступні дослідження. Б. Головін подає широке і вузьке тлумачення терміна «соціолінгвістика»: «У широкому розумінні соціолінгвістика повинна пояснити всю сукупність «площинних» членувань мови, усю систему її варіантів, тому що членування і варіювання зумовлені впливом на мову з боку соціального колективу. У вузькому ж розумінні предметом соціолінгвістики є вивчення того членування мови і її функціонування, яке намічається у площині соціальних груп і суспільних прошарків колективу» (цит. за: [16, с. 64]). Вузьке значення соціолінгвістики пропонував наприкінці 60-х років ХХ століття В. Жирмунський: «Соціальна лінгвістика у вузькому розумінні розглядає два взаємопов'язаних кола проблем: 1) соціальну диференціацію мови класового суспільства на певній сходинці його історичного розвитку (певного суспільного колективу у відповідну історичну епоху); 2) процес соціального розвитку мови, її історію як явище соціальне (соціально-диференційоване)» [7, с. 14]. О. Швейцер, зазначаючи, що це визначення містить багато цінного і корисного, звертає увагу на однобічність розуміння предмета соціолінгвістики, який, за словами О. Швейцера, певною мірою був зрозумілий самому авторові [16, с. 66]. В. Брицин подає не лише тлумачення терміна «соціолінгвістика», а й окреслює коло досліджуваних проблем: «Соціолінгвістика (від лат. *societas* – спільність і лінгвістика), соціальна лінгвістика – галузь мовознавства, що вивчає соціальні аспекти розвитку мови, її суспільні функції у синхронії і діяхронії, механізми взаємодії мови і суспільства. Найголовнішими проблемами соціолінгвістичного опису є соціальна диференціація мови, мова і суспільство, мова і нація, мовна політика та мовне планування (будівництво), мова і культура, двомовність» [4, с. 631]. За часів формування і становлення соціолінгвістики як самостійної дисципліни багато суперечок було щодо визначення предмета цієї науки, кола досліджуваних проблем. Завдання

соціолінгвістики визначувані рівнем розвитку суспільства (народу, нації), сучасним станом тієї чи іншої мови в межах певної територіально-адміністративної одиниці, тому досліджуються як проблеми багатомовності, двомовності, соціальної стратифікації мови, так і становлення національних літературних мов, вибір певної мови як засобу загальнодержавного спілкування.

Визначаючи статус соціолінгвістики як самостійної дисципліни, більшість мовознавців акцентують на тому, що вона формується на стику різних наук (Дешерієв Ю., 1977; Звегинцев А., 1976; Швейцер А., 1976). Таке розуміння цієї дисципліни зумовлює визначення її предмета. Одним із найбільш ємних визначень предмета соціолінгвістики, на наш погляд, є те, що подає Ю. Дешерієв, який вважає, що предметом соціолінгвістики постає вивчення загальних і соціально зумовлених закономірностей функціонування, розвитку і взаємодії мов (цит. за: [16, с. 68]). О. Швейцер зауважує, що це визначення можна вважати базовим, якщо внести деякі уточнення: «До соціолінгвістичних досліджень входять як вивчення впливу соціальних чинників на функціональне використання мови в процесі мовленнєвої комунікації, так і аналіз впливу цих чинників на саму структуру мови, їхнє відображення в мовній структурі. До того ж досліджуються не лише зв'язки між мовою і об'єктивними соціальними чинниками, але й відображення в мові і мовленнєвій діяльності суб'єктивних соціальних чинників, таких, як соціальні настанови і соціальні цінності» [16, с. 69]. Керуючись розумінням предмета соціолінгвістики, розглянемо деякі питання соціолінгвістичної теорії, зокрема, поняттєвий апарат соціолінгвістики. Оскільки соціолінгвістика є відносно новою мовознавчою дисципліною, її поняттєвий апарат не можна вважати повністю сформованим. На думку Ю. Дешерієва, під час розробки цієї проблеми необхідним є розмежування загального й галузевого поняттєвого апарату соціолінгвістики. Якщо перший описує систему базових, ключових понять цієї дисципліни, то останній – дає уявлення про зміст понять і їхній взаємозв'язок у різних розділах соціолінгвістики, наприклад, поняттєвий апарат білінгвізму, поняттєвий апарат соціальної диференціації мови і под. Принципи створення галузевого поняттєвого апарату продемонстрував О. Швейцер на прикладі понять соціальної зумовленості варіативності мови. Як ключові терміни науковець пропонує такі: мовний колектив, мовленнєвий колектив, мовна спільність, мовленнєва спільність, соціально-комунікативна система, соціально-комунікативна підсистема, стратифікаційна змінна, стратифікаційно-ситуативна змінна, комплекс цінностей, статус, роль, соціальна настанова, ціннісні орієнтації. Між

цими соціолінгвістичними і соціологічними поняттями встановлюються системні зв'язки різного рівня [17, с. 31-41].

Першу спробу визначити базові соціолінгвістичні поняття зробив Ю. Дешерієв, який до загального поняттєвого апарату включав такі терміни: мова, слово, фонема, соціально-територіальна диференціація, мовна політика, соціалізоване ставлення, не соціалізоване ставлення, однорівнева звукова структура, багаторівнева звукова структура [6, с. 298-302].

У 2001 році вийшов підручник В. Белікова і Л. Крисіна «Соціолінгвістика», у якому автори пропонують такі основні поняття соціолінгвістики: мовне суспільство, рідна мова, мовний код, соціально-комунікативна система, мовна ситуація, інтерференція, мовна варіативність, зміна коду, мовна норма, літературна мова, діалект, соціолект, аргі, жаргон, сленг, койне, просторіччя, диглосія, двомовність, сфери використання мови, мовленнєва і не мовленнєва комунікація, комунікативна ситуація, мовленнєве спілкування, мовленнєва поведінка, мовленнєвий акт, комунікативна компетенція носія мови [2, с. 19]. На наш погляд, автори цієї класифікації основного поняттєвого апарату соціолінгвістики до загальних базових понять включили галузеві: рідна мова, мовна норма, зміна коду, сфери використання мови, мовленнєва і не мовленнєва ситуація та ін.

У 2004 році було видано навчальний посібник М. Вахтіна, Є. Головка «Соціолінгвістика і соціологія мови», у якому автори, спираючись на англо-американську традицію в соціолінгвістичному напрямі, пропонують такі поняття соціолінгвістики: етнічність, етнічна група, соціальна ідентичність, мовний варіант, національність і нація, націоналізм, державність, мова, багатомовність, державна, офіційна, титульна мови, статус мови, мова і діалект, стандартна літературна мова, діалект і регістр, материнська мова, рідна мова, перша мова, мовна ситуація, мовне зрушення, темпи мовного зрушення, мовна життєздатність, збереження мови, мовна стійкість, соціальна і мовна диференціація, мовна політика і мовне планування, індивідуальне мовне планування, мовні меншини, мовні конфлікти [5, с. 33-194]. Характерною особливістю цієї класифікації є наявність термінів з англословної соціолінгвістичної літератури (етнічність, етнічна група, регістр) і нерозмежування авторами базових і галузевих понять. Як зазначав М. Лобачевський, «перші поняття, з яких розпочинається будь-яка наука, повинні бути зрозумілими і зведеними до найменшої кількості» [10, с. 186]. Основними критеріями цих понять є їхня локальність, персональність, генералізація, універсальність, висока інформативність.

Аналіз попередніх класифікацій поняттєвого апарату соціолінгвістики дозволяє запропонувати таку класифікацію базових понять науки, котра ґрунтуватиметься на основному завданні соціолінгвістики, тобто дослідженні впливу суспільства на мову(мови). Якщо цю проблему розглядати за такою схемою: *суспільство* → *мова* – *це народ* → *мова*; *нація* → *мова*; *колектив, корпоратив, група, родина* → *мова*; *індивід* → *мова*, то на рівні *народ* → *мова* характерною ознакою впливу на мову буде наявність двомовності, багатомовності; на рівні *нація* → *мова* – соціальна поширеність мови; *колектив* → *мова* – соціально-територіальна диференціація мови; *індивід* → *мова* – соціально зумовлена варіативність мови.

Отже, до основних понять соціолінгвістики належатимуть мовне суспільство, мовний код, двомовність, багатомовність, соціальна поширеність мови, соціально-територіальна диференціація мови, соціально зумовлена варіативність мови. Якщо характеризувати кожне з поданих понять, то, насамперед, варто зазначити, що В. Беліков і Л. Крисін у своїй класифікації основних понять соціолінгвістики подають термін «мовне суспільство», який розтлумачується як сукупність людей, об'єднаних спільними соціальними, економічними, політичними, культурними зв'язками, які здійснюють у повсякденному житті безпосередні й опосередковані контакти один з одним та з іншими соціальними інститутами за допомогою однієї мови або різних мов, поширених у цій сукупності [2, с. 20]. Це поняття є базовим, тому що за цим визначенням до мовного суспільства можуть належати і народ, і нація, і будь-який колектив, найменший з яких – соціолема. Соціолема – певне корпоративне, відносно відокремлене, мовне співтовариство, яке завдяки безпосередньому контактуванню використовує певну мову або діалект. Соціолема детермінує функціонування і розвиток своєї мови, соціалізує, привласнює або відкидає інші варіанти мовної техніки. Мовець, залежно від умов спілкування, може бути членом різних соціолем. Мовний код – термін, який використовується для визначення мови як системи; сукупність мовних ресурсів нації від літературної мови до соціальних і територіальних діалектів.

Щодо двомовності (білінгвізму), то це функціонування двох мов на одній території або в одному етнічному середовищі. Іншими словами, це використання під час спілкування двох мов. Відносно ситуацій, у яких можуть функціонувати декілька мов, то прийнято термін «багатомовність». На рівні *нація* → *мова* перевагу надали терміну соціальна поширеність мов, враховуючи випадки, коли нація існує, а мови немає, або

навіпаки. Для характеристики цього терміна звернемося до класифікації поширеності й значущості мов О. Ткаченка, у якій автор виділяє основні різновиди живих і мертвих мов. Серед живих такі основні соціолінгвістичні типи: 1) одноосібна мова; 2) частковогенераційна мова; 3) (повногенераційна, але) частковоетнічна мова; 4) (повноетнічна, але) частковотериторіальна мова етносу; 5) повнотериторіальна мова; 6) (повнотериторіальна і) позатериторіальна монофункційна мова; 7) (повнотериторіальна і) позатериторіальна поліфункційна мононаціональна мова; 8) (повнотериторіальна і) позатериторіальна поліфункційна полінаціональна мова; 9) (повнотериторіальна) поліфункційна поліетнічна мова [14, с. 4-5]. Із соціолінгвістичного погляду, за О. Ткаченко, мертві мови поділяються на такі різновиди: 1) мертва сакралізована етнічна мова; 2) сакралізована постетнічна корпоративна мова, уживана частково як розмовна; 3) фіксована мертва мова; 4) реконструйована мертва мова безписемних пам'яток, реконструйована з мов нащадків як правова; 5) гіпотетична мертва мова [14, с. 5-6]. На рівні **колектив** → **мова** ми використали термін «соціально-територіальна диференціація мови». Як основний його виділяв і Ю. Дешерієв серед термінів, які належать до основного поняттєвого апарату соціолінгвістики [6]. Соціально-територіальна диференціація мови – членування мови на територіальні наріччя, діалекти, говори і різні соціальні діалекти, просторіччя, побутово-розмовну мову, літературну мову. Л. Крисін наголошує, що «соціальну диференціацію мови багато дослідників вважають однією з найчіткіших форм зв'язку між мовою і суспільством» [8, с. 75].

Досліджуючи проблему соціальної диференціації мови, увагу лінгвістів привернув той факт, що останнім часом носії певної національної мови під час спілкування користуються різними мовними підсистемами. Вибір тієї чи іншої мовної підсистеми залежить від соціальних та ситуативних параметрів комунікативного акту, мовної компетенції носія мови. Можливість використовувати мовні засоби різних підсистем призводить до того, що межі між вже існуючими мовними підсистемами стають розмитими, а це, у свою чергу, вимагає створення нових додаткових підсистем, які поєднуюватимуть у собі елементи літературної мови і територіального діалекту, жаргону і літературної мови тощо. Соціально зумовлена варіативність мови – здатність індивіда обирати варіанти залежно від ситуації, сфери комунікації, особистих характеристик адресата. Існує певна відмінність між термінами базового поняттєвого апарату і галузевого поняттєвого апарату, проте не можна провести чітку

межу між ними. Запропонована класифікація базових понять соціолінгвістичного поняттєвого апарату є результатом аналізу й узагальнення результатів попередніх досліджень (див. праці В. Белікова, М. Вахтіна, Є. Головка, Ю. Дешерієва, Л. Крисіна, О. Ткаченка, О. Швейцера) і носить однобічний характер, тому що розглядається лише вплив суспільства на мову. Щодо впливу мови на суспільство, то в нашому дослідженні ми дотримуємося поглядів А. Базієва, Ю. Дешерієва, М. Ісаєва, В. Панфілова, О. Ткаченка та інших, які зауважують, що вплив мови на суспільство сприяє ідентифікації, диференціації як націй, так і етнічних і соціальних груп, водночас не заперечуємо, що мова суттєво може впливати на структуру ціннісних вартостей суспільства. Цей аспект вимагає окремого дослідження.

ЛІТЕРАТУРА

1. Ахманова О. Основные направления в социолингвистике [Текст] / О. Ахманова, А. Марченко // Иностранные языки в школе. – 1971. – № 4. – С. 2-9.
2. Беликов В. Социолингвистика [Текст] / В. Беликов, Л. Крысин. – М.: РГГУ, 2001. – 437 с.
3. Березин Ф. История лингвистических учений: Учебное пособие [Текст] / Ф. Березин. – М.: Высш. шк., 1975. – 319 с.
4. Брицин В. Соціолінгвістика [Текст] / В. Брицин // Українська мова: Енциклопедія. – 2-ге вид., випр. і доп. – К.: Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2004. – С. 631.
5. Вахтин Н. Социолингвистика и социология языка: Учеб. пособие [Текст] / Н. Головка, Е. Вахтин. – СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
6. Дешериев Ю. Социальная лингвистика : К основам общей теории [Текст] / Ю. Дешериев. – М.: Наука, 1977. – 382 с.
7. Жирмунский В. Марксизм и социальная лингвистика [Текст] / В. Жирмунский // Вопросы социальной лингвистики. – Л.: Наука, 1969. – С. 14-32.
8. Крысин Л. Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике [Текст] / Л. Крысин // Социолингвистика вчера и сегодня. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – С. 75-93.
9. Крючкова Т. Развитие отечественной социолингвистики [Текст] / Т. Крючкова // Социолингвистика вчера и сегодня. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – С. 8-51.
10. Лобачевский Н. Полное собрание сочинений [Текст] / Н. Лобачевский. – Т. 1. – М. – Л.: Гос. изд. техн.-теорет. лит., 1946. – 412 с.

11. Панфилов В. Язык, мышление, культура [Текст] / В. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1975. – № 1. – С. 13.
12. Поливанов Е. Круг очередных проблем социальной лингвистики [Текст] / Е. Поливанов // Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – С. 178-186.
13. Ставицька Л. Суржик : міф, мова, комунікація [Текст] / Л. Ставицька, В. Труб // Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти. – К.: Унів. вид-во ПУЛЬСАРИ, 2007. – С. 31-121.
14. Ткаченко О. Соціолінгвістична класифікація мов у її слов'янській специфіці й динаміці [Текст] / О. Ткаченко // Мовознавство. – 2003. – № 2-3. – С. 3-13.
15. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания [Текст] / Ф. Филин. – М.: Наука, 1982. – 335 с.
16. Швейцер А. Современная социолингвистика : Теория, проблемы, методы [Текст] / А. Швейцер. – М.: Наука, 1976. – 175 с.
17. Швейцер А. К разработке понятийного аппарата социолингвистики [Текст] / А. Швейцер // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 31-41.

АННОТАЦИЯ

Кудрейко И. А. Социолингвистика: понятийный аппарат

Рассмотрены доминирующие определения предмета социолингвистики, проанализированы основные классификации базового предметно-понятийного аппарата, предложено собственную классификацию социолингвистического понятийного аппарата.

Ключевые слова: социолингвистика, понятийный аппарат, формы существования языка, язык.

SUMMARY

Kudreyko I. A. Sociolinguistics: conceptual construct

The article deals with the dominant definition of the subject of sociolinguistics, analyses the main classification of basic subject-conceptual construct, suggests original classification of sociolinguistic conceptual construct.

Key words: sociolinguistics, conceptual construct, forms of language existence, language.

Н.В. Лешкова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'366.54+811.161.1

ПЕРВИННІ ТА ВТОРИННІ СЕМАНТИКО- Й ФОРМАЛЬНО-СИНТАКСИЧНІ ФУНКЦІЇ ДАВАЛЬНОГО ВІДМІНКА

Давальний відмінок із формально-синтаксичного боку розташовується звичайно у придієслівній традиції, а також у похідних від придієслівної присубстантивної і приад'єктивній позиціях. Через те дієсловом визначається семантико-синтаксичний потенціал давального у відмінковій системі і його диференційні ознаки. Визначальна роль дієслова визначається також на ієрархії функцій відмінка [4].

О. Безпояско, К. Городенська, В. Русанівський та І. Вихованець первинною семантико-синтаксичною функцією давального вважають функцію адресата дії. У цій функції він характеризується диференційними семантико-синтаксичними ознаками субстанціальності, валентної пов'язаності з дієслівним предикатом дії, фінальної спрямованості дії на предмет у її цільовому різновиді. Показовою виступає формально-синтаксична ознака напівпериферійності (нецентральної-периферійності), яка разом із семантичними особливостями вказує на проміжне місце давального серед центральних і периферійних відмінків. Функцію адресата слід визнати первинною насамперед тому, що в ній конденсується граматична специфіка давального і вона не повторюється в жодній іншій неприйнятній відмінковій формі. Всі вторинні його функції так чи інакше пов'язані з іншими відмінками й є наслідком транспозиції давального в інші семантико-синтаксичні зони. Валентний характер керуючого давальним відмінком дієслова передбачає наявність у конструкції знахідного об'єктного і тісніший зв'язок останнього з опорним дієсловом. Порівняно з тісним поєднанням знахідного з предикатом дії давальному адресату властиві напівсильний підрядний зв'язок і його форма – напівсильне керування. Незважаючи на напівсильний підрядний зв'язок давального, опорне дієслово вимагає заповнення одного із семантично передбачуваних місць іменником у давальному відмінку. Керуючі дієслова становлять компактну нечисленну групу [3, с. 28; 6].

Опорні дієслова звичайно утворюють чотиричленну конструкцію за наявності знахідного відмінка відповідного семантичного іменникового класу. Найчастіше вживаються

дієслова *давати, видавати, віддавати, надавати, подавати, передавати, подавати, дарувати, вручати, заповідати, присвячувати, пропонувати, нести, відносити, заносити, приносити, купувати, продавати, залишати, слати, надсилати, пересилати, писати, читати* і под.: *А сам він [Шевченко] невичерпне джерело Подарував народові навіки* (М. Рильський); *Він присвятив їй (науці) усе своє життя* (Є. Гуцало); *Він ніс при собі терміновий пакет, який мав віддати у власні руки контр-адміралу Багрову* (В. Кучер); *Щасливий я не тим, що маю квіти, А тим, що є кому їх віднести* (Л. Дмитерко). Слід відзначити, що ступінь обов'язковості давального відмінка, необхідність його наявності при дієсловах різні. Це можна визначити елімінацією давального: якщо вона призводить до ущербності речення (сміслові або граматичної), то давальний є обов'язковішим компонентом речення, і навпаки, якщо елімінація істотно не впливає на осмисленість речення та його функціональну автономність, то він є менш обов'язковим. Пор. два дієслова – присвячувати (з постійною обов'язковістю давального) і принести (з можливим усиченням давального): *Він присвятив героєві вірші і Він приніс мені книжку*. Залежні від дієслів іменники звичайно поширюються на назви істот (здебільшого людей). Давальний адресата виступає в позиції придієслівного другорядного члена, поєднаного з опорним дієсловом напівсильним підрядним зв'язком (форма напівсильного керування). Семантико-синтаксична функція адресата є синтаксичною базою, яка коригує вторинні функції давального [4, с. 109-116].

Найближче розташований до давального у функції адресата дії давальний об'єкта дії утворюється, на думку І. Вихованця, в результаті нейтралізації обставинно-цільової семантики першого і переміщення в позицію сильнокерованого знахідного відмінка. У цій функції він зберігає семантико-синтаксичні ознаки субстанціальності, валентного зв'язку з предикатом, пасивності і динамічної фінальності (з послабленням або й зникненням її цільового різновиду). У зв'язку з тим, що давальний об'єкта займає незначну зону придієслівних об'єктних засобів і звичайно сполучається з іншими, не властивими знахідному об'єкта, дієсловами, він функціонує як лексико-комбінаторний варіант знахідного об'єктного – основного засобу вираження об'єктної функції. Давальним об'єкта дії керують дієслова *допомагати, дякувати, заважати, шкодити, мститися, надокучати, прислужувати* та ін.: *Томас палко дякував Бутакову за представлення і а прекрасну характеристику* (З. Тулуб); *Проте іноді Маковейчиків талант йому ж і шкодить* (О. Гончар). Лексичним наповненням давальний об'єкта уподібнюється

давальному адресата, здебільшого поширюючись, як і він, на назви осіб. Давальний об'єкта виконує функцію сильнокерованого другорядного члена речення. У рідких випадках він виступає в ролі факультативного еквівалента знахідного об'єктного (при дієсловах *повідомляти, сповіщати, докоряти* та под.) : *Мені дуже приємно і радісно сповістити вам ось що* (О. Довженко); *Про таку подію негайно мусять сповіщати посольство* (О. Гончар); *Перед тим докоряла йому мати – сам, мовляв, винуватий* (І. Цюпа); *Бондариха аж сама себе докоряти почала* (М. Стельмах) [4].

Переміщення у першу позицію правобічної дієслівної валентності спостерігається у давального відмінка об'єкта стану. На відміну від давального у функції об'єкта дії давальний у функції об'єкта стану залежить від дієслівних предикатів стану типу *вірити, довіряти, заздрити, симпатизувати*: – *Як собі, вірили йому товариші* (О. Гончар); *Нам заздрити будуть нащадки* (В. Сосюра). Взагалі дієслова, що керують давальним об'єкта, звичайно об'єднуються у дві семантичні групи – дієслова сприяння (*вірити, довіряти, симпатизувати, співчувати* та ін.) і дієслова несприяння (*заздрити* і под.). Функція об'єкта стану ґрунтується на семантико-синтаксичних ознаках субстанціальності, валентного зв'язку з предикатом стану, пасивності, фінальної спрямованості стану на предмет. Він виконує роль сильнокерованого придієслівного другорядного члена речення. Ядро іменникової лексики, яку охоплює давальний об'єкта стану, становлять звичайно назви осіб.

За І. Вихованцем, більше віддалення від первинної семантико-синтаксичної функції адресата дії притаманне давальному суб'єкта стану. Такий давальний переміщується із правобічної придієслівної позиції в лівобічну і певною мірою тяжіє до називного відмінка в суб'єктній функції, займаючи в суб'єктній синтаксичній парадигмі форм підпорядковане місце. Давальний суб'єкта стану корелює із семантико-синтаксичними ознаками субстанціальності, валентного зв'язку з предикатом стану, пасивності, спрямованості стану на предмет та з формально-синтаксичною ознакою центральності. Він перебуває в синонімічних відношеннях із називним суб'єкта стану, вказуючи на семантичний відмінок підпорядкованості, як правило, особи відповідному станові. Давальний суб'єкта стану являє собою необхідний компонент семантико-синтаксичної структури речення і використовується в односкладних із формально-синтаксичного погляду реченнях [4].

Характерну групу конструкцій із давальним суб'єкта стану складають конструкції, що є трансформами вихідних заперечних

речень з одно- двовалентними дієсловами стану або дії: *Я не сиджу → Мені не сидиться; Я не лежу → Мені не лежиться*. Заперечність дієслова (навіть із семантикою дії) у вихідному двоскладному реченні створює передумови для остаточного морфологічного закріплення значення стану в дієсловах, що виконують роль головного члена односкладних речень. Залежні від дієслова іменники вказують на людей, зрідка – на інших істот. Якщо зіставити називний суб'єкта дії і давальний суб'єкта, що ґрунтується на називному, то функцією суб'єкта дії називного пов'язана семантико-синтаксична ознака активності, а з функцією давального – трансформована з активності ознака деміактивності. Давальний суб'єкта стану функціонує також в односкладних реченнях, головний член яких виражений дієсловами *подобатися, таланити, фортунити, щастити, належати* та ін.: *Данькові, правда кажучи, вона теж подобалася, химериста оця Нонна, подобалась своїми вихватками, сміливістю та веселістю* (О. Гончар); *– Гм, пофортунило тобі, – вже заздрісно говорив Петро* (М. Стельмах); *Не кожному щастило бачити старого таким* (М. Томчиній). Названі дієслова утворюють перехідну групу між автономними і допоміжними дієсловами, нерідко супроводжуючи основні дієслова і надаючи їм різних модальних відтінків, пор.: *Мені пощастило → Мені пощастило слухати його спів; Їй поталанило → їй поталанило написати чудове оповідання*.

Усі формально-синтаксичні різновиди давального відмінка у функції суб'єкта стану вирізняються з-поміж інших первинною лівобічною придієслівною позицією. Давальний стоїть у центральній позиції і поєднаний з опорним дієсловом сильним підрядним зв'язком.

Семантико-синтаксичні функції адресата й об'єкта дії, об'єкта і суб'єкта стану реалізуються в зоні валентності предиката, що зумовлює вільніший або тісніший зв'язок з ним давального відмінка. Відхід від валентного контролю предикатом спричиняє послаблення або й усунення зв'язку відмінкової форми з опорними для неї словами та її периферійність. Функції поза валентністю предиката не типові для давального і будуються на деяких спільних і відмінних від первинної функції адресата основах. Такими функціями виступають вторинні функції призначення і належності [4, с. 116-120].

Розглянемо детальніше вторинні функції давального відмінка, як їх визначає І. Вихованець.

Давальний призначення відрізняється від давального адресатного, об'єктного і суб'єктного відсутністю валентного зв'язку з предикатом. Він ґрунтується на семантико-

синтаксичних ознаках послабленої субстанціальності, невалентного зв'язку з предикатом, пасивності і значною мірою нейтралізованої динамічної фінальності. Характерну рису його становить формально-синтаксична периферійність, підкріплювана слабким підрядним зв'язком і його формою – приляганням. Функція призначення містить у собі цільове обставинне значення з супровідним адресатним значенням, тобто належить до перехідних обставинно-адресатних функцій з перевагою обставинного значення. У зв'язку з перевагою обставинного значення у давального призначення розширюється коло можливих конструкцій з перехідними і неперехідними дієсловами, у яких він виконує роль обставинно-адресатного детермінанта, стосуючись валентної рамки дієслова в цілому. Напр.: *Я втрачав потроху любов і розпач, життя бриніло мені з долин...* (Ю. Яновський); *П'ятнадцять хвилин, п'ятнадцять днів, п'ятнадцять літ і зим, як прапор огняний зацвів трудівникам усім* (М. Рильський); *І від цього все йому тепер соломою пахне* (М. Стельмах). Давальний призначення утворюється в результаті об'єднання двох семантично елементарних речень в одне ускладнене. У ньому конденсуються семантика предиката призначатися, що зазнає редукації в результаті злиття двох вихідних конструкцій, власне-адресатне значення форми і приховані цільові відношення між двома семантично елементарними реченнями. Давальний призначення позначає особу, якій призначається зосереджена в предикативній дії або стану ситуація. Він споріднений із давальним адресата наявністю (точніше – дотичністю) спільної семантики, лексичним наповненням (переважно назви осіб) і відмінний від нього посиленням обставинно-цільового значення. Чітко розмежовані давальний призначення і давальний адресата формально-синтаксичними ознаками відповідно периферійності і напівпериферійності (не центральності-непериферійності), формою прилягання і напівсильного керування, формально-синтаксичною функцією детермінанта і прислівного керованого другорядного члена речення. Їх розрізнення закладено в семантико-синтаксичній природі дієслівних предикатів: давальний призначення не зумовлюється валентністю присудкового дієслова, репрезентуючи в реченні згорнутий, опорний для нього предикат призначатися, тоді як давальний адресата перебуває у валентній рамці обмеженого кола перехідних дієслів, займаючи валентно передбачуване предикатами спрямованої дії місце. Семантико-синтаксична мутація давального у функції призначення нерідко супроводжується відчутним нашаруванням відтінку обмеження [4].

На думку І. Вихованця, поза експліцитною предикатною валентністю перебуває й давальний адресатно-посесивний, який характеризується подвійною залежністю (від дієслова та іменника) і внаслідок цього – різноспрямованістю своєї семантики. Залежність від іменника породжує посесивне значення, залежність від дієслова – адресатне. У зв'язку із спрямованими на давальний відмінок «сполучувальними претензіями» двох частин мови він виражає посесивне значення цільової спрямованості. Дія спрямовується на предмет, що звичайно являє собою частини тіла, одяг, речі, які можна розглядати як предмети володіння чи власності. Сильна спрямованість дії (рідше стану) на предмет володіння втягує у свою орбіту і суб'єкт володіння, в результаті чого до посесивного значення приєднується цільове. Семантико-синтаксична валентність опорних дієслів не поширюється на давальний адресатно-посесивний, поєднання з ними виникає внаслідок перерозподілу залежностей під впливом придієслівного сильного підрядного зв'язку назв об'єкта володіння. Зв'язок давального з іменником-назвою об'єктів володіння підтримується прихованим (згорнутим) предикатом належності. Давальному адресатно-посесивності відповідають семантико-синтаксичні ознаки атрибутивної субстанціальності, невалентного зв'язку з лексично вираженим дієсловом, пасивності, спрямованості предикатів дії (або стану) на предмет. Безпосередній зв'язок об'єкта володіння з опорними дієсловами стає причиною опосередкованого підрядного зв'язку з ними суб'єкта володіння. Давальний адресатно-посесивності наділений формально-синтаксичною ознакою периферійності, подвійним зв'язком з опорними словами (іменником і дієсловом) і його формою – приляганням. Він функціонує як поєднаний подвійним підрядним зв'язком некерований другорядний член речення. Давальний адресатно-посесивності на відміну від інших різновидів давального відмінка одночасно залежить від дієслова і іменника, отже, умовою вживання конструкцій з ним є наявність дієслова і пов'язаного з давальним опорного іменника [2, с. 39; 1, с. 222-226, 228-232]. Напр.: *Далі мені маминою хусткою на два гудзики перев'язали шию* (М. Стельмах); *Краплі дощу, важкі та краплисті, падали мені на волосся, на блузку, за комір* (Ю. Яновський). Залежність давального від іменника, а не тільки від дієслова сигналізуються можливістю трансформації конструкцій з давальним адресатно-посесивним у синонімічні конструкції з родовим відмінком посесивним або посесивним прикметником як суто посесивними засобами вираження. Давальний відмінок у цих конструкціях вказує на істоту, переважно особу і, збігаючись із родовим і

прикметником у вираженні посесивності, вирізняється з-поміж останніх супровідним значенням цільової спрямованості на суб'єкт володіння [4].

Позбавлення подвійної залежності, закріплення за одним опорним членом речення і внаслідок цього майже повний перехід давального до посесивних засобів маємо в конструкціях з називним предикативним. У присудку виступає іменникова предикативна форма називного відмінка, від якого залежить давальний посесивний. Лексичне наповнення опорного для давального називного предикативного обмежується назвами осіб за ознаками спорідненості та свояцтва, носіїв людських якостей, професій та ін.: *Він мені родич; Ти мені друг*. Із семантико-синтаксичного погляду в подібних речення відбулися згортання предиката належності, набуття компонентом з вихідною функцією об'єкта володіння предикативної функції і поява безпосередньої залежності від присудка трансформованого з називного давального посесивного. Виникнення посесивної функції у відмінку підтверджується його перетворенням у синонімічний, суто посесивний засіб: *Я вам не помічник → Я не ваш помічник*. Не первинність посесивної функції давального пояснюється неядерністю розглядуваних конструкцій і значною валентністю його від первинної функції адресата дії. Давальний посесивний формується на основі семантико-синтаксичних ознак атрибутивної субстанціальності, не валентного зв'язку з лексично вираженим предикатом, пасивності і нейтралізованої динамічної фінальності, а також формально-синтаксичної ознаки периферійності. Він стоїть у позиції прислівного некерованого другорядного члена речення.

І. Вихованець зазначав, що у сучасній українській літературній мові давальному відмінкові притаманні обмежені можливості формально-синтаксичної ад'єктивної транспозиції. Давальний, який залежить від іменника, а отже, функціонує в ад'єктивній позиції, не набув великого поширення. Опорні іменники, що керують ним, звичайно співвідносять з дієсловами і зберігають попереднє дієслівне керування, напр.: *Він допомагає товаришеві → допомога товаришеві; Бабуся подякувала хлопчикові → подяка хлопчикові*. Іноді вихідне дієслівне керування знахідним відмінком змінюється в субстантивному словосполученні на іменникове керування давальним: *Ми славимо трударів → слава трударям*. Можливо, тут заміна очікуваного родового присубстантивного давальним спричинена відштовхуванням від омонімічного об'єктно-суб'єктного родового. У давального наявні незначні вкраплення типу приіменникового функціонування (при іменниках пам'ятник,

ціна, кінець, початок та ін.: пам'ятник Шевченкові, ціна успіхові, кінець ліношам, початок наступові), хоча й у них відчувається опосередкований вплив дієслівного керування, пор.: *Пам'ятник побудовано Шевченкові* → *пам'ятник Шевченкові*; *Почали наступ*, *Наступ почався* → *початок наступові*. Характерною ознакою давального присубстантивного є вихід за межі типового для нього поширення на назви істот. У присубстантивній позиції він може зближуватися з родовим відмінком і прикметниками як типовими присубстантивними засобами і виражати, наприклад, посесивну семантико-синтаксичну (у давального з відтінком цільового спрямування) функцію, пор. конструкції *пам'ятник Шевченкові* → *пам'ятник Шевченка* → *Шевченків пам'ятник*, що вказують на різний ступінь ад'єктивації залежного присубстантивного компонента.

ЛІТЕРАТУРА

1. Андерш И. Ф. Дательный принадлежности в современном русском и украинском литературных языках / Андерш И. Ф. // Сопоставительное исследование рус. и укр. языков. – К.: Наук. думка, 1975. – С. 222 – 238.
2. Андерш И. Ф. Семантична характеристика давального відмінка в СУМ // Андерш И. Ф. Укр. мова і літ. в шк. – 1974. – № 10. – С. 34 – 40.
3. Безпояско О.К., Городенська К.Г., Русанівський В.М. Граматика укр. мови : Морфологія // Безпояско О. К., Городенська К. Г., Русанівський В. М. – К.: Либідь, 1993. – 334 с.
4. Вихованець І. Р. Система відмінків української мови / Вихованець І. Р. – К.: Наук. думка, 1987. – 231 с.

АННОТАЦІЯ

Лешкова Н. В. Первичные и вторичные семантико- и формально-синтаксические функции дательного падежа

Дательный падеж в формально-синтаксическом случае располагается в приглагольной позиции, а также в производных от приглагольной присубстантивной и приадективной позициях. Именно поэтому глаголом определяется семантико-синтаксический потенциал дательного в падежной системе и его дифференциальные признаки.

Ключевые слова: дательный падеж, первичные и вторичные функции, глагол, глагольная позиция.

SUMMARY

Leshkova N. V. Primary and secondary semantic and formal-syntactic functions of the dative

The article highlights semantic and formal syntactic specifics of the dative case. Peculiarities of the preverb positions are singled out. The data obtained reveal the case potential related to the derived pre-substantive and pre-adjectival positions. It is the verb predominant role that exposes semantic-syntactic potential of the dative case and its differential features.

Key words: the dative case, primary and secondary functions, verb, verb position.

*И.В. Решетарова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'271:82-92

МЕДИАДИСКУРС: НОРМА И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Современный медиадискурс небезосновательно характеризуется усилением проявления языковой личности в тексте. Слово, как единица языковой картины мира человека, несет собеседнику не только информацию, но и личностную эмоционально-оценочную характеристику той или иной ситуации, ее социально-политическую и культурологическую нагрузку. Текст становится главным отображением языковой индивидуальности, так как процессы, происходящие в дискурсе, в значительной степени демократизируют язык и освобождают творческие ресурсы языковой личности. Язык СМИ, а особенно язык интернет-изданий и блогеров, сегодня стремится избавиться от давления устаревшей нормы, максимально сблизить литературную и нелитературную формы, что свидетельствует о рождении новой нормы, о социально-психологической эволюции языка.

Современная наука подходит к изучению феномена языковой игры с различных позиций – лингвистической, культурологической, коммуникативной, семиотической и др. Многообразие подходов к изучению данного явления обусловлено как комплексным характером самого явления, так и тем влиянием, которое некогда приобрели медиа-средства. Основываясь на своем богатом эмоционально-оценочном арсенале, СМИ образовали особую среду, функционирующую и развивающуюся по своим законам и обладающую специфическими механизмами воздействия на общество. Именно внутри данной дискурсивной среды и культивируется стойкий интерес к языковой игре.

В отечественном языкознании языковая игра получила научно обоснованное признание после публикации одноименной коллективной монографии Е.А. Земской, М.В. Китайгородской

и Н.Н. Розановой, хотя лингвистические явления, обозначаемые данным термином, имеют богатую историю изучения. Так, изучение теоретических основ языковой игры освещается в трудах: Ю.Д. Апресяна, Т.В. Булыгиной, Т.А. Гридиной, В.З. Санникова, К.С. Седовой, А.Д. Шмелевой и других.

Вышеобозначенная монография [2] Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой трактует искомый термин, как явление, когда «...говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)».

В более поздних исследованиях термин «языковая игра» получил более узкую трактовку: под ним стали понимать осознанное нарушение нормы. При таком подходе языковая игра противопоставляется языковой ошибке, которая возникает вследствие непреднамеренного нарушения нормы. При кажущейся очевидности и логичности такого противопоставления в языковой ситуации не всегда просто провести грань между ошибкой и игрой. Так, в лингвистических исследованиях последних десятилетий XX в. все настойчивее зазвучала мысль о том, что отношение «норма – ошибка» должно сменить отношение «норма – другая норма». При этом, под «другими нормами» следует понимать [4] стилистическую и ситуативную, то есть контекстную нормы. Таким образом, вопрос о нормативности употребления лексической единицы уходит из поля кодификации, а понимание правильного – неправильного переходит в уровень уместного – неуместного. Тезис «правильно все то, что целесообразно, уместно» определяет реальность коммуникативной или ситуативно-обусловленной нормы» [4]. Проблема нормативности представляется довольно острой и щепетильной проблемой, изучаемой в рамках культуры речи – раздела лингвистики, изучающего речевую жизнь общества и устанавливающего на научной основе правила пользования языком как основным средством общения людей, орудием формирования и выражения мыслей.

Бесомый вклад в становление культуры речи как науки в середине XX в. внесли В.И. Чернышев, В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов и другие советские исследователи. Самостоятельной дисциплиной культура речи становится в 70-е гг. XX в., когда она формирует свой предмет и объект, свои цели и задачи, методику и приемы исследования материала.

Научные студии ученых, специализирующихся на культуре речи, в целом направлены на создание позитивной программы лингвистического воспитания, выработку языкового чутья, умения наилучшим способом пользоваться языком, его выразительными средствами в соответствии с речевыми задачами и законами функционирования языка в обществе. Именно культура речи должна занимать центральное место в подготовке специалистов-словесников, будь то журналисты, учителя или переводчики.

С точки зрения составителей словаря лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [5], норма – это языковые варианты, ставшие самыми распространенными из всех существующих, закрепившиеся в практике образцового употребления и лучше других выполняющие свою функцию.

Обзор соответствующей литературы наводит на мысль, что исследователи наделяют понятие нормы таким разнообразно широким наполнением, что ни одно определение не способно отразить все характеристики нормативности и порядок функционирования языковых средств в речи. Соответственно, достаточно логичным представляется рассматривать норму как алгоритмы языковых реализаций конкретного материала, заполняющего эти реализации. Этот материал, следовательно, уместно называть совокупностью или, скажем, системой нормативного или нормального употребления.

Таким образом, норма – это свод правил реализации системы языка, система таких правил. И такая система не может быть полностью изолирована от условий существования языка. Норма зависима от внешней ситуации, экстралингвистических факторов. И, коль скоро норма – это лингвистические правила использования лингвистического материала, она не может противопоставляться языку. Соответственно, норма входит в состав языка и представляет собой «зону карантина», которая фильтрует связи языка с экстралингвистическими ситуациями. Норма регламентирует (и обеспечивает несколько ограниченный выбор) употребление элементов, структур, моделей системы соответственно конкретным речевым актам в зависимости от конкретных (типичных) ситуаций.

Необходимо также помнить о так называемой кодифицированной норме – норме, существующей в сознании носителей языка. Кодификация – это фиксация языковой нормы, объективно существующей в виде правил в авторитетном лингвистическом издании (уровня словаря или учебника по грамматике) и адресована всем членам языкового сообщества [1]. Перефразируя Эухению Косериу, резюмируем: система – это

то, что *можно* говорить; норма – то, что *следует* говорить, в то время как речь – то, *что и как говорится в действительности*. Таким образом, становится очевидной существование еще одной прослойки между нормой и конкретным речевым актом. Лингвисты определяют эту прослойку как узус. Значит, узус – это разница между *следует говорить* и *говорится на самом деле*. В то же время словарь лингвистических терминов [5] определяет узус как принятое носителями определенного языка употребление устойчивых оборотов, форм, конструкций и др.

Систему и норму объединяет их принадлежность к языку, узус и собственно речь – их принадлежность к речи, норму и узус – их «нормальность». Узус, вероятно, следует понимать как подсознательную, не кодифицированную норму.

Вышеизложенное доказывает двойственность характера языковой нормы: она одновременно является лингвистической и социальной категорией. Социальность нормы подтверждается еще и тем фактом, что именно она оценивает речевые факты как нормативные или ненормативные. Аналогичные выводы были сделаны Н.Н. Пилинским [3] в работе «Языковая норма и стиль».

С самого детства человеку транслируют правила речевого поведения: дома – родители, в школе – учителя. Однако, существуют данные исследований американских ученых, которые утверждают, что 5% рабочего и 10% свободного времени люди ругаются. Кроме того, некоторые антропологи уверены, что именно ругательства были первыми словами древнего человека, мотивируя это тем, что пещерный человек перестал хвататься за дубинку по любому поводу, как только научился ругаться, чем и обеспечил себе выживание.

Не нужно быть ни антропологом, ни психологом, чтобы понимать, что на современном этапе развития нашего общества у человека никак не меньше поводов для употребления бранной лексики, чем у его далекого предка. Однако, важно понимать, что полезно именно «спускать пар», освобождаясь таким образом от негативных эмоций, что совершенно не означает ругаться напропалую, густо перемежая свою речь бранными словами. Главное – отреагировать на стресс или оскорбление максимально эмоциональным образом. В бытовой ситуации для разрядки человеку иногда достаточно просто покричать – даже без слов. Журналисту же, транслирующему сгустки эмоций в газете или интернет-издании, блогеру, ведущему популярную страницу, приходится придумывать, чем заменить этот «крик». В ход идут разнообразные средства, например

ненормативное использование прописной буквы, омонимы, паронимы, аббревиация, нарушение орфографических норм (вернее привычного образа узуального слова) наконец.

Слова, используемые вместо грубых и неуместных, принято называть эвфемизмами. Их природа, соответственно, традиционно описывается как замещающая или маскирующая. С одной точки зрения, эвфемизмы отшелушивают нецензурные выражения и всевозможные «непечатные» речевые образы, с другой – привносят разнообразие в арсенал бранной лексики. Ведь на каждое «непечатное» выражение найдется до десятка эвфемизмов. И это только через словарь. А ведь между *можно говорить* и *говорится на самом деле* огромное расстояние, заполненное индивидуально-авторским словообразованием блогеров и журналистов.

Чем бы ни объяснялись причины огромной популярности языковой игры в медиадискурсе, сколь громкими ни были бы призывы специалистов очистить СМИ от «акустического мусора», возможно, все же не стоит бороться с таким надежным способом снятия напряжения, как хлесткое словцо, особенно, если оно способно предотвратить физическое насилие в любом его проявлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы / В. А. Ицкович. – М. : Наука, 1982. – С. 11.
2. Земская Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь : Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М. : Наука, 1983. – С. 172-213.
3. Пилинский М. М. Мовна норма і стиль / М. М. Пилинський. – К., 1976. – С. 9.
4. Современный русский язык : коммуникативно-функциональный аспект // Учебное пособие. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 5.
5. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Мир и Образование, 2003. – С. 237, 571.

АННОТАЦИЯ

Решетарова И. В. Медиадискурс: норма и языковая игра

В статье анализируются предпосылки популярности игры слов в журналистской среде, соотношение нормы и игры слов, а также предпринята попытка «оправдать» сквернословие в медиадискурсе.

Ключевые слова: игра слов, медиадискурс, норма, эвфемизм, сквернословие.

SUMMARY

Reshetarova I. V. Mass Media: the Norm and the Linguistic Play on Words

The article speculates on the factors that make the linguistic play on words so popular among the journalists. It tries to put a word in for abusive language usage in the modern media discourse. The correlation between the linguistic play on words and the norm in media texts is also analyzed.

Key words: linguistic play on words, media discourse, norm, euphemism, abusive language.

*И.В. Розова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 801.6; 802.085

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XX СТОЛЕТИЯ)

Концептуальная система автора-сатирика, получая вербальное выражение, участвует в процессе порождения текста, когда из какого-либо внутреннего замысла происходит развертка в высказывание, т.е. создается *«определенная система концептуально-ценностных ориентиров, определяющих выбор конкретных языковых средств, служащих кодом при передаче концептов посредством текстового сообщения»* [5, с. 37]. Таким образом, с помощью своей системы автор влияет на адресата в процессе коммуникации, о которой Ю.Лотман говорит как о переводе текста с языка моего «я» на язык твоего «ты». Возможность такого перевода обусловлена тем, что коды обоих участников коммуникации, хотя и не тождественны, но образуют пересекающиеся множества [3, с. 3], что сочетается с замечанием Т. ван Дейка о том, что *«успешная вербальная коммуникация возможна, если только пользователи языка обладают общими значениями-“знаниями”»* [2, с. 17].

Обязательность функционально-коммуникативного подхода к изучению явлений стиля отражает общее представление о том, что употребление – это языковая прагматика. Заимствованный

из психолингвистики термин «установка» в настоящей статье приобретает значение направленности сатирического текста, его роли в коммуникации с точки зрения адресата. Установка является основой творческой активности художника. Предпосылкой создания установки являются мотив и потребность художника выразить в своем творении эмоциональный мир, систему ценностей, свое художественное мировосприятие, т.е. «самовыразиться».

Категория авторской модальности реализует следующие прагматические установки сатирической направленности: на выражение субъективно-оценочного отношения к изображаемому или авторское самовыражение; на создание морально-этического настроя повествования; на ценностную ориентацию читателя.

Прагматическая установка на выражение авторского субъективно-оценочного отношения к изображаемому или его самовыражение предполагает направленность языковых средств на сообщение воспринимающему авторского оценочного представления о предмете изображения, на выражение его личностной позиции, субъективного мировосприятия. Главным положительным образом сатирического произведения служит сам автор, судящий о людях, явлениях с определенной субъективной позиции, именно с этой позиции разоблачает и осмеивает их. Мировоззрение сатирика – *«та ситуация, которую он хочет изобразить с помощью определенных элементов, персонажей, которые хоть и не тождественны автору, но в некоторой степени содержат его в себе»* [4, с. 395].

Прагматическая установка на создание морально-этического настроя повествования определяет такую организацию языковых модальных средств, которая ориентирована на психологию воспринимающего и обусловлена нравственным отношением художника к изображаемому [7, с. 178]. Смысл данной прагматической установки в сатирическом тексте – направить поведение в безопасное русло, дать ценные указания, ориентиры и рекомендации.

Прагматическая установка на ценностную ориентацию читателя предполагает ориентированность языковых модальных средств на вызов творческих устремлений читателя. Ценностная ориентация – важнейший фактор, детерминирующий мотивацию личности. Для получения чувства морального удовлетворения и для того, чтобы претендовать на определенный (престижный) социальный статус, реципиенту необходимо декодировать имплицитно заложенную в сатирическом тексте информацию, обнаружив противоречие, лежащее в основе сатирического эффекта.

Материальной формой выражения прагматической установки является текст, а основным ее «проводником» – своеобразное использование языковых и стилистических средств языка. Автор-сатирик сознательно выбирает языковые средства, стремясь к тому, чтобы придать своим высказываниям наилучшее языковое выражение, т.е. ищет те стилистические формы, которые верно, эффективно и эстетически удовлетворительно передают содержание и с наибольшей силой и глубиной доносят до адресата основную идею и прагматическую установку адресата.

В данной статье остановимся на тех стилистических приемах, которые характеризуются полифункциональностью, обладают широким диапазоном смысловых возможностей и соответствуют синергетическим принципам самоорганизации мира – т.е. принципу перемен (метаморфоз) и принципу цикличности (рекурсии) [1, с. 165]. С их помощью автор привлекает внимание читателя, активизирует его, кроме того, создавая определенный образ персонажа, стремится подготовить читателя к адекватному восприятию всего сатирического текста.

Рассмотрим, как в смысловой структуре каждого стилистического приема авторской модальности отражается один из концептов – концепт отрицательной этической оценки.

Являясь самостоятельным элементом концептуальной системы автора-сатирика, построенной иерархично, в соответствии с уровнями абстракции, концепт отрицательной оценки входит в более сложное когнитивное образование, т.е. макроконцепт этической оценки, который в свою очередь состоит из ряда следующих систем: *системы концептов класса А* (порочные виды занятий, удовлетворение корыстных потребностей, аморальное социально-коммуникативное поведение), *системы концептов класса В* (безнравственные теории жизни, отсутствие моральных принципов), *системы концептов класса С* (порочные режимы жизни). Концепты отрицательной этической оценки подобны строительным блокам, из которых человек строит свой дом. Концепты хотя и имеют материальное основание, носят идеальный характер: это абстракции довольно высокого уровня и значительной степени обобщенности, являющиеся результатом отражения действительности в сознании человека, т.е. *«именуется, собственно, не столько сама вещь или явление, сколько концепт, созданный человеком по поводу этой вещи, в связи с ней»* [3, с. 7].

Макроконцепт этической оценки является решающим фактором возможности объединения отдельных стилистических приемов авторской модальности в определенную аксиологическую модальную систему. В рамках концептуального

пространства данной модальной системы реализуются следующие стилистические приемы авторской модальности: лексический повтор, грамматические видоизменения, цитации, смешение стилей речи. Остановимся на рассмотрении потенциальных возможностей стилистических приемов авторской модальности.

Лексический повтор, реализуемый на уровне сцепленных отрезков текста (мегаконтекста), целенаправленно используется автором-сатириком с целью всесторонней характеристики референта (референтов), а также является эффективным средством раскрытия темы, основной идеи произведения, например:

‘Gentlemen’, said Lord Copper at last, ‘in giving you the toast of Boot, I give the toast of the Future...

The Future... a calm and vinous optimism possessed the banquet.

A Future for Lord Copper that was full to surfeit things no sane man seriously coveted of long years of uninterupte oratory at other banquets in other countries; of yearly prodigious payments of super tax crowned at their final end...

A Future for me Salter as an art editor of home knitting; punctual domestic dinners; Sunday at home among the pavements. A Future – for Sir John Boot with the cropped amazons of Antarctic. A Future – for me Stitch heaped with the spoils of every continent and every century, gad-sets from New York and Bronzes from the Aegean, new entress and old friends.

A Future for Corker and Pigge; they had traveled six hundred miles by now and were nearing the Sudanese frontier. Soon they will by kindly received by a District commissioner washed and revictualled and sent on their home.

A Future for kitchen she was sitting at the moment, in the second class saloon of a ship found for Madagascar, writing a letter.

A Future for William.

... the wagons lumber in the lane under their golden glory of harvested sheaves, he wrote; maternal rodents pilot their furry brood thought the stubble; ... He laid down his pen, Lush places need not be finished until tomorrow evening [10, p. 220-221].

В анализируемом мегаконтексте (эпилог романа “**Scoop**”) лексическая единица *Future* повторяется десять раз. Речь Лорда Коппера заканчивается высказыванием “*at last giving you the toast of Boot, I give the toast of the Future*”, которое имеет выраженный проспективный характер, указывая на основную тему последующего мегаконтекста. Сочетание существительного *Future* с определенным артиклем, являясь средством создания стилистического эффекта сопричастности, вовлекает читателя в описываемые события. В сочетании с

неопределенным артиклем лексическая единица определяет сатирический тон каждого сегмента мегаконтекста и всего текста в целом. По мере разворачивания текста происходит постепенное накопление количественной информации, что приводит к качественно новому образованию, т.е. лексическая единица *Future*, обладающая нейтральным эмоционально-оценочным компонентом лексического значения, при повторе постепенно меняет семантику на отрицательную.

При скользящем повторе (повторе по отношению к разным денотатам) в различных контекстах существительное *Future* объединяется одной смысловой доминантой, одной общей архисемой со смыслом «ханжество», «притворство», «лицемерие». Данная архисема – результат сложных, многогранных ассоциаций, появляющихся в процессе сближения эксплицитного содержания различных сегментов мегаконтекста. Стилистический прием лексического повтора осуществляет ассоциативную когезию, которая способствует возникновению авторской субъективно-оценочной подтекстовой модальности: мол, будущее названных персонажей произведения достойно сожаления, так как неотделимо от лицемерия, угодничества, притворства.

В речи персонажей сатирических текстов имеет место стилизация грамматических ошибок, просторечных форм или неправильностей, связанных с невлаждением в полной мере английским языком (как из-за недостаточной образованности, так и из-за национальной принадлежности героя), например:

Where's that manageress? asked Corker. No come.

What d'you mean 'no come'? Manageress say only journalist him go boil himself.

What did I tell you? No respect for the press. Savages [8, p. 127].

В данном примере грамматические видоизменения (т.е. ошибки) *no come, say, journalist him go boil himself*, связанные с невлаждением в полной мере английским языком как из-за национальной принадлежности, так и вследствие низкого образовательного уровня, являются формальными знаками имплицитной авторской модальности, т.е. автор скептически относится к необразованности молодежи в стране, претендующей на почетное звание прогрессивной.

Грамматические видоизменения в речи персонажа относятся к разряду планируемых автором и обязательных для восприятия читателем способов выражения скрытой концептуально-модальной информации текста, поскольку в этом случае имеет место использование специально отобранных видоизмененных единиц.

Стилистическая особенность цитаций состоит в том, что цитация совмещает два значения: первичное значение, т.е. то, которое она имеет в собственном окружении, и аппликативное значение, т.е. то, которое она обретает в новом контексте, например:

‘Even supposing there is oil in Ishmaelia, said administrator, resuming the conversation which had occupied him ever since, on the first night of the voyage, William had disclosed his destination, “how are you going to get out?”

‘But I have no interest in commerce. I am going to report the war’.

‘War is all commerce” [10, p. 49].

В приведенном примере лексическая единица *commerce* переходит из одного контекста в другой. Происходит семантическая инверсия с переменной семантического подчинения: прямое значение лексической единицы, имеющееся в виду первым участником речевого акта (*trade, the exchange and distribution of goods*), отступает на второй план в новом контексте (втором высказывании). Во втором высказывании формируется и выдвигается на первый план новое значение лексической единицы, противоположное прямому – «проводимая политика». В новом контексте формируется авторская модальность, т.е. автор высказывания имплицитно выражает свое презрительное отношение к войне как уродливо-негативному явлению.

Вкрапление элементов «интеллективного» – термин М.С. Чаковской [6, с. 35], т.е. информативного сообщения в ткань сатирического текста, также служит средством выражения авторской модальности, например:

“The Problem of Architecture as I see it; he told a journalist who had come to report on the progress of his surprising creation of ferro-concrete and aluminium, ‘is the problem of all art – the elimination of the human element from the consideration of form. The only perfect building must be the factory, because that is built to house machines, not men. I do not think it is possible for domestic architecture to be beautiful, but I am doing my best. All it comes from man, he said gloomily; please tell your readers that. Man is never beautiful; he is never happy except when he becomes the channel for the distribution of mechanical forces [9, p. 123].

Намеренное введение книжной лексики (*the elimination of the human element from the consideration of form*), метафоры (*the channel for the distribution of mechanical forces*) в данное сверхфразовое единство придает яркий сатирический характер всему высказыванию. Несовпадение стиля высказывания и его контекста создает предпосылку для воплощения подтекстовой авторской субъективно-оценочной модальности отрицательного

характера. Именно стиль высказывания раскрывает противоречие между его поверхностным и глубинным содержанием. Выраженное в изящной форме сожаление псевдоученого Отто Силенуса о невозможности строительства эстетически-привлекательного жилья для человека противоречит его глубоко-отрицательному подлинному отношению к строительству для человека вообще. Стиль речи Отто Силенуса не соответствует стилю речи специалиста-архитектора, что ставит перед читателем вопрос: может ли высказывать свою точку зрения на подобные вещи человек, далеко не компетентный в вопросах архитектуры.

Таким образом, при сатирическом смешении стилей речи происходит деформация старого кода повествования (он перекраивается, перераспределяются некоторые элементы, составляющие его структуру), т.е. старый код приспособляется к выполнению нового коммуникативного задания.

В результате проведенного исследования необходимо отметить тот факт, что коммуникативная интенция автора-сатирика предопределяет использование определенных стилистических приемов реализации авторской модальности. Кроме того, можно констатировать тот факт, что данным стилистическим приемам присущи следующие функциональные характеристики, а именно: тенденция к имплицитности, способность к приращению смысла, структурное единство и глобальная связность, цикличность и, наконец, тенденция к компрессии информации. С помощью данных приемов автор организует всю информацию, поступающую к нему из внешнего мира, классифицирует и обобщает явления действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознюк О. В., Тимченко С. Л. Синергетичні виміри художньої реальності // Вісник Житомирського педагогічного університету. – 2004. – Вип. 15. – С. 101-103.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 2000. – 308 с.
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
4. Прието А. Семиотика : Антология / Сост. Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 702 с.
5. Сошальский А. А. Взаимодействие экстра- и интралингвистических факторов в процессе реализации категории информации текста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 14 с.

6. Чаковская М. С. Текст как сообщение и воздействие (на материале английского языка). – М. : Высш. шк., 1986. – 167 с.
7. Янко Т. Е., Рябцева Н. К. Логический анализ языка : Языки этики. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
8. Waugh E. Black Mischief. – Harmondsworth : Penguin Books, 1997. – 238 p.
9. Waugh E. Decline and Fall. – L. : David Campbell Publishers Ltd, 1993. – 186 p.
10. Waugh E. Scoop. A Novel about Journalists. – Harmondsworth : Penguin Books, 1978. – 222 p.

АННОТАЦИЯ

Розова И. В. Особенности функционирования отдельных стилистических приемов выражения авторской модальности текста (на материале английской сатирической прозы XX столетия)

В статье рассматриваются полифункциональные стилистические приемы выражения авторской модальности. Макроконцепт отрицательной этической оценки объединяет данные приемы в определенную аксиологическую модальную систему. В рамках концептуального пространства исследуемой модальной системы реализуются следующие стилистические приемы авторской модальности: лексический повтор, грамматические видоизменения, цитации и смешение стилей речи.

Ключевые слова: прагматическая установка, отрицательная этическая оценка, модальная система, макроконцепт отрицательной этической оценки, авторская модальность, стилистические приемы авторской модальности.

SUMMARY

Rozova I. V. The functioning peculiarities of potential stylistic devices in the space of author's text modality expression

The certain polyfunctional stylistic devices of author's modality expression are being focused upon in this article. The macro concept of a negative ethical value unites the potential axiological means into some definite modal system. In the frame of a conceptual space modal system the following author's modality devices are realized: lexical repetitions, stylistic confusions, quotations and grammatical deviations.

Key words: pragmatic setting, negative ethical value, modal system, macro concept of a negative ethical value, author's modality, stylistic devices of author's modality.

УДК 81'25:81'373.46

КЛАССИФИКАЦИЯ ВОЗМОЖНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ИНДИВИДА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Перевод с одного языка на другой является сложной и многоаспектной деятельностью, которая, так или иначе, не может происходить в рамках абсолютного и однозначно трактуемого соответствия между оригиналом и полученным переводом. Так как язык является внутренне обусловленной логически построенной знаковой системой, всякий перевод является, в сущности, попыткой передать схожее содержание за счет средств другой знаково-логической системы, а не просто подбором абсолютных соответствий, которые в большинстве случаев не могут существовать априори.

Такая сфера, как система обеспечения безопасности индивида в пространстве современного города, предусматривает еще более специфические подходы к правилам перевода. Дело в том, что помимо сугубо лингвистического соответствия, здесь важно соблюдать также и правильное вписывание в уже существующие инфраструктурные возможности, которые существуют в том или ином случае.

Вопрос неточностей и ошибок при переводе имеет довольно длительную историю изучения. Однако, на самом деле, данная проблема в области общей теории перевода остается не вполне разработанной и предполагает дальнейшие исследования.

Первоначально необходимо дать определение переводческой ошибки непосредственно в применении к затронутой нами тематике. Прежде всего, из самой сущности переводческой деятельности проистекает понимание ошибки как неадекватной передачи семантики оригинального сообщения. Однако в сфере обеспечения безопасности человека в пространстве современного города к этому добавляется еще один момент. Ошибочной может быть вполне адекватная передача семантики, если она неправильно вписана в уже существующую инфраструктуру информационного обеспечения и в этом контексте провоцирует такие модели поведения индивидов, которые стоит считать потенциально опасными и неприемлемыми.

Исходя из последнего требования, адекватный перевод предполагает не только внимание к семантике оригинальной среды, из которой производится перенесение информационного фрагмента, но и глубокое изучение системы-реципиента, всех контекстуальных тонкостей и игры смыслов, сопровождающих переход информационного объекта из одной среды в другую среду. При этом внимание стоит уделять как общим культурным особенностям, так и просто конкретным, сугубо эмпирическим данным, в некоторых случаях полагаясь просто на здравый смысл.

По мнению Н. К. Гарбовского, «недостаточная образованность переводчика» [1, с. 514] является основным фактором возникновения переводческой ошибки. При этом под «образованностью» понимается не только и не столько знание языка, сколько общая совокупность компетенций, позволяющие произвести качественный перевод.

Этот исследователь выделяет четыре типа переводческих ошибок, в основе которых лежит:

- 1) недостаточное владение языком оригинала;
- 2) недостаточный когнитивный опыт, т. е. недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности;
- 3) невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в тексте, т. е. непонимание того, что автор говорит о предмете;
- 4) неумение различать особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения.

Как видим, исходя из вышеуказанной схемы факторов, которые вызывают появление переводческих ошибок, в затрагиваемой нами тематической области особое значение имеют недостаточный когнитивный опыт и невнимательность по отношению к системе смыслов, которые существуют в той или иной урбанистической среде и обуславливают возможности и потребности элементов информационного обеспечения.

В целом, сталкиваясь с проблемой оценки качества перевода, в большинстве случаев отдается предпочтение прагматическому аспекту над формально языковым содержательным компонентом. Однако понимание прагматического качества перевода сталкивается с отсутствием единообразных критериев понимания задач переводческой деятельности, с различным подходом в оценке допустимости семантических неточностей.

При этом важно разграничивать несовпадения и непосредственно ошибки. Несовпадения закономерны при сопоставлении информационного контента, выраженного в различных знаково-логических системах, которыми и являются

культурно-языковые среды. Ошибки же представляют собой заведомые и недопустимые искажения первичной семантики оригинала.

Проблемой различия ошибки и несовпадения в общей теории переводов посвящены труды Р. К. Миньяр-Белоручева, разработавшего подробную теорию «несовпадений». Под несовпадением в данном случае понимается «некоторое количество не переданной или добавленной информации, вычленяемой в виде либо непереведенного речевого отрезка в исходном тексте, либо добавленного речевого отрезка в переводном тексте» [2, с. 131-132].

Несовпадения в сфере обеспечения безопасности индивида в городе не являются критичными до тех пор, пока диктуемая цельным информационным контекстом форма поведения не противоречит нормам безопасности. В данной специфической области аспект функциональной значимости безусловно доминирует над формально-лингвистическими деталями.

Нередко может сложиться ситуация, когда перевод, идеальный с точки зрения передачи изначальной семантики и стилистических особенностей оригинала, будет совсем не подходящим с прагматической точки зрения по той простой причине, что в результате культурных особенностей изначальная семантика не будет способствовать формированию наиболее безопасной для того или иного случая модели поведения. В подобных ситуациях ошибками можно считать только такие отклонения от изначальной семантики информационного контента, которые приводят к неадекватному восприятию реальности.

Однако стилистические детали, хотя и имеют в данной сфере сниженное значение, тем не менее, крайне важны. При переводе художественного произведения на первом месте стоит задача максимально передать в неизменном виде то, что задумывал автор текста, при этом сделать это в форме, максимально доступной для субъекта восприятия.

В сфере же информационного обеспечения безопасности в урбанистическом пространстве современного города фундаментальная задача переводчика иная. Здесь важно ознакомиться с семантикой оригинала, помня при этом, что общий концепт среды-реципиента доминирует над ней, так как именно на этом уровне и происходит формирование целостной системы безопасности.

Как мы видим, с прагматической точки зрения понимание переводческой ошибки зависит от того, в какой конкретно области данный перевод осуществляется. Составление единообразных критериев для допустимых несовпадений при этом нельзя считать

целесообразным, так как в каждой специфической области требования будут существенно различаться. Несмотря на это, практически все ошибки могут быть разделены по факторам их возникновения и по их непосредственным характеристикам.

По факторам возникновения ошибки могут иметь следующие особенности:

1) ошибки, возникающие в результате недостаточной лингвистической компетенций переводчика. Такие ошибки наиболее легко обнаружить и не сложно устранить, так как существует нормативный, неоспоримый узус, на который можно опереться при проверке текста.

Так, улица 50 лет ВЛКСМ, во Владивостоке в рамках подготовки к саммиту АТЭС превратилась в «Pyat'desyat let VLKSM Str.», где нарекания вызвало даже сокращенное слово «Str.», ведь во всем мире принято обозначение «St.».

2) ошибки, обусловленные спецификой самой языковой системы.

В городе Сочи, который в 2014 году принимал зимнюю Олимпиаду, перевод указателей также содержит ошибки. Так, все продуктовые магазины, которые нужно переводить как «grocery», имеют над собой табличку «products», что подразумевает приобретение в них абсолютно любых товаров, в том числе и бытовую химию.

3) ошибки, обусловленные недостаточным знанием специфики культурной среды или непосредственной тематической области.

Например, на надписи к указательному знаку, ведущему на улицу Горьковского шоссе в городе Казань, слово «шоссе», которое представляет собой не более, чем часть названия улицы, дословно перевели в «highway». В представлении типичного иностранца «highway» – это многополосная скоростная трасса, которая находится всегда за пределами города. А в Казани Горьковское шоссе – это обычная улица, которая ведет к поселку Залесный.

4) ошибки сугубо технического характера, возникающие вследствие случайности или невнимательности.

Например, название «Клиника им. Пирогова» в Санкт-Петербурге перевели как «Clinic them. Pirogov». Очевидно, что вместо квалифицированных специалистов здесь работала примитивная компьютерная программа, которая распознала «им.» не как сокращение от «имени», а как форму дательного падежа от местоимения «они» и сделала соответствующий перевод. Местоимение «them» в английском языке можно перевести как «им» и «их». В данном случае, конечно, по смыслу

подходит только «их». Иностранец видит указатель и читает: «Клиника их Пирогова».

Или, к примеру, в городе Астана, в Казахстане, который с уверенностью можно назвать примером мультикультурализма и развития глобальных связей на постсоветском пространстве, сейчас повсеместно встречаются информационные таблички с орфографическими ошибками надписей на английском – «Smoking» вместо «Smoking» и «Puch» вместо «Push».

По непосредственным характеристикам ошибки разделяются на:

- 1) упущения части семантики первоначального текста;
- 2) дополнения, которые отсутствуют в первоначальном тексте и не служат лучшему пониманию оригинала;
- 3) искажения первоначального текста (неадекватная подмена информации);
- 4) неправильное использование контекстуальной значимости.

Эти характеристики переводческих ошибок являются универсальными. Они могут быть применены к любому направлению и любой тематике. Естественно, что иногда специфика придает дополнительную значимость тем критериям, которые можно игнорировать в других случаях.

В определенной мере ошибкой можно считать также и тот момент, когда ради семантической точности игнорируют функциональность информационного обеспечения, в результате чего происходит снижение эффективности восприятия. Для сферы информационного обеспечения безопасности это имеет особую значимость.

Естественно, что помимо прочего, ошибки переводчика должны классифицироваться по степени их «грубости». В затрагиваемой нами тематической сфере такая классификация особенно важна. В таком случае ошибки перевода информационного контента структуры обеспечения безопасности можно условно разделить на следующие виды:

1. Недопустимые. Чаще всего это ошибки, представляющие собой грубое искажение содержания оригинала. Такие ошибки приводят к тому, что перевод указывает на абсолютно иную ситуацию и фактически дезинформирует того, кто принимает решение и наталкивает его на неправильную модель поведения прямым указанием, однозначно трактуемым.

Так, например, ошибочный перевод с китайского на английский призывает «Садитесь за руль в нетрезвом состоянии» (Do drunken driving), а дорожный знак, установленный в Уэльсе и написанный на двух языках, предписывает англоговорящим пешеходам посмотреть направо, а пешеходам, говорящим на валлийском – налево.

2. Потенциально опасные. Ошибки, которые вызывают возможное опасное поведение в случае их возможной неоднозначной трактовки, либо тогда, когда восприятие усложнено из-за общего контекстуального окружения.

Так, англоговорящих туристов в преддверии Олимпиады 2008 в Китае порядком озадачило объявление следующего содержания: «Позаботьтесь о вашей безопасности, скользкие поверхности очень коварны». Оказывается, целью данного объявления было всего лишь предупредить людей о том, что мостовая очень скользкая. А в в Кейп-Тауне (ЮАР) прохожих долгое время сбивал с толку знак «Проходить запрещено» (No walking), хотя имелось в виду «Уличная торговля запрещена» (No hawking).

3. Не опасные, но искажающие семантику первоначального сообщения. Такие ошибки, при которых у воспринимающего индивида однозначно формируется правильная и безопасная модель поведения, хотя семантика оригинала воспроизведена не полностью, либо частично искажена.

Так, в Казани, на англоязычных указателях лексема «street» стоит до названия самой улицы.

4. Неточности. Обычно это нарушения обязательных норм языка перевода, не влияющие на эквивалентность перевода, но свидетельствующие о недостаточном владении данным языком или о неумении преодолеть влияние языка оригинала.

Так, в Смоленске крайне неудачен перевод «Сквера памяти Героев». На указателе он значится как «Square to the memory of Heroes», и только в одной этой надписи можно найти сразу несколько ошибок. Во-первых, на указателях все полнзначные слова принято писать с большой буквы. Во-вторых, здесь употребляется неверный предлог: вместо «to» по правилам должен быть «of», но, очевидно, его заменили для благозвучности, чтобы избежать повторения. И, наконец: слово «square» в этом случае приравнивается к русскому «сквер», но это неправильно! «Square» в Англии называли площади квадратной формы; если же очертания площади напоминали круг, ее называли «circular», а если она имела неопределенную форму, то использовали термин «place». Как видим, к скверу в современном понимании этого слова «square» не имеет никакого отношения, тем более что и по форме Сквер памяти Героев под данное определение не подходит. Правильней было бы перевести его название как «Memorial Alley».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лингвистическая информация в сфере безопасности урбанистического пространства не существует в виде отдельно вынесенного текста, а всегда увязана с объектами

инфраструктуры, которые сами по себе несут определенный информационный потенциал. Это и создает такую значимую в данном случае проблему гармонизации привнесенных элементов с уже существующей системой, с общим контекстом ситуации. Именно поэтому в данной области особое значение имеют когнитивный опыт и внимательность по отношению к передаче смысла того или иного информационного посыла. Иначе говоря, сталкиваясь с проблемой оценки качества перевода, в большинстве случаев отдается предпочтение прагматическому аспекту над формально языковым содержательным компонентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М. : Академия, 2004. – 544 с.
2. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М. : Московский лицей, 1996. – 208 с.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В., Рочняк А. В. Классификация возможных переводческих ошибок в сфере обеспечения безопасности индивида в пространстве современного города

В статье приводятся различные виды классификаций ошибок, появление которых возможно при переводе информации, обеспечивающей безопасность индивида в урбанистическом пространстве. Особое внимание обращается на прагматическую сторону перевода. Непосредственно ошибкой признаются только такие отклонения от изначальной семантики, которые приводят к неадекватному восприятию реальности.

Ключевые слова: переводческая ошибка, несоответствие, урбанистическое пространство, обеспечение безопасности.

SUMMARY

Rochnjak E. V., Rochnjak A. V. Classification of possible translation errors in the sphere of individual safety in the area of modern city

The article presents different types of error classifications, which are possible in translating information, ensuring the safety of the individual in the urban area. Special attention is paid to the pragmatic side of the translation. As a real mistake are recognized only those deviations from the original semantics, which lead to inadequate perception of reality.

Key words: translation error, inconsistency, urban area, safety.

В.В. Фефелова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.134.2'38

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ДЕЙКТИЧЕСКОЙ РЕФЕРЕНЦИИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Современные лингвистические исследования синтаксических единиц языка характеризуются изучением дейктической референции высказывания и анализом языковых элементов, отображающих участников акта коммуникации и обстоятельства, в которых эта коммуникация совершается.

Указательная функция языка изучалась многими отечественными и зарубежными лингвистами. Н. Гудмен предложил термин «индикаторы» для слов, отображающих грамматическую категорию лица, времени и пространства [9, с. 263]. Д. Льюис ввёл термин «индекс высказывания» для языковых маркеров, характеризующих контекст высказывания [11, с. 176]. По мнению учёного, компонентом индекса выступают: возможный мир; временной отрезок; место; говорящий; аудитория; сегмент дискурса; бесконечная последовательность высказываний [там же]. Р. Якобсон предложил объединить указательные и модальные элементы в одну языковую категорию «шифтеров». Лингвист утверждал, что «шифтеры отличаются от других знаков языкового кода обязательным посыланием на данное сообщение» [7, с. 98]. Следовательно, языковые знаки подразделяются на те, которые осуществляют номинацию и те, которые выступают в роли «указателей», не называют, а только направляют внимание на объект [8, с. 27]. В подкласс «указателей» во французском языке можно отнести местоимения, притяжательные и указательные прилагательные, наречия места и времени. Наличие именно таких «указателей» в высказывании помогает ему актуализироваться в конкретном временном и пространственном континууме, относительно определённых субъектов и объектов речевой ситуации.

Целью статьи является анализ языковых маркеров дейктической референции, которые отображают грамматические категории лица, времени, пространства и их роль в коммуникативной организации полипредикативной конструкции на материале сложных предложений с придаточным времени современного французского языка.

При актуализации языковой модели сложного предложения с придаточным времени «P1, *conjonction de temps* P2» говорящему

важно выбрать из неограниченного количества объектов и явлений окружающей действительности именно те, которые максимально точно отобразят суть происходящего. Важными элементами, актуализирующими предложение в речи, выступают языковые маркеры, идентифицирующие объекты, события, временные интервалы, пространственные отношения. Б. Рассел окрестил такие языковые маркеры «эгоцентрическими», поскольку они ориентируются на «его» говорящего: «я – здесь – сейчас» [13, с. 134].

Учёными русской лингвистической школы в течение многих десятилетий разрабатывалась проблема о «степени» присутствия автора в тексте. Этот вопрос занимал не только лингвистов, но и писателей. По свидетельству В.В. Виноградова, такая задача была поставлена Чернышевским, который хотел написать роман, где читатель не мог бы слышать голос автора. Замысел, однако, остался неосуществлённым [Падучева, с. 258]. Е.В. Падучева, разделяя положение Б. Рассела, пишет о том, что присутствие говорящего и его точки зрения в любом тексте определяется семантикой слов и грамматических конструкций естественного языка. Именно эти языковые элементы принимают непосредственное участие в референции, отождествляя лица, предметы, временные и пространственные интервалы. Исследовательница предлагает в класс эгоцентрических маркеров включить не только слова, ориентированные на «его» говорящего, но и использовать термин «эгоцентрики» в более широком значении как дейктические слова, так и показатели субъективной модальности: вводные слова, слова и частицы, которые подразумевают говорящего [там же].

Каждое высказывание характеризуется своим субъектом речи. Эгоцентрики, указывающие на лицо, автора сообщения, являются формально однородными языковыми знаками – это местоимения, однако они разнятся в содержательном плане. Следует отметить, что не существует прямого соотношения между говорящим и автором произведения. В непрямой речи можно говорить только об аналоге говорящего, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, неполноценностью коммуникативной ситуации, отдельные высказывания воспринимаются как отрывок коммуникативной ситуации. Во-вторых, в художественном тексте автор находится на расстоянии от высказывания, читатель имеет дело только с текстовым документом, а с его создателем только в той мере, в которой автор отражен в тексте. Такая коммуникативная ситуация есть неполной, поскольку большинство объектов остаётся за её пределами. Например, автор текста не может быть для

читателя ориентиром в пространственно-временном континууме, необходимым для дейктической референции. Поэтому в языке используются лексические и грамматические единицы, которые помогают адресанту ориентироваться в определённом локально-временном пространстве.

В контексте не прямой речи аналогом говорящего выступает не сам автор, а «образ автора» либо рассказчика [2, с. 205]. Именно рассказчик выступает тем субъектом, который отображён в тексте и с которым сталкивается читатель. Именно рассказчик становится центром пространственно-временных координат, необходимых для многогранного механизма дейктической референции.

Особенностью нарративного дискурса является то, что рассказчик как субъект речи «презентует» информацию читателю. Коммуникативная ситуация художественного текста представляется в виде взаимодействия «рассказчик – читатель». В этом случае рассказчик распоряжается всей системой эгоцентрических элементов. Во французском языке, в нарративном контексте следует различать две стратегии при замене говорящего: заместитель-персонаж и заместитель-рассказчик. Например:

(1) Cette vieille funèbre me procure un curieux bien-être : quand on l'imagine, le malheur est plus redoutable que lorsqu'il frappe (Bosquet, p. 66).

(2) Leurs passions sont souvent absurdes et lorsqu'ils se trouvent confrontés à la réalité, ils veulent mourir (Arnothy, p. 77).

В высказываниях (1) и (2) автор выражен формами личных местоимений. Причём в (1) – это неопределённо-личное местоимение «on», а во (2) – личное местоимение «ils». Однако, благодаря эгоцентрическому маркеру, приглагольному безударному личному местоимению 1-го лица единственного числа «me» читатель понимает, что в высказывании (1) повествование ведётся от имени персонажа, участника событий, описываемых в романе. В высказывании (2) употребление местоимения 3-го лица множественного числа указывает на то, что рассказчик не принимает непосредственного участия в событиях; тот, кто создаёт сообщение, наблюдает за событиями со стороны.

Автор текста может быть персонифицированным, то есть он является одним из персонажей, имеет свою биографию, имя, является участником событий. Рассказчик может быть неперсонифицированным, имплицитным, он не называет себя, по сути, он не существует ни в реальном, ни в вымышленном мире. Для неперсонифицированного рассказчика пространственно-

временные рамки необязательны, для него неважно, где он находится, когда он повествует о героях и событиях. Для персонифицированного автора такие ограничения существуют. Формально такие типы нарративного текста можно разделить на рассказ от первого либо от третьего лица:

(3) *Lorsqu'en septembre dernier, je mettais mes gendarmes en bocal, j'ignorais que nous les dégusterions avec un futur gendre slave qui semble avoir déjà compris que la plus élémentaire prudence est de faire le mort lorsque les soeurs s'accrochent* (Boissard, p. 163).

(4) *Lorque jeudi matin à l'aube, la Marine, toute guillerete, est venue embarquer Grégoir, celui-ci, alors qu'il m'avait déjà fait ses adieux, est remonté quatre à quatre dans la chambre* (Boissard, p. 92).

В процитированных высказываниях персонаж романа «захватывает» всеэгоцентрические элементы в своё распоряжение. Эгоцентрические маркеры высказывания соотносятся с персоной рассказчика, выраженной местоимением первого лица единственного числа. В канонической ситуации говорения жесты, мимика, интонация являются экстралингвистическими компонентами, обеспечивающими однозначность референции. В контексте повествования эти элементы заменяются эгоцентрическими маркерами:

(5) *Lorsqu'il sombra, le ciel était clair et les dernières miettes de nuit filaient là-bas, derrière la Vierge d'or, de l'autre côté de l'horison* (Covin, p. 254).

Указание «там, по другую сторону горизонта» обязательно для письменного дискурса, тогда как в устной речи фраза была бы понятна в сокращённом варианте, употребляя только «там – là-bas» и жестикуляцию.

Важным эгоцентрическим элементом, соотносящим персонажа-рассказчика с описываемыми событиями, выступают наречия с временной и пространственной семантикой:

(6) *Avant, quand on était dans la classe à Mademoiselle Garnier, on s'est touchés où c'est interdit de se toucher et la directrice a convoqué nos parents* (Beyala, p. 24).

Наречие «avant – ранее» автором-персонажем употребляется с целью вернуться в прошлое, подчеркнуть временной промежуток между событиями романа и прошлым персонажа-рассказчика.

Следует акцентировать внимание на том, что системно-языковое значение наречия с временной семантикой во французском языке очень многогранно, поэтому они употребляются и в прямой речи, и в повествовательном контексте.

(8) *Il n'était pas en cage depuis plus de quinze jours quand Malika vint me parler* (Bona, p. 296).

(8a) Il n'est pas en cage depuis plus de quinze jours quand Malika vient me parler.

(9) Alors j'entends le cri des mouettes, le bruit des vagues et le claquement de l'eau si voluble et gai lorsqu'elle nage dans la piscine (Bona, p. 144).

(9a) Alors j'entendais le cri des mouettes, le bruit des vagues et le claquement de l'eau si voluble et gai lorsqu'elle nageait dans la piscine.

В случае, если в высказываниях (8) и (9) изменить временной план повествования, то можно сделать вывод, что и в контексте настоящего времени (ситуация говорения), и в контексте прошедших временных форм (повествовательный контекст) наречия называют одни и те же временные отношения между описываемыми событиями. Очевидно, можно говорить о параллельной номинации, когда один и тот же языковой знак обозначает одинаковые временные отношения в разных временных планах.

Временные формы глаголов обязательно коррелируют с личностью автора и остальными эгоцентрическими элементами высказывания. Во французском языке нарратив использует временные формы плана прошедшего; употребление *Présent de l'Indicatif* следует рассматривать как вневременной маркер, не связанный с моментом создания сообщения:

(7) Et comment font les Nègres quand ils ont plusieurs femme ? (Beyala, p. 84).

Таким образом, в контексте высказываний, взятых из современных французских художественных произведений, основным эгоцентрическим элементом, задающим «тон» всему высказыванию, следует считать местоимения и притяжательные прилагательные, выражающие категорию лица. Все остальные элементы высказывания (наречия и союзы с темпоральной семантикой, временные формы глаголов-сказуемых) коррелируют либо с персонажем-участником событий, либо с рассказчиком-наблюдателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 350 с.
2. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
3. Geach T. Reference and generality / T. Geach. – Ithaca, N.G.: Cornell Univ. Press, 1962. – 260 p.

4. Goodman N. The structure of appearance / N. Goodman. – Dordrecht, Holland: Reidel, 1977. – 256 p.
5. Lewis D. General semantics / D. Lewis // Semantics of natural language. – Dordrecht, Holland: Reidel, 1972. – P. 50-83.
6. Russell B. An inquiry into meaning and truth / B. Russell. – London: Penguin Books, 1963. – 360 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Arnothy C. Une affaire d'héritage / C. Arnothy. – P.: Edition Bernard Grasset, 1991. – 407 p.
2. Beyala C. Maman a un amant / C. Beyala. – P.: Edition Albin Michel S.A., 1993. – 310 p.
3. Beyala C. Les honneurs perdus / C. Beyala. – P.: Edition Albin Michel, 1996. – 405 p.
4. Bona D. Malika / D. Bona. – P.: Edition Mercure de France, 1992. – 355 p.
5. Boissard J. L'amour, Béatrice / J. Boissard. – P.: Edition Fayard, 1990. – 251 p.
6. Bosquet A. Georges et Arnold, Arnold et Georges. Récits / A. Bosquet. – P.: Gallimard, 1995. – 250 p.
7. Cauvin P. Rue des Bons-Enfants / P. Cauvin. – P.: Edition Albin Michel, 1990. – 375 p.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В. В. Языковые маркеры дейктической референции в сложном предложении современного французского языка

В статье анализируются языковые маркеры дейктической референции, отображающие грамматические категории лица, времени, пространства и их роль в коммуникативной организации полипредикативных конструкций на материале сложных предложений с придаточным времени современного французского языка. Акцентируется внимание на эгоцентрические элементы языка, которые соотносятся с «образом» автора высказывания, а именно: на личные приглагольные местоимения, временные формы глаголов, наречия с временной семантикой. Эгоцентрические маркеры принимают непосредственное участие в референции, отождествляя действующие лица, предметы, события, временные и пространственные интервалы.

Ключевые слова: эгоцентрический элемент языка, дейктическая референция, сложное предложение с придаточным времени, личное приглагольное местоимение, наречие.

SUMMARY

Fefelova V. V. The language markers of deictic reference in a complex sentence of the modern French language

The article presents the analysis of the language markers of deictic reference, that reflect the grammatical categories of the person, tense, space and their part in communicative organization of poly-predicative constructions on the material of complex sentences with the subordinate clause of time of the modern French language. Attention has been paid to ego-centric elements of the language, which are related to the 'image' of the speaker's utterance, viz.: to the personal verbal pronouns, tense forms of the verbs, adverbs with the tense semantics. Ego-centric markers take direct part in reference, identifying active persons, things, events, temporal and space intervals.

Key words: ego-centric elements of the language, deictic reference, complex sentences with the subordinate clause of time, personal verbal pronouns, adverbs.

*В.В. Фефелова,
О.В. Калашикова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.612.2

**СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ МЕТАФОРА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТОВ V РЕСПУБЛИКИ
НИКОЛЯ САРКОЗИ И ФРАНСУА ОЛЛАНДА)**

Философы Античности, задолго до создания современных демократических государств, ценили и оттачивали своё ораторское искусство. Изучение такого понятия, как «дискурс», остается актуальным и в XXI веке. «Дискурс – это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века» [5, с. 45]. Французские лингвисты утверждают, что: «В современной лингвистике термин дискурс означает всякое высказывание, превышающее по объему фразу, рассматриваемое с точки зрения связывания последовательности фраз между собой. В противоположность подходу, согласно которому предложение является терминальной единицей языка, дискурсивный анализ открывает новые перспективы лингвистического исследования» [9, с. 513]. У.Манном и С.Томпсон в XX веке предложили единое описание макро- и микроструктуры дискурса. «Каждая единица дискурса, вступающая в риторические отношения, может быть

самого различного объема – от максимальных (непосредственные составляющие целого дискурса) до минимальных (отдельные клаузы)» [3, с. 173].

Современные исследователи выделяют такое понятие, как «смыслообразующая метафора», которая призвана воздействовать на адресата и обладает в тексте коммуникативной ролью. Такой тип метафоры всегда дает оценочный смысл высказыванию. Она по своей природе выступает предикативной или модальной, благодаря чему происходит отображение образной действительности. Политический дискурс изобилует именно смыслообразующими метафорами; речи политиков апеллируют к воображению, что приводит к пониманию сути вещей [1, с. 43].

Основоположником изучения тайны метафоры стал Аристотель, который трактовал метафору как «перенос значения с одного объекта на другой» [2, с. 25]. Метафора не указывает на предмет, такой функцией обладает предикат и собственные имена, метафора порождает смысл слов. Явление метафоризации выступает, как один из важнейших механизмов мышления [4, с. 160]. Метафоризация включает в себя все тропеические (метафора, аналогия, символ, сравнение, эпитет, олицетворение, гипербола, метонимия, синекдоха, перифраза и др.), лексические (тавтология, синонимия, нарастание, эвфемизм, литота, оксюморон, игра слов, зевгма, ирония, аллюзия и др.), фонетические и синтаксические (эллипс, умолчание, бессоюзие, многосоюзие, обрамление, подхват и др.) средства пробуждения рефлексии [4, с. 159].

Цель статьи – проанализировать политический дискурс президентов V Республики Николя Саркози и Франсуа Олланда и продемонстрировать роль смыслообразующей метафоры в организации коммуникативного воздействия на людей.

Понятие смыслообразующей метафоры базируется на определении «когнитивная метафора» – это метафора, которая «активно используется для построения картины мира в политической сфере и воздействует, как на сознательные, так и на бессознательные компоненты психики общества» [1, с. 42-43]. В борьбе за власть политические деятели стремятся повысить свои рейтинги, используя для этого хорошо и четко спланированную речь, построенную на эффективном использовании когнитивной метафоры. Она содержит такие функции, как:

- воздействие на сознание;
- манипуляция над мыслительными процессами;
- удержание внимания;
- стимуляция определенного типа поведения [1, с. 44].

Существует два вида управления поведением отдельных людей или масс людей, а именно: открытое и закрытое. Открытое управление людей – это получить поддержку людей, для какой-то из политических фигур. Закрытое управление – это манипуляция, которая используется для управления поведением людей, именно с использованием метафоры. Следовательно, когнитивная метафора в политическом дискурсе выступает как средство манипуляции сознанием общества.

Политический дискурс – это речь, где используются различные стилистические средства, которые помогают говорящему воздействовать на общественное мнение людей [7, с. 90]. Политический дискурс может охватывать самые различные темы, которые возникают в сознании адресата. Это понятие открывает политический мир ораторского искусства и мир политических законов. Существует несколько разновидностей политического дискурса [7, с. 164]: 1) институциональный политический дискурс – сюда относятся тексты, созданные политиками, например: публичные выступления (Déclaration de M. Nicolas Sarkozy 1.12.2006), политические интервью (Interview de M. Nicolas Sarkozy 1.05.2007) и политические документы (Lettre de M. Nicolas Sarkozy adressée aux adhérents de l'UMP en décembre 2006, sur sa candidature à l'élection présidentielle de 2007 et sur ses propositions); 2) неинституциональный дискурс: использование речи политиков в отставке.

В качестве примера процитируем отрывки из политических речей президентов V Республики Николя Саркози и Франсуа Олланда:

(1) Je continuerai de dire aux Français ce que je souhaite pour la France. Je continuerai à parler à leur intelligence et à leur coeur. Je continuerai à leur parler de l'avenir de la France et de l'avenir de leurs enfants. Je continuerai à essayer d'élever le débat. C'est ma conception de la politique [8].

(2) La France veut des idées fortes, elle n'attend pas des concepts creux. La France veut un dialogue sincère, elle n'attend pas de recevoir l'écho déformé de son propre discours. La France veut qu'on lui propose un avenir différent, elle n'attend pas qu'on lui reserve les recettes du passé. La France veut qu'on la tire vers le haut, elle n'attend pas qu'on la berce de formules toutes faites avec lesquelles tout le monde est d'accord. La France a conscience des défis que notre pays doit relever [13].

(3) Vive la République! Vive la France! [13].

(4) Rien ne peut nous arrêter! La France Forte! [11].

Ораторы апеллируют к согражданам, призывая быть образцовыми патриотами, они строят высказывания, употребляя

образные, зачастую персонифицированные метафоры либо сравнения, помогающие настроить общественное мнение в том ручье, в котором нужно политической фигуре: «Я обращаюсь к сердцу и разуму французской нации», «Франция ожидает сильных решений, а не пустых концепций», «Франция хочет иного будущего, продвижения вперед. Ей не нужны рецепты прошлого, убаюкивающие общественное мнение», «Да здравствует Республика! Да здравствует Сильная Франция!» В цитате (2) особое внимание следует уделить персонифицированному повтору-анафоре. Николя Саркози, говоря о Франции, стремится провести параллель «Франция – отдельно взятый гражданин», говоря о Франции, он обращается к каждому французу.

Рассматривая сферу политической коммуникации, нельзя не обратить внимание на выражение чувства общности. Так, К. Хадсон, описывая язык, говорит, что «язык выступает, как средство групповой солидарности и указывает, что политические группировки, владеют социальными формами языка, которые сплачивают членов этих групп» [6, с. 362]. Так, например, местоимение «*pous* – мы» выполняет дейктическую функцию, то есть указывает на единомышленников и сторонников политической ситуации. Местоимение «*ils* – они» выполняет функцию указателя на противника по политической арене. Пример из политической речи Франсуа Олланда:

(5) *Nous ne partageons pas forcément sur tous les sujets les mêmes positions. C'est justement l'intérêt de cette conférence: confronter les points de vue, chercher les convergences et porter les constats nécessaires avec lucidité de notre pays* [11].

Пример из политической речи Николя Саркози:

(6) *Face à la mondialisation, nous avons le devoir de réclamer que chacun des pays qui participent au commerce mondial joue selon les mêmes règles* [8].

В процитированных отрывках ораторы, обращаясь к народу, используют разноуровневые языковые средства для привлечения на свою сторону максимально большего количества сторонников. Их политический дискурс изобилует лексическими, грамматическими и стилистическими средствами, помогающими формировать метафорические образы:

1) личные и притяжательные местоимения первого лица множественного лица «*pous, notre*», создающие общее пространство для единомышленников;

2) языковые маркеры, указывающие на принадлежность к единой общности людей, разделяющих одни и те же ценности «*les mêmes positions, les mêmes règles*»;

3) обращение к нации, к которой этот политик причисляет и себя и лидером которой он хочет быть;

4) употребление этнонимов «les Français, la France»;

5) использование восклицательных конструкций и призывов.

Таким образом, проанализировав несколько политических речей президентов V Республики, мы выявили языковые средства, формирующие смыслообразующую метафору, находящуюся в основе политического дискурса, что позволяет выявить новые явления политической действительности, фиксировать происходящие изменения, а также наблюдать за развитием политических событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова А.А. Роль метафоры в структуре политического дискурса / А.А. Анисимова // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 1. – С. 42-44.
2. Аристотель. Риторика. Кн. 1 / Аристотель // Античные риторика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 15-69.
3. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции [Текст]: учеб. пособие / Г.П. Бакулев. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – С. 170-176.
4. Веряева Ю.А. Метафоризация как инструмент обеспечения личностно ориентированного образования / Ю.А. Веряева // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 299. – С. 158-162.
5. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М.: РАН, 1996. – С. 35-73.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / РАН, Ин-т языкознания; Волгоградский гос. пед. ун-т / Е.И. Шейгал. – М., Волгоград: Перемена, 2000. – 360-368 с.
7. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches / P. Bayley // G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. – Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. – P. 77-174.
8. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, ministre de l'intérieur et de l'aménagement du territoire, président de l'UMP et candidat à l'élection présidentielle 2007, sur les grands thèmes de sa campagne

- électorale notamment la «politique de la vie», Bordeaux le 8 mars 2007 // <http://discours.vie-publique.fr/notices/073000442.html>
9. Dubois J. Dictionnaire de linguistique / J. Dubois, M. Giacomo. – Paris: Larousse, 1973. – P. 510-516.
10. Jakobson R. Essais de Linguistique générale / R. Jakobson. – Paris: Seuil, 1963. – P. 170-175.
11. <http://www.slideserve.fr/discours-fran-ois-hollande-grande-conf-rence-sociale-2014>
12. <http://www.psinfo.net>, le 15 juin 2005
13. <http://discours.vie-publique.fr/notices/063004293.html>

АННОТАЦИЯ

Фефелова В. В., Калашникова О. В. Смыслообразующая метафора в политическом дискурсе (на материале речей президентов V Республики Николя Саркози и Франсуа Олланда)

В статье определяются термины «политический дискурс, смыслообразующая метафора». Употребляя такую фигуру речи, как метафора, политические деятели стараются воссоздать семантически и психологически корректную политическую речь, которая будет влиять на сознание миллионов и каждого отдельно взятого члена общества. Особое внимание уделено смыслообразующей метафоре и её функции в политическом дискурсе. В статье анализируется политический дискурс двух президентов V Республики Николя Саркози и Франсуа Олланда.

Ключевые слова: ораторское искусство, политический дискурс; метафора; смыслообразующая метафора; Пятая Республика.

SUMMARY

Fefelova V. V., Kalashnikova, O. V. Semantic metaphor in political discourse (on the material of the speeches of the presidents of the Fifth Republic, Nicolas Sarkozy and François Olland)

The article defines the terms «political discourse, semantic metaphor». In using such a figure of speech as a metaphor, politicians are trying to recreate a political speech correct semantically and psychologically, which will affect the consciousness of the millions as well as an individual member of the society. Particular attention is given to semantic metaphor and its function in political discourse. The article analyses the political discourse of the two presidents of the Fifth Republic, Nicolas Sarkozy and François Olland.

Key words: oratory, political discourse; metaphor; semantic metaphor; the Fifth Republic.

В.А. Филатова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'225

ПОЯСНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ТИПА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ МЕТАТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ЗАПИСОК Н. ДУРОВОЙ)

Переводческие пояснения, ставшие объектом изучения в начале 2000-х годов, рассматривают как «переводческий приём или как особый тип текста» [1, с. 162], как одно из вспомогательных средств «в многоаспектном процессе, имя которому диалог культур» [4]. В современном переводе пояснения относят к жанрам метатекста и рассматривают их в предисловиях, послесловиях, внутритекстовых примечаниях, комментариях [3, с. 111]. В соответствии с объектом комментирования, их подразделяют на примечания географического, исторического, культурологического, науковедческого и лингвистического типов [6, с. 176]. Пояснения исторического типа (исторические персоналии или события) объясняют авторский текст читателям, принадлежащим к другой лингвокультуре и другому временному пространству.

Записки Н.А. Дуровой «Кавалерист-девица. Происшествие в России», впервые опубликованные в 1836 г., были переведены Мэри Флеминг Зириной на английский язык более чем через сто пятьдесят лет спустя, поэтому переводчица поясняет читателям стратегию перевода, языковые лакуны, факты из жизни кавалерист-девицы и её современников в предисловии, послесловии, приложениях, довольно объёмных подстрочных примечаниях (footnotes). Из ста пятидесяти подстрочных примечаний приблизительно пятую часть из них составляют примечания исторического типа.

Особенностью подстрочных примечаний исторического типа можно назвать то, что ни одно из них не состоит из одного слова, минимальная часть включает одно предложение. И это, как правило, комментарии по поводу исторических личностей (*“Matvej Platov was attaman (commander) of the Don Cossacks from 1801 until death in 1818”* [7, с. 23]; *“Boris Mansurov was governor of Kazan’ from 1804 to 1814”* [7, с. 155]). В основном примечания переводчицы исторического типа характеризуются объёмностью, многие из них даются со ссылкой на работы историков Д. Бутурлина, А. Кожевникова, С. Мельгунова, военную энциклопедию, воспоминания Д. Давыдова, Ф. Булгарина, художественные произведения А. Пушкина, Л. Толстого, послужного списка Н. Дуровой.

Подстрочные примечания исторического типа к переводу записок Н. Дуровой можно подразделить на:

- историко-биографические: *“General Leontij Bennigsen, a native of Hannover long in Russian service, was the commander-in-chief whose sluggish pursuit of the French in the Prussian campaign puzzled Durova”* [7, с. 54].

- историко-географические: *“Kutuzov’s headquarters was in Krasnaja pakhra from September 8 to September 16”* [7, с. 153].

- историко-интертекстуальные, где идёт пояснение со ссылкой на произведение другого автора. Например, комментарий событий Бородинской битвы заканчивается отрывком из романа Л. Толстого (имя автора не называется): *“In War and Peace Pierre Bezukhov finds Raevsky’s redoubt overrun with French and barely escapes with his life”* [7, с. 143].

Примечания исторического типа М. Зирин можно воспринимать, как отдельное исследование, в котором воссоздаётся хронология событий войны с Наполеоном.

Осень-зима 1806-1807 гг. – разгром Наполеоном прусских войск, продвижение русской армии, начало подготовки к новой кампании. *“...After a series of clashes culminating in the bloody and indecisive battle of Eylau in the winter of 1806-1807, the Russians and French withdrew to prepare for a decisive spring campaign in East Prussia”* [7, с. 28].

Лето 1807 года – Наполеон и Александр I встретились на плоту на реке Неман для начала переговоров и заключения мирного договора в Тильзите [7, с. 52].

1807 год – перераспределение территорий в соответствии с условиями договора в Тильзите [7, с. 82].

Начало 1812 года – Наполеон начинает мобилизацию для нападения на Россию. *“By January 1812 Napoleon’s tolerance of another great power on the continent had so eroded that France began mobilizing forces to invade Russia”* [7, с. 111].

Апрель 1812 – Александр I отправляется в Вильнюс. *“In April Alexander I, eager to see action as a military commander, came to Vilna to the headquarters of the Russian First Army under Barclay de Tolly...”* [7, с. 111].

Начало войны – Объёмный комментарий к предложению: *“They say that Napoleon has crossed our frontiers with an enormous army”*, который начинается с уточнения: *“Napoleon crossed the Neman on June 12/24 at Kovno and massed armies for an attack centered on Vilna...”* [7, с. 125].

Август 1812 – Наполеон сосредотачивает свои войска и начинает боевые действия. *“<...> The French attack on the city on August 4 found less than twenty thousand Russian soldiers commanded*

by Lieutenant-General Nikolaj Raevskiy to defend Smolensk's medieval fortifications; they held off the French until the main armies could arrive" [7, с. 135].

Назначение М. Кутузова главнокомандующим – Комментарий завершается уточнением: *"The armies heard the news only a day or two before his arrival"* [7, с. 142].

Сражения 24 и 26 августа 1812 года – Переводчица уточняет расположение войск, продолжительность битвы, количество принимавших участие, погибших и раненых русских воинов, положение полка Дуровой, ход сражения [7, с. 143].

Конец августа 1812 года – решение Кутузова отступить: *"Once Kutuzov assessed the heavy toll of the day's combat at Borodino, he decided not to renew the battle, and the Russians again took up the retreat toward Moscow"* [7, с. 146].

Апрель 1813 года – смерть Кутузова: *"Kutuzov, already in failing health, fell ill and died in April 1813 on campaign in Silesia"* [7, с. 164].

Осень 1813 года – начало заграничных походов русской армии: *"After Napoleon's crushing defeat at Leipzig in October 1813, Russia and her allies continued to pursue him westward across Europe ..."* [7, с. 181].

Апрель 1814 года – капитуляция Наполеона: *"Napoleon surrendered to the allies in April 1814 ..."* [7, с. 183].

Февраль 1815 года – планы Наполеона по восстановлению империи: *"Napoleon left the island of Elba on February 15/27, 1815 to raise an army and reclaim his empire ..."* [7, с. 201].

Июнь 1815 года – финальное сражение и разгром Наполеона при Ватерлоо. *"The regiment's westward movement was cut short by Napoleon's final defeat by the England and Prussians at Waterloo in June 1815"* [7, с. 204].

Подстрочные примечания содержат:

1) Уточнения к тексту записок Н. Дуровой – к предложению или отрывку. Например, пояснения требовало высказывание Н. Дуровой: *"Sometimes there are minor clashes between our rear- and the enemy's advance-guard only so that we do not keep retreating without any action"* [7, с. 133]. Со ссылкой на послужной список Дуровой, переводчица добавляет информацию о том, что в битве, вошедшей в историю как первый серьёзный бой Отечественной войны 1812 года, или «дело казаков Платова», полк, в котором служила Н. Дурова, также принимал участие: *"Durova's service record shows her as seeing combat on June 27 at Mir and July 2 at Dashkovka. The battle at Mir usually described as pitting the rear-guard under the Cossack general Platov against the Polish cavalry of Jerom's"*

French advance-guard, but Durov's regiment clashed with their fellow Poles there also" [7, с. 133].

Пояснение к отрывку. Глава "1814" начинается словами: *"The news of the surrender of Paris brought Davout to surrender. The French left Hamburg, and military action ended"* [7, с. 183]. В комментарии переводчица уточняет, что после сдачи Наполеоном в апреле 1814 года, маршал Даву продолжал удерживать город до конца мая. Заявление Дуровой поясняется расположением её полка: *"Durova's regiment was stationed in Utersen, thirty kilometers west of Hamburg"* [7, с. 183].

Пояснение каламбура. Во время отступления русский армии, глядя на полыхающий Смоленск, один из сослуживцев Дуровой воскликнул: *«Какая прекрасная картина!»* [2, с. 478]. Прозвучавший ответ показал каламбурность высказывания: *«Особенно для Энгельгардта, у него здесь горят два дома!»* [2, с. 478]. В примечании переводчица не только комментирует происходящие события, но и уточняет дальнейшую судьбу виновника каламбурного высказывания: *"On October 15 the Smolensk landowner Pavel Engelhardt was shot by the French as a Russian spy"* [7, с. 139].

2) Подтверждение исторических фактов. Несмотря на то, что в вышедшей в 1823 году книге Ф. Ростопчина «Правда о пожаре Москвы», градоначальник отрицает свою причастность к нему, другие мемуарные источники опровергают его слова. Поэтому, комментируя отступление русских через Москву в начале сентября 1812 года, переводчица придерживается версии о том, что Ростопчин отдал приказ поджечь столицу: *"... the fire, set at the instigation of Moscow governor Fedor Rostopchin, broke out at about the evening of the second"* [7, с. 148].

3) Предположения. Согласно запискам Н. Дуровой манифест императора о наступлении был объявлен под Смоленском: *"Near Smolensk the emperor's manifesto was announced to us"* [7, с. 135]. В примечании переводчица даёт историческую справку: *"Alexander I issued a proclamation with this approximate wording from the fortress at Drissa on June 27 (the anniversary of Peter the Great's victory over the Sweeds at Poltava in 1709). <...> If Durova has placed the passage correctly, the proclamation was not read to the rear-guard until after the Second Army's union with the First near Smolensk in late July"* [7, с. 135]. В подтверждение слов переводчицы сошлёмся на воспоминания А. Михайловского-Данилевского, где говорится о том, что приказ императора был отдан в *«день вступления армии в Дрисский лагерь, 27 Июня, когда Россия празднует воспоминание Полтавской победы»* [5].

4) Дополнительную информацию. Например, слова Н. Дуровой: *"We are on our way to the fortress of Modlin, and we will be under the command of Kleinmichel"*, переводчица сопровождает дополнительными сведениями о том, что Андрей Кологринов был назначен командиром кавалерийскими резервами в 1812 г. [7, с. 166]. Несмотря на то, что М. Зирин не указывает, что он стал непосредственным начальником А.С. Грибоедова, она отмечает, что успешное командование генерала было описано будущим драматургом в статье *"The Cavalry Reserves"* [7, с. 166].

5) Оценку. На непростые отношения среди командного состава даётся комментарий со ссылкой на историка С. Мельгунова: *"After the terrible losses at Borodino and during the rear-guard Battles on the way to Moscow, the Russian army melted away to such a degree that its division into two armies became completely superfluous"* [7, с. 151].

Комментарии М. Зирин исторических персоналий, как правило, лишены оценочных характеристик и содержат сухие факты. Например, *"Count Mikhail Miloradovich was governor-general of Kiev from 1810 to 1812 as well as head of the reserve army"* [7, с. 93], *"It was Barclay de Tolly who replaced Arakcheev as War Minister on January 1, 1810"* [7, с. 103]. Фактически точно описывается назначение Алексея Ермолова командиром отряда резервных войск на юго-западных границах [7, с. 94], П. Коновницына генерал-адъютантом Кутузова [7, с. 151], А. Аракчеева военным министром в 1808 [7, с. 72], его положение после войны 1812 года [7, с. 211], новый пост генерала Закревского в 1815 году [7, с. 214].

Личностные характеристики, с использованием оценочных прилагательных, как, например, характеристика Петра Багратиона (*fiery, self-willed*) – редкое исключение [7, с. 111]. В основном, оценка идёт со ссылкой на другие источники. При описании П. Коновницына, одного из самых известных генералов александровской эпохи, цитируется Военная энциклопедия: *"<...> He liked the soldiers, knew how to talk to them, and took very good care of them; the soldiers in return were extremely attached to him and performed miracles of bravery under his command"* [7, с. 140]. Человеческие качества генерала А. Ермолова также отсылают читателя к энциклопедии: *"The Russian Military Encyclopedia describes him as: "Ambitious and independent, ... proud with superiors and amiable with equals and inferiors"* [7, с. 94]. Характеристика полковника Штакельберга, который угрожал Дуровой расстрелом за неправильное выполнение приказа, – со ссылкой на исследования военного историка Д. Бутурлина: *"Colonel Stackelberg is a very stiff, taciturn, dull German, and stronger in body than in intelligence, besides. Military regulations*

guide him in all his actions and impulses, and he is brave only because regulations prescribe that all soldiers be brave" [7, с. 151].

Пояснения исторического типа в переводе Мэри Флеминг Зирин записок Н. Дуровой «Кавалерист-девица. Происшествие в России» направлены на восполнение фоновых знаний читателей – представителей англоязычной культуры, которых отделяет два столетия от описываемых событий. Комментарии переводчицы фактически точно, со ссылкой на энциклопедические источники или мемуарные документы, описывают главные события войны с Наполеоном, исторические личности, уточняют или объясняют малоизвестные факты, выдвигают предположения, формируя читательский интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева М.Л. Переводческие пояснения во времени и культуре / М.Л. Алексеева // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4 (39). – С. 162-169.
2. Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы / Д.В. Давыдов, Н.А. Дурова. – М.: Правда, 1987. – 640 с.
3. Кашкин В.Б. Метакоммуникация переводчика в примечаниях и комментариях / В.Б. Кашкин, Д.С. Князева, С.С. Рубцов // Метакоммуникация переводчика в примечаниях и комментариях // Язык, коммуникация и социальная среда: Сбор. науч. трудов. – Вып. 6. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т; Издательский дом Алейниковых, 2008. – С. 110-119.
4. Мирзоева Л.Ю. Переводческий комментарий как одно из средств экспликации оценочного потенциала языковых средств (на материале переводов романов В. Скотта «The Heart of Mid-Lothian» и «The Old Mortality» на русский язык) [Электронный ресурс] / Л.Ю. Мирзоева. – Режим доступа: revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/download/78/77
5. Михайловский-Данилевский А. Описание Отечественной войны в 1812 году [Электронный ресурс] / А. Михайловский-Данилевский. – Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/153183/aleksandr-mikhaylovskiy-danilevskiy-opisanie-otechestvennoy-voyny-v-1812-godu-27.php>
6. Остапенко Д.И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Остапенко Дарья Игоревна. – Воронеж, 2014. – 246 с.
7. Durova N.A. The Cavalry Maiden. Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars. Translation, Introduction and Notes by Mary Fleming Zirin. Indiana University Press, 1988. – 242 p.

АННОТАЦИЯ

Филатова В. А. Пояснения исторического типа в переводческом метатексте (на материале перевода записок Надежды Дуровой)

В статье на материале перевода «Записок кавалерист-девицы» Н. Дуровой на английский язык рассматриваются пояснения исторического типа в подстрочных примечаниях; объясняются особенности их употребления, их характер и функции.

Ключевые слова: перевод, записки, метатекст, подстрочные примечания, исторические комментарии.

SUMMARY

Filatova V. A. Historical commentaries in translator's metatext (on the basis of the translation of Nadezhda Durova's notes)

The article reviews the historical commentaries in translator's metatext (footnotes) on the basis of the translation of «Cavalry Maiden» by N. Durova. The peculiarities, usage of extensive notes and their character are explained.

Key words: translation, notes, metatext, footnotes, historical commentaries.

*Л.А. Штакина
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'344 811.111

**СЕМАНТИКО-ВРЕМЕННОЕ КВАНТИРОВАНИЕ
АДРЕСАТОЦЕНТРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Современный этап развития лингвистической науки ориентирован на изучение речевой деятельности в широком социальном контексте, который отражает личностно-ориентированный характер дискурса с присущими ему признаками синергизма. Социально обусловленная вариативность языка неизбежно отражает определённые особенности вербализации коммуникативной интенции благодаря адекватному использованию разноуровневых языковых средств, маркирующих речевые стратегии.

Социолингвистический анализ межличностной коммуникации прежде всего предусматривает лингвистическую и социологическую оценку исследуемых объектов, поскольку языковое варьирование соотносится с системно упорядоченными социальными различиями [6].

Как нам представляется, исследование вариативности языка с учётом взаимодействия ситуативного (коммуникативного) и стратификационного уровней обеспечивает возможность изучения речи не только в плоскости различных ситуаций, но и дифференцировать особенности речевого поведения коммуникантов в соответствии с их личностно-социальными параметрами. Именно поэтому важной проблемой социолингвистических исследований является гендерная специфика вербализации коммуникативной интенции на разных языковых уровнях и, в частности, фонетическом (просодическом) уровне актуализации вербальных стереотипов. Исследователи в этой области отмечают, что среди разнообразных факторов нелингвистического характера, которые обуславливают специфику речевого кода коммуникантов, значительное место занимает физиологопсихический фактор дифференциации по признаку гендера [7]. Следовательно, учёт гендерных параметров речевой коммуникации предоставляет возможность переосмысления языкового знака как способа самовыражения индивидуума [3]. Как явствует из вышеизложенного, изучение гендерных особенностей речевого поведения коммуникантов приобретает весомое значение в современной лингвистике, что позволяет обстоятельнее анализировать «женскую» и «мужскую» картины мира. Как *социо-параметрический кластер* гендерная модель, отражающая специфику речевого кода говорящего, имеет характерные признаки, а именно: наблюдается тенденция избегать доказательности, стремление к образности и описательности, склонность к обсуждению событий, опоре на отдельные факты с последующим описанием и оценкой у коммуникантов-женщин и уверенности, доказательности, сдержанности и фактологичности у коммуникантов-мужчин. Кроме того, мужские стратегии характеризуются как соревновательные и имеют отношение к доминированию, демонстрации силы и власти, женские же – как кооперативные, которые основаны на солидарности и поддержке [5].

Социо-коммуникативную специфику моделей репрезентации речевого замысла целесообразно обосновывать с учётом фонетически (просодически) релевантных параметров, маркирующих две важные составляющие нелингвистического контекста – коммуникативную ситуацию, которая отражает сферу речевого события и непосредственных участников общения с присущими им гендерными особенностями. Именно характерные особенности коммуникантов прогнозируют стратификационную вариативность речевого поведения. Следует также отметить,

что базовым понятием стратификационной вариативности является статус говорящего, который раскрывается в ролевых и нормативных характеристиках поведения и отражается в стратегиях и тактиках невербального и вербального общения индивидов [4].

Обращение к информационно-смысловой структуре дискурса с учётом его семантико-временного квантирования создает предпосылки изучения механизма репрезентации дискурса в ситуативно-стратификационном, в частности, гендерном аспекте. Заметим, что исследование временной организации дискурса способствует выявлению приоритетных признаков *паузации* как составляющей темпоральной подсистемы просодии, определённым образом коррелирующей с семантическим развёртыванием информационного поля дискурса. В нашем понимании, пауза выступает в роли своеобразного синтезатора лингвистических и нелингвистических факторов порождения дискурса. Указанное обстоятельство помогает объяснить разнообразие подходов к решению проблемы паузации и многочисленные классификации, среди которых различают четыре основных категоризации, исходя из темпорального, физиологического, психологического и лингвистического аспектов. Экспериментально-фонетические исследования, проведённые профессором Дубовским Ю. А. в области интонации устного текста, показывают, что эффект паузы может создаваться маркированной структурой без темпорального (временного) перерыва речевого сигнала за счёт резких энергетических или тональных перепадов, а также немаркированной структурой за счёт различного рода психолингвистических ассоциаций [2, с. 73]. Наши наблюдения приводят к мысли о том, что физическая пауза является супraseгментным регулятором регламентированности межличностного общения и базовым временным компонентом смыслового квантирования речевого континуума. Обусловленный как лингвистическими, так и социо-коммуникативными факторами, механизм дистрибуции пауз имеет свою специфику в плане вербализации гендерных моделей дискурса. На наш взгляд, паузацию необходимо рассматривать как трёхуровневую иерархию, синхронизирующую перерыв речевого сигнала между фоносинтагмами, фонофразами и фоноблоками и отражающую ритмику рекомбинаций информационно-смыслового поля дискурса [9].

В рамках этой публикации представлены наши первичные наблюдения над гендерными особенностями паузации англоязычного аналитического «интервью», смешанного типа с учётом степени стандартности. Обстоятельства

общения и социально-ролевая обусловленность «интервью» предусматривают прежде всего общение по правилам делового этикета. С точки зрения личностных отношений и соблюдения канонов социального равновесия «интервью», в нашем понимании, является образцом *кооперативной регламентированности*, что прогнозирует коммуникативный тембр дискурса. Как специфический фрейм активного взаимодействия, как правило, двух субъектов дискурс «интервью» представляет собой адресатоцентрическую модель межличностного общения с чётко выраженными социо-коммуникативными ролями адресанта (A1) и адресата (A2). Дихотомия «адресант-адресат» отражает асимметрию отношений, поскольку A1 (топикальная составляющая) координирует общение, а A2 (комментивная составляющая топикально-комментивной реляции) эксплицирует решение поставленной коммуникативной задачи.

Корпус экспериментально-фонетического анализа составляют образцы «интервью» тематического поля «художественная литература», представленные мужским (MG) и женским (WG) голосом. Языковой материал, продуцированный носителями английского языка Великобритании (стандартный произносительный вариант) в радиопрограммах BBC Radio 4 – Bookclub – 2008, проанализирован на перцептивном и акустическом уровнях. Длительность темпоральных пауз была установлена с помощью компьютерной программы SFS/ WASP 1.54. Продолжительность звучания корпуса исследования составляет 1,5 часа. Протоколом экспериментально-фонетического анализа предусматривалось рассмотрение особенностей паузации исходя из темпорального аспекта категоризации с учётом гендерной дихотомии (MG-WG) и социо-коммуникативных ролей двух антропоцентров (A1 и A2), вербально представленных соответствующими речевыми актами «квеситив-риплай». В ходе сопоставления акустических данных и перцептивных характеристик пауз были использованы следующие ранее установленные классификационные характеристики темпоральных (незаполненных) пауз : самая краткая (brief = **b**), краткая (unit = **u**), средняя (double = **d**), продолжительная (treble = **t**) [2, с. 78].

Анализ особенностей делимитации речевого континуума даёт основание утверждать, что чередование пауз между фоносинтагмами и фонофразами создает некий ритмический «рисунок» «временной сетки» рецептивных моделей социо-коммуникативных ролей «интервью». Результаты полученных данных свидетельствуют о том, что типичными темпоральными паузами являются самая краткая (**b**) и краткая (**u**), специфически

маркирующие семантико-временное квантирование гендерных моделей репрезентации коммуникативных интенций. Например:

A1 (MG)

– *Let me ask you, David, /b/ when you began Cloud Atlas /u / were you deliberately /b/ doing something / b /experimental / u /, dramatic / u /, bold / u / or did it just come to use / b / as a natural thing to do? [10].*

A1 (WG)

– *If you've got a book /b / that deals with a future, / b / it's inevitable / b / that what lies ahead /b / is some kind of conclusion; / b / and the themes in this book of slavery, / b / for example, and our own capacity to destroy / b / what we've got /b / are inevitably going to be seen / b / at their conclusion in the future. So, /b / the future is always going to be an important bit, / b / because that's what we've come to. That's inevitable... / u / When did you know /b / that you'll write a novel with ethic foundation? [11].*

Эти образцы вербального контекста «интервью» отражают идентичный социо-коммуникативный статус гендерных вариантов базового речевого акта «квеситив». Специфика делимитации речевого континуума сводится к тому, что паузация этого речевого акта, продуцированного коммуникантами-мужчинами **A1(MG)**, характеризуется признаками симметричности самых кратких и кратких пауз, что обусловлено психологическими характеристиками гендера, в частности, «взвешенностью» и «сдержанностью» для соблюдения соответствующих «интервью» канонов в контексте кооперативной регламентированности. Однако иные паузальные характеристики, представленные в таблице, прослеживаются в социо-коммуникативной роли **A1 (WG)**, со статистической предпочтительностью самых кратких пауз, что также является характерной особенностью гендера **WG** – стремлением коммуникантов-женщин к образности и описательности, склонностью к обсуждению отдельных фактов. Именно речевому акту «квеситив» – вербальному экспликтору базовой социо-коммуникативной роли «интервью» характерна специфика гендерных реализаций на уровне семантико-временного квантирования.

Тип паузы	A1		A2	
	гендер			
	MG	WG	MG	WG
b	45%	88%	54%	56%
u	45%	12%	26%	22%
h	10%	-	20%	22%

A2 (MG)

– *What I deliberately did was /b/ take the structure of a novel /b/ in which the sequence of narratives are interrupted /b/ and never resumed and /u/ see /b/ if I could place nearer /b/ at the end of that novel /b/ I simply wanted to see /u/ if I could do that and still write a readable /u/ coherent /u/ unified novel /b/ or not [10].*

A2 (WG)

– *Oh, well, /b/ all futures are really possible futures. /b/ I think it's hard to know the order of things. /u/ For a long time /b/ I wanted to write about a /b/ family /b/ and later I thought about a theatrical family /u/ partly because I wanted to write about /b/ the set of ideas from parents to children [11].*

Особенностью социо-коммуникативной роли **A2 (MG-WG)** является статистическая предпочтительность самой краткой паузы, с одной стороны, с другой – темпоральная сбалансированность гендерных реализаций речевого акта «риплай». В целом, социо-коммуникативные роли **A1** и **A2** отражают разные речемыслительные механизмы решения коммуникативных задач, отличаются объёмом фоновой информации и, следовательно, паузальным алгоритмом делимитации.

Следует также обратить внимание на тот факт, что семантико-временное квантирование «интервью» маркируется паузами «хезитации» (**h**) относительно двух антропоцентров. Статистические данные, представленные в таблице, свидетельствуют о паузальных особенностях по этому параметру, отражающему психологически обусловленный временной интервал функционально различных речевых актов «квеситив – риплай». Например:

A1 (MG)

– *I just want to stay away from the structure, David, err...(h) how strongly is a theme of reincarnation to come through the book?[10].*

A2 (MG)

– *Well, err... (h) literally all characters, except one, are reincarnated to the same soul in different bodies throughout the novel, identified by a birthmark which is in all a conceit of Chinese literature. I guess it's just a symbol of universality of human nature [10].*

A2 (WG)

– *I err...(h) I'm very fond of my characters. I err...(h) understand lots of them behave rather poor that time [11].*

По мнению исследователей просодии дискурса, паузы «хезитации» обусловлены некоторыми закономерностями. Во-первых, они объединяют элементы интерактивных блоков дискурса «интервью» в смысловое целое, во-вторых, они могут

выполнять функцию контроля над содержанием высказываний и обеспечивают функционирование канала связи между коммуникантами в ходе общения [8]. Некоторые лингвисты подчёркивают связь пауз «хезитации» с ментальными процессами речепроизводства [1, с. 17].

По результатам наших наблюдений, «хезитация» в англоязычном «интервью» является типичной для коммуникантов двух гендеров. Однако следует отметить некоторые особенности речевых реализаций социо-коммуникативной роли **A1 (WG)**, в которых «хезитация» практически отсутствует. Полагаем, что явление «хезитации» маркирует контактоустанавливающую специфику диалогического формата общения, механизм порождения модели высказывания, а также речеактовую особенность «интервью» с ингеретными временными характеристиками социально-обусловленных коммуникативных ролей гендерно различных антропоцентров.

Таким образом, результаты наших первичных наблюдений приводят к выводу о том, что гендерные параметры коммуникантов являются стратегически значимыми факторами семантико-временного квантирования речевого замысла. Перспективным представляется исследование особенностей маркирования дискурса «интервью» в аспекте интеграции тональной, динамической и временной подсистем просодии с учётом гендерной дихотомии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О. А. Речекоммуникативный статус паузы колебания: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Великий Новгород, 2004. – 198 с.
2. Дубовский Ю. А. Анализ интонации устного текста и его составляющих / Ю. А. Дубовский. – Минск, 1978. – 135 с.
3. Єрмолаєнко С. В. Гендерне питання в мовному та методичному аспектах / С. В. Єрмолаєнко // Українська мова й література в середніх школах, гімназіях, ліцеях та колегіумах. – № 3. – 2008. – С. 36-43.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М., 2002. – 282 с.
5. Мартинюк А. П. Гендер як конструкт дискурсу / А. П. Мартинюк // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харків: Константа, 2005. – С. 295-318.
6. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко. – К., 1998. – 249 с.

7. Потапов В. В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии / В. В. Потапов // Вопросы языкознания. – М., 2002. – №2. – С. 103-128.
8. Яшина Н. В. Коммуникативные и интонационные особенности дискурса телеинтервью : Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 – Германские языки / Н. В. Яшина. – Иваново, 2007. – 20 с.
9. Shtakina L. Pausation and Discourse Processing / L. Shtakina // USSE 4th Symposium. Abstracts. – К., 2007. – P. 101-102.
10. www.bbc.co.uk/programmes/b007mdcg
11. <http://youtube/OPSbipZv9Dc>

АННОТАЦИЯ

Штакина Л. А. Семантико-временное квантирование адресатоцентрического дискурса: гендерный аспект

В статье рассматриваются особенности паузации моделей гендерной дихотомии англоязычного дискурса «интервью». Акустические и перцептивные характеристики паузации проанализированы с учётом социо-коммуникативных ролей антропоцентров речевого континуума. Устанавливается алгоритм делимитации с учётом альтернации темпоральных пауз и явления хезитации.

Ключевые слова: дискурс, паузация, гендер, социо-коммуникативная роль, хезитация.

SUMMARY

Shtakina L. A. Semantic-temporal quanting of the addressee-centered discourse gender models

The article highlights pausation specifics of the gender dichotomy within the framework of the English interview discourse models. Acoustic and perceptible peculiarities of pausation are considered with the focus on the discourse socio-communicative roles. The timing grid of the speech continuum delimitation is disclosed through the alternation patterns of brief, unit and hesitation pauses.

Key words: discourse, pausation, gender, socio-communicative role, hesitation.

*Л.А. Штакина,
М.С. Говжеева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'38=111

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РИТМИЗАЦИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНО-КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

На современном этапе развития лингвистики открытым является вопрос о закономерностях функционирования концептов и их вербализации в дискурсе.

Одним из типов информации текста/дискурса является содержательно-концептуальная модель как авторское творческое переосмысление отношений между явлениями, понимание их причинно-следственных связей. Устанавливается дискурсивная сущность концепта, с одной стороны, как замысел автора, с другой, как его содержательная интерпретация [2, с. 25].

В современной лингвистике текста и когнитивной поэтике разрабатывается понятие текстового (художественного) концепта [1, с. 268], который характеризует авторский выбор концептуальных приоритетов и формирует индивидуально-авторскую картину мира в художественном произведении [5, с. 170].

Следует отметить, что языковое выражение концепта может получить в концептуальной системе несколько интерпретаций, т. е. может интерпретироваться разными концептуальными структурами, которые разным образом связаны одна с другой. Построение концептуальной системы есть, таким образом, и построение вместе с тем «концепта – функции», воплощающей выбор, предпочтение, отдаваемые в данной системе определенному концепту или определенной концептуальной структуре. Концепт отождествляется со смыслом по Р. И. Павиленису, с «системой мнений», или «концептуальной картиной мира» носителя языка [6, с. 207].

Актуальным представляется изучение художественных концептов, «существующих в пространстве текста и представляющих собой сложное, многогранное и многоуровневое структурно-семантическое образование» [8, с. 58-60].

Художественные концепты, как отмечает С. А. Аскольдов, тяготеют к образу, но образ в данном случае лишь намек к раскрытию по части целого. Изучение языковой репрезентации художественного концепта является важным и необходимым для осознания идейного смысла художественного текста и для

понимания менталитета данной литературной личности, ее творческой манеры [1, с. 70].

Художественный концепт по своей природе представляет собой совокупность индивидуально-авторского и общекультурного содержательных компонентов, поэтому он является важным элементом ментальной основы идиостиля [4].

Интерес лингвистов к проблемам когнитивной специфики дискурса прогнозирует исследование его многоуровневой ритмической стратификации. По мнению современных лингвистов, в основе ритмической организации текста находится «внутренний глубинный страт ритма», который провозглашается как неразрывный сплошной континуум [7, с. 113].

В нашем понимании, ритм обеспечивает стабильный режим функционирования дискурса как суперсистемы, в основе которой лежит многоуровневая ритмическая стратификация.

Рассмотрение значимости ритма как лингвистической категории побуждает к освещению специфики этого феномена в плоскости художественного дискурса, которому присущи пропорция, гармония, симметрия. Ритм непосредственно выявляет специфику художественной речи в целом и является неперенным условием художественной целостности [3].

Вполне понятен тот факт, что концептуальный ритм как важный компонент репрезентации художественного произведения, в частности, коррелирует с динамикой смыслового развертывания вербального контекста, объединяя лексико-семантические и синтаксические средства в когерентную модель коммуникации.

Основой творческой составляющей художественного дискурса является система образности, которая имеет определённую концептуальную основу и вербально маркируется на лексико-семантическом уровне. Концептуальную основу художественного произведения, являющегося объектом нашего исследования, составляют макроконцепты – «Человек» и «Природа», представленные в контексте повести микроконцептами «психологическое состояние» и «живая природа». Именно пересечение этих концептуальных подкатегорий создает когнитивную (глубинную) составляющую ритма повести Э. Хемингуэя «The Old Man and the Sea». Наши наблюдения свидетельствуют о том, что концептуальная динамика авторского замысла вербально маркируется адекватными конститuentами лексико-семантической парадигмы.

Например:

They spread apart after they were out of the mouth of the harbor and each one headed for the part of the ocean where he hoped to find fish. The old man knew he was going far out and he left the smell of

the land behind and rowed out into the clean early morning smell of the ocean. He saw the phosphorescence of the Gulf weed in the water as he rowed over the part of the ocean that the fishermen called the great well because there was a sudden deep of seven hundred fathoms where all sorts of fish congregated because of the swirl the current made against the steep walls of the floor of the ocean [9].

В данном отрывке макроконцепты «Человек» и «Природа» представлены лексико-семантическим повтором, отражающим комбинаторику ритмической модели «*ocean – fish – the old man – he – he – the ocean – he – the water – he – the ocean – the fishermen – fish – the current – the ocean*». Лексемы «*the old man*», «*the fishermen*», «*the current*», «*he*» являются опорными точками развития сюжета, коннекторами смысловой связи, которые, с одной стороны, отражают динамику жизни главного героя, а с другой – особенности концептуальной базы художественного произведения, которая находит своё отражение в вербальном контексте в силу авторской аранжировки образности. Символизирующие лексематическую рекуррентность, эти лексические единицы тем или иным образом отражают психологическое состояние героя – состояние возбуждения перед предстоящей рыбалкой.

The iridescent bubbles were beautiful. But they were the falsest thing in the sea and the old man loved to see the big sea turtles eating them. The turtles saw them, approached them from the front, then shut their eyes so they were completely carapaced and ate them filaments and all. The old man loved to see the turtles eat them and he loved to walk on them on the beach after a storm and hear them pop when he stepped on them with the horny soles of his feet [9].

В этом отрывке художественного дискурса компонентами ритмической модели являются лексемы «*sea*» и «*the old man*», которые маркируют состояние покоя, равновесия, защищенности и оптимизма. Море выступает в произведении как живой субъект, поэтому автор раскрывает динамику жизни главного героя в его тесном взаимодействии с субъектом живой природы, олицетворяющей внутренний мир Сантьяго. Ритмическая модель «*the sea – the old man – sea – the old man – he – a storm – he*» сигнализирует динамику концептуального поля и рекомбинацию лексико-семантических маркеров смыслового развёртывания пространственно-временного континуума литературного произведения.

He remembered the time he had hooked one of a pair of marlin. The male fish always let the female fish feed first and the hooked fish, the female, made a wild, panic-stricken, despairing fight that soon exhausted her, and all the time the male had stayed with her, crossing

the line and circling with her on the surface. He had stayed so close that the old man was afraid he would cut the line with his tail which was sharp as a scythe and almost of that size and shape. When the old man had gaffed her and clubbed her, holding the rapier bill with its sandpaper edge and dubbing her across the top of her head until her colour turned to a colour almost like the backing of mirrors, and then, with the boy's aid, hoisted her aboard, the male fish had stayed by the side of the boat. Then, while the old man was clearing the lines and preparing the harpoon, the male fish jumped high into the air beside the boat to see where the female was and then went down deep, his lavender wings, that were his pectoral fins, spread wide and all his wide lavender stripes showing. He was beautiful, the old man remembered, and he had stayed [9].

Чередование лексических единиц, которые символизируют концептуальную динамику художественного произведения, отражают изменение настроения героя, переход от пессимистического настроения, чувства одиночества, отчаяния к чувству тревоги, растерянности, возбуждения и, наконец, восхищения. Психологическое состояние героя маркируется с помощью ритмической модели «*he – he – fish – fish – fish – the surface – he – the old man – he – the old man – the boy's – fish – the old man – fish – the old man*». Рыба для Сантьяго – это не просто живое существо, а часть его жизни, не менее важная, чем человек. «Природа» является мощной стихией, наполняет жизнь героя драматизмом, борьбой со стихией, становится смыслом жизни. Маркером микроконцепта «Живая природа» в данном случае является лексема *fish*, которая символизирует смысл жизни Сантьяго.

Таким образом, лексико-семантический уровень актуализации авторского замысла маркирует концептуальный пласт художественного произведения и эксплицирует концепт как основу информационного баланса.

Всё вышесказанное даёт основания утверждать, что ритмическое моделирование содержательно-концептуальной информации художественного дискурса коррелирует с авторской концептосферой. Таким образом, концепт – это смысл, информация о том, что человек знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира, а концептуальный ритм как базовый пласт ритмизации авторского замысла отражается в смысловом разворачивании художественного произведения и символизирует специфику содержательно-концептуальной информации.

Перспектива дальнейшего исследования заключается в изучении особенностей корреляции концептуального и

просодического ритма с целью выявления механизма интеграции супraseгментных единиц, отражающих фоноконцептуальную модель интерпретации художественного дискурса, что приобретает особую актуальность в развитии ритмической текстологии как сравнительно нового направления современной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 279 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
3. Гумовская Г. Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста : дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.04 – Германские языки / Галина Николаевна Гумовская. – М., 2000. – 352 с.
4. Кривошапко С. А. Концепты время и пространство в лирической поэзии С. А. Есенина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 – Теория языка / Кривошапко Светлана Александровна. – Ростов-на-Дону, 2010. – 24 с.
5. Никонов В. Г. Трагедійна картина світу в поезиї Шекспіра: Монографія / В. Г. Никонов. – Днепропетровск : ДУЕП, 2007. – 364 с.
6. Павиленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – М., 1983. – 110 с.
7. Потапова Р. К., Прокопенко С. В. К опыту изучения семантико-синтаксической ритмизации текстов художественной прозы // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 101–114.
8. Черкасова И. П. Лингвокультурный концепт «ангел» в пространстве художественного мышления: Монография / И. П. Черкасова. – Армавир: АГПУ, 2005. – 256 с.
9. Hemingway E. The old Man and the Sea [Электронный ресурс] / E. Hemingway. – Режим доступа : <http://etextread.ru/Book/Read/15792>

АННОТАЦИЯ

Штакина Л. А., Говжеева М. С. Лексико-семантическая ритмизация содержательно-концептуальной информации в художественном дискурсе

В статье рассматриваются лексико-семантические маркеры концептуальной динамики художественного дискурса.

Исследование ритмизации авторского замысла проводится с учётом явления лексематической рекуррентности. Особенности лексико-семантической ритмизации литературного произведения устанавливаются на основе рекомбинаций лексического повтора, маркирующего концептуальное поле дискурса и динамику содержательно-концептуальной информации.

Ключевые слова: ритм, дискурс, концепт, контекст, информация, стратификация.

SUMMARY

Shtakina L. A., Govzheyeva M. S. Lexico-semantic rhythmicity of the literary discourse cognitive information processing

The article highlights lexical-semantic markers of the literary discourse conceptual dynamics. The focus of this research is primarily on the lexemic recurrence of the verbal context. Peculiarities of the discourse rhythmicity are singled out through the network of semantically adequate markers of the discourse conceptual entities. Specifics of the discourse imagery is considered within the framework of the literary work conceptualization.

Key words: rhythm, discourse, concept, context, information, stratification.

*О.І. Баранова
(м. Горлівка, ДНР)*

УДК 81'342.2(=111)

КОАРТИКУЛЯЦІЙНІ ПРОЦЕСИ В КОНСОНАНТНИХ КЛАСТЕРАХ ТА ПРОБЛЕМА НАВЧАННЯ АНГЛІЙСЬКОЇ ОРФОЕПІЧНОЇ ВИМОВИ В СЕРЕДНІЙ ШКОЛІ

Коартикуляційні процеси з давніх пір є предметом вивчення фонетистів, а практичний курс фонетики будь-якої мови знайомить тих, що її вивчають, з основними тенденціями впливу фонетичного оточення на артикуляцію звуків, що знаходяться поряд. Інтерес до вивчення коартикуляційних проявів можна пояснити тим, що науці поки мало про це відомо. Лише невелика кількість лінгвістів займаються дослідженнями мови та мовлення з боку фонетики. Спеціалісти припускають, що коартикуляційні процеси можуть стати відповіддю на питання, як реалізується формування мови, яким чином наш мозок та центральна нервова система керують цим процесом.

З курсу практичної фонетики відомо, що артикуляція – це сукупність рухів та положення органів мови, необхідних для утворення звуків, що є характерними для мови. Артикуляція будь-якого звука складається з трьох фаз: екскурсії, переходу артикуляторів від стану спокою до положення, характерного для вимовляння даного звука; витримки, що відповідає цьому положенню; рекурсії, повернення артикуляторів до стану спокою. Перехід від однієї фази до іншої відбувається за допомогою декількох рухів. Однак, було б помилково вважати, що звуки в потоці мови є дискретними, незалежними один від одного сегментами, які вимовляються, послідовно витримуючи кожен з трьох фаз артикуляції. Насправді в процесі комунікації ми вимовляємо не окремі звуки, а взаємозв'язані звукові послідовності, і артикуляція будь-якого звука в потоці мови знаходиться під впливом артикуляції сусідніх звуків [1, с. 88].

Інколи артикуляційні рухи сусідніх звуків не накладаються, а так би мовити підлаштовуються один до одного. Наприклад, точна локалізація перепони для велярного вибухового [к] залежить від наступного голосного. Звук [к] буде більш поглибленим в тому випадку, якщо за ним іде голосний переднього ряду. В цьому не важко впевнитися, якщо послідовно вимовити слова *key-car*, *keel-cool*. У слові *dry* місце виникнення перепони при артикуляції [d] зсувається до заальвеолярної зони під впливом подальшого заальвеолярного апроксиманта [ɹ].

Подібні явища, хоча і в різному ступені, можна спостерігати як в ретельному, так і в швидкому мовленні. Інколи вплив артикуляції одного звука на інший є несуттєвим, але часто відбувається так, що артикуляції звуків, що знаходяться поряд, зазнають значних змін. Німецькі вчені П. Менцерат та А. Лацерда були у числі перших, хто почали детально вивчати накладання артикуляційних жестів сусідніх звуків. Цей процес був названий коартикуляцією (coarticulation). Коартикуляцію можна визначити як вплив фонетичного контексту на артикуляцію мовних звуків, що має широке розповсюдження в різних мовах.

Фонетисти-експериментатори, що працюють в цій сфері, намагаються встановити причини, через які виникають коартикуляційні тенденції, визначити, як взаємодіють артикулятори в момент вимовляння звука, у якій фазі відбувається накладання артикуляційних жестів, коли відбувається зближення голосових зв'язок, які механізми нашого організму забезпечують точну скоординованість мовних органів і т.д. Ще залишається багато питань, адже через технічні труднощі отримання експериментальних даних, навіть в умовах лабораторних експериментів, є неможливим. Незважаючи на це, встановлено,

що коартикуляція виникає під впливом головним чином двох причин, що мають універсальний характер [1, с. 89].

Перша причина обумовлена прагненням людини, що говорить, швидко та ефективно передати інформацію в максимальному стислий термін, доклавши при цьому мінімум зусиль. Збільшити швидкість вимовлення мовного відрізка стає можливим при накладанні артикуляційних рухів, що входять у склад інших звуків, що водночас зменшує навантаження на м'язи, які беруть участь у здійсненні цих рухів. Внаслідок цього деякі звукові сегменти в слові можуть випадати, а різниця в артикуляції інших може бути зведена до мінімуму.

Друга причина, що сприяє виникненню коартикуляції, є чисто фізіологічною. Обмеження, які діють при артикуляції, яскраво проявляють себе при вимовлянні скоромовок типу *Карл у Клары украл кораллы*. Труднощі, що виникають при цьому, наочно показують, що мовні органи характеризуються різними руховими здатностями. Коартикуляція легко виникає в тих випадках, коли основні артикуляційні рухи сусідніх звуків відбуваються за допомогою різних органів.

Термін «коартикуляція» використовується у якості загальної назви для процесів, що позначають вплив артикуляції сусідніх звуків. У більш вузькому значенні розрізняють власне коартикуляцію, асиміляцію та акомодацию.

Під власне коартикуляцією розуміють процес поєднання артикуляційних рухів. Терміни «асиміляція» та «акомодация» вживають при описанні результатів поєднання артикуляційних рухів, коли артикуляція будь-якого звука зазнає деяких змін під впливом артикуляції сусіднього звука, при цьому вплив приголосного на приголосний називається асиміляцією (*dry*), а голосного на приголосний – акомодациєю (*key*) [1, с. 89].

Тим, що вивчають іноземну мову, необхідно познайомитися з основними правилами взаємодії звуків, що є типовими для даної мови, і навчитися їх дотримуватися у власному мовленні, тому що ігнорування цих явищ призводить до посилення іншомовного акценту, і це робить мову того, хто говорить, важкою для сприйняття, а це, в свою чергу, заважає комунікації.

Розглянемо найбільш помітні для англійської мови випадки впливу одного звука на інший: втрата вибуху, носовий вибух, латеральний (боковий вибух), комбінації проривних та фрикативних приголосних.

Для англійської мови найбільш характерними є різноманітні коартикуляції приголосних. Вони можуть торкатися практично будь-якої ознаки в їх утворенні: робота голосових зв'язок, місце артикуляції, спосіб артикуляції, положення губ [1, с. 93].

Ми навели лише ряд прикладів коартикуляційних процесів в консонантних кластерах. Коартикуляційний процес між приголосними зазначається як асиміляція.

Лінгвістичний енциклопедичний словник дає таке визначення терміну асиміляція: (з лат. *assimilation*-уподібнення) – це один з найбільш розповсюджених видів комбінаторних змін звуків: артикуляційне уподібнення в процесі мовлення звуків один до іншого в межі слова або словосполучення.

Асиміляція є одним із процесів, який потрібно розуміти тим, що вивчають англійську мову, адже без цього неможливо усунути іншомовний акцент та оволодіти орфоепічною (літературною) вимовою.

У сучасній лінгвістиці поняття «вимова» має два тлумачення: вузьке та широке. У вузькому значенні «вимова» обмежується тільки вимовою звуків мови. При широкому тлумаченні цього терміна він огортає всі компоненти фонетичної будови: 1) його звуковий склад, тобто систему, так би мовити, сегментних фонем у їх реалізації у вигляді конкретних звуків, які є алофонами (відтінками, варіантами) тих чи інших фонем; 2) мовленнєву структуру складу (складоутворення та складоділення); 3) словесний наголос та 4) інтонацію – в широкому значенні цього терміна, тобто як діалектичної єдності фразової мелодики, фразового наголосу, темпу, паузації, ритму, тембру висловлювання.

Оскільки мова може служити найважливішим засобом людського спілкування тільки за умови, що вона існує в мовленні в матеріальній формі звуків, які вимовляють та сприймають, володіння вимовою абсолютно необхідно для використання мови в усіх її функціях. Психологія мови доводить, що і на письмі, і при внутрішньому артикулюємому читанні вимова також є присутньою у того, хто пише або читає, але найбільш яскраво вона проявляє себе при говорінні та читанні вголос – як рідною, так і іноземною мовами. Із факту існування не тільки зовнішніх виявів вимови, а і внутрішніх, можна зробити висновок про величезну важливість вивчення вимови іноземної мови в будь-якому учбовому закладі, у тому числі, в середній школі.

Програма з іноземної мови для середньої школи передбачає вивчення школярами (у визначеному обсязі) усіх видів мовленнєвої діяльності, у тому числі говоріння та читання вголос. Неодмінною умовою для навчання всіх, а особливо останніх двох видів діяльності, є навчання відповідної іноземної вимови. Таким чином, іноземна вимова – це також і програмна вимога [2, с. 5].

Існують два види вимови, які засвоюються при навчанні: орфоепічна вимова та апроксимована, тобто вимова, наближена в тому чи іншому ступені до орфоепічної.

Іноземна орфоепічна вимова – це така вимова, яка практично співпадає з літературною (стандартною) вимовою освічених носіїв вивчаємої мови. Володіння орфоепічною вимовою не є обов'язковим для розуміння інших осіб, які говорять з орфоепічною вимовою (як природних носіїв мови, так і тих, для кого вона не є рідною). Для цих цілей достатньо апроксимованої вимови.

В апроксимованій вимові, як і в орфоепічній, відсутні фонологічні помилки. Але апроксимована вимова характеризується не фонологічними помилками такої якості й у такій кількості, яка дозволяє сприймати усну мову та читання вголос даною мовою [2, с. 6].

Навчити іншомовної орфоепічної вимови основну частину школярів і студентів немовних учбових закладів практично неможливо. Головним фактором, що обумовлює цю неможливість, є дуже мала кількість годин, яка відводиться на вивчення фонетики англійської мови. Адже, для літературної вимови звуків, школярі перш повинні навчитися розрізняти фонеми та процеси, які мають місце у буквосполученнях. У фонемному аспекті школярі припускаються таких помилок:

1. недостатнє розмежування фонем;
2. надмірне розмежування палаталізованих і не палаталізованих фонем;
3. надмірним розмежуванням англійської задньоязикової фонери [g], яка викликана наявністю відповідників цієї фонери в українській мові: задньоязикової та фарингальної фонери;
4. відхилення у вимові англійських шумних приголосних унаслідок того, що диференційною ознакою під час розрізнення англійських сильних/глухих та слабких/дзвінких приголосних є напруженість артикуляції, а не робота голосових зв'язок, тоді як в українській мові шумні приголосні протиставляються за диференційною ознакою дзвінкості-глухості;
5. заміною апікально-альвеолярних приголосних [t], [d], [s], [z], [n], [l] на дорсально-дентальні.

У фонетичному аспекті вимови приголосних допускаються такі помилки:

- 1) палаталізація алофонів англійських приголосних фонери;
- 2) відсутність палаталізації алофонів альвеолярних приголосних перед голосним заднього ряду та [l] (clear l);

3) оглушення дзвінких приголосних в кінці слова без збереження опозиції англійських приголосних за силою-слабкістю;

4) відсутність нейтралізації аспірації або її зменшення у відповідних позиціях;

5) недотримання у мовленні явищ носового і бокового прориву, відсутність утрати прориву;

6) некоректна вимова складів зі складотворним сонантом;

7) відсутність лабіалізації приголосних під впливом [w];

8) відсутність веляризованих алофонів фонем [l] та [n];

9) відсутність елізії [t], [d] як середнього компонента сполучень альвеолярних проривних;

10) відсутність у мовленні [r], що виконує функцію зв'язки;

Таким чином, хотілося б зауважити, що коартикуляційні процеси, зокрема асиміляція, дійсно впливають на формування літературних норм англійської вимови.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бурая Е. А. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс / Е. А. Бурая, И. Е. Галочкина, Т. И. Шевченко. – М., 2006. – 150 с.
2. Витлин Ж. А. Современные проблемы обучения грамматике иноязычных языков / Ж. А. Витлин // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 5. – С. 22.
3. Грязнова Н. А. Ассимиляция / Н. А. Грязнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 48.
4. Даниэль Джоунз. Словарь английского произношения / Джоунз Даниэль. – М., 1965. – С. 15-19, 31-32.
5. Зиндер Л. Р. Фонема в потоке речи. Модификация фонем / Л. Р. Зиндер // Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. – М., 1979. – С. 217-234.

АННОТАЦИЯ

Баранова О. И. Коартикуляционные процессы в консонантных кластерах и проблема обучения английскому орфоэпическому произношению в средней школе

Статья посвящена процессу коартикуляции, причинам ее возникновения и влиянию коартикуляционных процессов на развитие норм литературного произношения.

Ключевые слова: артикуляция, коартикуляция, консонантные кластеры, ассимиляция, орфоэпическое произношение.

SUMMARY

Baranova O. I. Coarticulation processes in consonants clusters and the problem of teaching RP at secondary school

The coarticulation processes and the causes of their formation are analysed in the article as well as the influence of these processes on the developing of RP.

Key words: articulation, coarticulation, consonant clusters, assimilation, RP.

*Н.В. Гладкая
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81'23

ЛОГОЭПИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В последнее десятилетие лингвистический интерес к невербальным средствам коммуникации значительно возрос. Этому способствовало интернет-пространство, которое в современном обществе играет значимую роль. Являясь уникальной виртуальной средой, Интернет предоставляет неограниченные возможности своим пользователям. Особое место занимает интернет-общение, которое привело к нейтрализации оппозиции устной и письменной речи и созданию особого типа речи – речи интернет-дискурса [10]. В современной сети Интернет широкой популярностью пользуются именно визуальные формы общения. Одной из таких форм являются так называемые креолизованные тексты (мемы, демотиваторы, интернет-комиксы, эдвайсы и проч.), т. е. «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [11, с. 180-181].

Причиной популярности является их развлекательно-юмористический характер. «Создавая или воспринимая высказывание в процессе коммуникации, каждый человек, прежде всего, опирается на свой опыт и знания о мире, соотнося сказанное с действительностью и производя мыслительные операции по выявлению смысловых ядер текста)» [12]. Для восприятия креолизованных текстов адресат должен обладать не только чувством юмора, но и уметь извлекать из комического текста «элементы имплицитного смысла высказывания, которые непосредственно, очевидным образом в смысл предложения не входят, но выводятся слушающим в речевом акте» [5].

Жанр демотиватора соединил в себе как традиционные, так и новые культурные свойства. Как правило, для создания комического эффекта используется смысловая неоднозначность. Демотиватор несет в себе определенный скрытый, имплицитный смысл, который адресат может понять не сразу, а в результате некой мыслительной операции, кроме того, интерпретация полученной информации может быть разной. Имплицитная информация не имеет своего собственного, прямого вербального выражения, ее содержание не получает непосредственного словесного воплощения, но оно становится известным, доступным для адресата сообщения благодаря речемыслительной операции импликации (вывода), извлечения невысказанного из высказанного, то есть из компонентов семантики, представленных в значении материально-языковой формы единиц речи или их элементов.

Этот вывод может зависеть от многих факторов: воспитания реципиента, его культурного уровня, фоновых знаний, общей экстралингвистической информации и др. Поэтому для максимально полного понимания демотиватора крайне важна пресуппозиция: адресат формирует определенный смысл на основе личного опыта и фоновых знаний.

Понятие пресуппозиции включает в себя как контекст, так и ситуацию, в которой сделано некоторое высказывание. Жанр демотиватора позволяет обыгрывать пресуппозиции, так как прецедентные элементы, включенные в его состав, отражают специфику современной культурной ситуации. Сам жанр демотивационного постера можно считать прецедентным феноменом, то есть регулярно воспроизводимым и хорошо известным всем представителям социально-культурного пространства (прецедентным может выступать известная фраза, герой сериала или кино, медийные персонажи и т.д.).

Информация о культуре того или иного народа, извлекаемая из опыта, хранится в памяти человека не в хаотическом беспорядке, а в виде разного рода мыслительных образов, находящих выражение в языке в виде прецедентных феноменов. Трансформированные прецедентные высказывания (логоэпистемы) создают эффект языковой игры, каламбура, когда его вербальная и визуальная составляющая обыгрывают разные значения одного и того же слова [3]. К числу прецедентных высказываний можно отнести различные цитаты, афоризмы, пословицы, трансформированные крылатые выражения, поговорки.

Структура прецедентного высказывания имеет три уровня: 1) *поверхностное значение* – складывается из суммы значений составных элементов высказывания; 2) *глубинное значение* –

представляет собой нечто большее, что образует «лексико-семантическую структуру высказывания»; 3) *системный смысл* – сочетание «глубинного смысла», знаний и представлений о прецедентном тексте или ситуации, которые лежат в основе данного высказывания [7].

Логоэпистемические единицы чаще всего используют в креолизованных текстах, так как они служат маркерами, определяющими ход мыслей реципиента, стимулируют формирование ассоциативных связей, а также являются смыслосодержащей частью коммуникации. Логоэпистемы функционируют как сжатый, сконцентрированный текст, поэтому новое его содержание выражается через призму национально-культурных представлений о жизни, а это способствует развитию эмоциональности их смыслового содержания. Таким образом, за ними всегда стоит какой-либо текст, высказывание, прецедентная ситуация.

Мы рассмотрим прецедентные феномены, которые являются показателем когнитивно-тезаурсного уровня. Когнитивно-тезаурсные импликатуры проявляются в случае, когда взаимодействие семантики известной части сообщения с когнитивными знаниями реципиента (знаниями тематики сообщения и фоновыми знаниями о мире) порождают понимание, основанное на смысловом заключении. Такая особенность характерна и для логоэпистемных единиц.

Учитывая теорию Е.Н. Канаевой, мы выделяем логоэпистемные единицы по признаку автономности/связности с текстом-источником [8]. Таким образом, к структурно связанным с текстом-источником относятся известные цитаты, строчки из песен, названия произведений и т.д. Например, в демотиваторе *Перемен требуют наши сердца* (Рис. 1) иконический компонент

отсылает нас к одному из значений слова *перемена* – ‘перерыв между занятиями в учебном заведении’, а вербальный компонент подразумевает прямое значение данного слова – ‘наступившее в чем – чем-н. изменение, поворот к чему-н. новому, появление чего-н. нового’ [4].

Рис. 1

В то же время данный пример содержит в себе четкую концептуально-прагматическую составляющую, т. е. он может быть понят только теми адресатами, которые знакомы с русской культурой, в частности русским роком и личностью Виктора Цоя, так как вербальный компонент содержит цитату из одноименной песни музыканта. Следовательно, простого наличия изображения и текста в демотиваторе для его правильного понимания недостаточно: нужна культурологическая основа.

Следующая разновидность – логозпистемные единицы, связанные с ситуацией-источником, указывают на определенную прецедентную ситуацию. В демотиваторе *И тебя, Брут* (Рис. 2) трансформированный вербальный компонент отсылает нас к историческому факту, иконическая часть заставляет нас расширить ассоциативный ряд, тем самым реализовывая «эффект обманутого ожидания» и вызывая комическую реакцию.

Изображение как важнейший компонент креолизованного текста несет значительную функциональную нагрузку. «Оно является сильным зрительным возбудителем, притягивает к себе внимание адресата, вызывает готовность вступить в коммуникативный контакт» [6].

Рис. 2

К последней «автосемантической» [8] группе можно отнести различные пословицы, поговорки и т.д., которые утратили связь с первоисточником и приобрели новое значение благодаря смысловой и вербальной трансформации. В демотивационных постерах формируются контексты, в которых происходит пересечение семантических полей, и, как следствие, совмещение значений разных языковых единиц, имеющих тождественный план выражения. Это является основой для языковой игры, которая формируется на стыке вербальной и иконической части. На рисунке № 3 надпись гласит о *Курсе молодого отца*. Происходит взаимодействие семантики известной части сообщения с когнитивными знаниями реципиента (знаниями тематики сообщения и фоновыми знаниями о мире) порождают понимание, основанное на смысловом заключении.

Рис. 3

Вербальный компонент заставляет нас обратиться к когнитивным знаниям, в частности сначала узнать логоэпистему, затем воспроизвести в памяти первоначальный текст (*Курс молодого бойца*), сопоставить исходное значение (*Курс молодого бойца – начальный период прохождения службы в учебных заведениях Минобороны России, МЧС России, МВД России, ФСИН России и др.*) с производным (*Курс молодого отца – трудности, с которыми столкнется молодой отец в воспитании ребенка, в частности разбросанные игрушки Lego*), а затем только осмыслить трансформированный вербальный компонент и его философское смысло содержание. Иконический компонент служит иллюстрацией трансформированной логоэпистемы. Мы получаем «эффект обманутого ожидания», а смысловое заключение является результатом взаимодействия семантики сообщения со знаниями слушающего о мире.

Таким образом, демотиваторы представляют собой единство иконического и вербального компонентов на содержательном, языковом и композиционном уровнях. Кроме того, данный жанр отличается высокая прагматическая функция, которая выражается на уровне пресуппозиций. Пресуппозиция не только способствует раскрытию имплицитного смысла высказываний или подтекста отдельных частей высказывания, но также сама пресуппозиция может основываться на знании имплицитного смысла предыдущего высказывания и подтекста предшествующих отрезков текста. Кроме того, в статье осуществлена попытка классификации логоэпистемных единиц, которые, являясь сжатым текстом, содержат в себе национально-культурные особенности, а употребление их с прецедентным текстом или ситуацией вызывает у реципиента определенный ассоциативный ряд. Приведенные примеры показывают, что для правильного понимания демотиваторов необходима национально-культурная составляющая, определяющая содержание авторского замысла,

а пресуппозиция как явление языка выступает в качестве механизма связи языковых единиц с экстралингвистическими явлениями, в том числе и фоновыми знаниями. Вопрос баланса между вербальной и иконической составляющей остается открытым, и это обеспечивает целесообразность дальнейшего исследования данной темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. – М., 1973. – Т. 32. – Вып. 1. – С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. – № 5. – С. 74-85.
3. Бабина Л. В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М., 2013. – № 2 (20). – С. 28-33.
4. Большой толковый словарь русского языка; под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237
6. Данилова Ю. Ю. Типы креолизованных текстов в современном лингвосоциуме / Ю. Ю. Данилова, Д. Р. Нуриева // Елабужские филологические чтения: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (РТ, Елабуга, 17-18 октября 2013 г.). – Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2013. – С. 49-52.
7. Захаренко И. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. – М. : МАКС-Пресс, 1997. – С. 100-115.
8. Канаева Е. Н. Текстовые функции логоэпистемы (на материале газетных заголовков): автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.10 “Русский язык” / Е. Н. Канаева. – Москва, 2007. – 19 с.
9. Нуриева Д. Р. Креолизованный текст как феномен современного лингвосоциума: Сборник научных статей Казанского федерального университета: сборник статей / Мин-во обр. и науки; Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – С. 414-416.
10. Ушаков А. А. Интернет-дискурс как особый тип речи [Электронный ресурс] / А. А. Ушаков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и

- искусствоведение. – 2010. – № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-diskurs-kak-osobyuy-tip-rechiretsenzirovana>
11. Сорокин Ю. А. Креолизированные тексты и их коммуникативная функция / Сорокин Ю. А., Тарасов Е.Ф. // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180-186.
 12. Шендельс Е. И. Имплицитность в грамматике // Сб. науч. тр. МГПИЯ им М. Тареза. – М., 1997. – Вып. 112. – С. 109-120.
 13. Щурина Ю. В. Комические креолизированные тексты в интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – № 57. – С. 82-86.

АННОТАЦИЯ

Гладкая Н. В. Логоэпистемный характер креолизованного текста в интернет-коммуникации

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единицы прецедентных феноменов на представителей той или иной лингвокультуры. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизированных текстов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации. В статье осуществлена попытка классификации логоэпистемных единиц, которые, являясь сжатым текстом, содержат в себе национально-культурные особенности, а употребление их с прецедентным текстом или ситуацией вызывает у реципиента определенный ассоциативный ряд.

Ключевые слова: импликатура, логоэпистема, интернет-коммуникация, креолизированный текст, прагматический потенциал, пресуппозиция.

SUMMARY

Gladkaya N. V. Logoepestem's character of creolized text in Internet communication

This article discusses the key features and the most common mechanisms for creating creolized text in the Internet communication, as well as its impact on the recipient and the impact of logoepestem's units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topicality of the problem under study is due to the need to create basic models of the formation system of creolized texts. The study identified the role and importance of visual information in the Internet communication. The article made an attempt to classify logoepestem's

units being a compressed text and containing national-cultural characteristics, and their use with a precedent text or situation makes the recipient create a specific associative array.

Key words: implicature, logoepistema, Internet communication, creolized text, pragmatic potential, presupposition.

Ю.Л. Дмитриева
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81-11

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КАРТИНА МИРА», «ОБРАЗ МИРА» И «МОДЕЛЬ МИРА»

В современных лингвистических исследованиях, ориентированных на междисциплинарность (работах синтезирующего типа), для обозначения субъективного представления объективной реальности используется ряд терминов, в числе которых *картина мира*, *образ мира* и *модель мира*. Однако однозначной точки зрения относительно смыслового разграничения рассматриваемых единиц нет.

Целью статьи является рассмотрение соотношения понятий «картина мира», «образ мира» и «модель мира».

В отечественном языкознании *картина мира* часто эксплицируется посредством *образа мира*, который рассматривается как некая основа жизнедеятельности личности, возникающая при взаимодействии человека с окружающим миром. Эти термины часто выступают как взаимозаменяемые, поскольку обозначают совокупность знаний индивида о мире и являются принадлежностью его сознания.

В работах И. В. Зыковой, Л. Б. Никитиной, С. В. Ракитиной, Н. А. Чушевой и др. лишь предпринимается попытка описывать содержание понятий «картина мира», «образ мира» и «модель мира». Ср.: «Учёный рассматривает физическую картину мира лишь как один из способов описания Мира, называет её основных создателей (*физик, механик*), указывает на объекты, ими рассматриваемые (*эфир, энергия, кванты, силовые линии, вихри, корпускулы*), и говорит, что такая **модель** представляет лишь рационалистичную «*схему строения Мира*» [13, с. 119]; «Актуальным и дискуссионным для современной науки остается вопрос о том, какое место занимает в этой иерархии ЯКМ: выступает ли она в системе миропредставлений человека как самостоятельный образ мира или ее роль сводится к отображению концептуальной **картины мира**» [11, с. 43]; «По мнению многих

исследователей, разработка проблемы **образа** имеет большое значение не только для теоретической психологии, но и для решения многих практических задач. В психологии картина мира рассматривается в контексте мира конкретного человека и мира в целом» [17, с. 21]. Однако разграничение терминов *картина мира* и *образ мира* приводится в концепциях В. И. Постоваловой и Н. Ф. Алефиренко, которые настаивают на их родовой и видовой сущностях.

В. И. Постовалова оперирует терминами *картина мира* и *образ мира* для обозначения структуры, репрезентирующей знания человека о среде, приобретённые в ходе взаимодействия индивидуума с реальностью. Кроме того, исследователь эксплицирует картину мира через образ мира: «*Картина мира* есть целостный глобальный *образ мира*... (здесь и далее выделено нами – Ю. Д.)» [12, с. 19]; «... глобального *образа мира*, именуемого *картиной мира*» [12, с. 20]; «Наиболее адекватным пониманием *картины мира* представляется определение её как исходного глобального *образа мира*...» [12, с. 21] и т.д. В концепции В. И. Постоваловой образ мира выступает в качестве структурно простой единицы, входящей в состав структурно более сложного образования – картины мира, устройство которой представлено в виде поля с ядром и периферией: «Хотя исходное мироощущение человека и является врождённым, но *образ мира*, составляющий ядро *картины мира*, нельзя признать таковым» [12, с. 30]. В качестве примера образа мира исследователь указывает на представления о мире как хрустальном шаре, или черепахе, стоящей на китах. Рассматривая характеристики и возможные классификации картины мира, В. И. Постовалова отмечает, что в процессуально-динамическом представлении картина мира может быть определена как структурно сложное динамическое образование, которому свойственно зарождение, становление, развитие и распад. Отмечая в соответствии с семиологическими представлениями наличие у картины мира содержания, квалифицируемого как идеальный объект, и формы, в которой реализуется идеальный объект, В. И. Постовалова трактует образ мира как содержательный компонент картины мира. Следовательно, исследователь разграничивает «картину мира» и «образ мира» как широкое и узкое понятия, одно из которых лежит в основе формирования другого.

О понимании *картины мира* как более широкого термина относительно *образа мира* говорит и Н. Ф. Алифиренко, отмечая, что «дифференциация понятий *картина мира* и *образ мира* возможна лишь в научных целях» [2, с. 100]. Основное отличие между картиной мира и моделью мира учёный видит

в том, что картина мира отражает познаваемый этносом мир, создавая наглядное представление о его реалиях, а модель мира является результатом концептуализации мировоззренческих категорий культуры этноса. По Н. Ф. Алефиренко, первичной является модель мира, поскольку она объективируется не только языком, но и другими знаковыми системами и средствами. Кроме того, модель мира выполняет объяснительную функцию, т.е. объясняет устройство объекта, представляет его схему. Картина мира квалифицируется учёным как готовый конструкт, т.е. выполняет констатирующую функцию. Отметим, что понятия «картина мира», «образ мира» и «модель мира» в концепции Н. Ф. Алефиренко связаны: одно проистекает из другого. Исследователь подчёркивает, что при взаимодействии образов предметов онтологической реальности и возникающих на их основе новых ассоциаций и смыслов «меняется рельеф *образа мира*, расширяя *картину мира*, а значит, изменяется её каркас, *модель мира*» [2, с. 101]. Однако мы не разделяем данную точку зрения, поскольку в метаязыке гуманитарных наук образ мира и модель мира получили эквивалентное значение.

Отметим, что в научный обиход первым введен термин *модель мира*, под которым понимают ментальный способ и результат репрезентации реальной действительности [5, с. 16]. В современном русском языке лексема *модель* имеет несколько значений: «1. Образец какого-либо нового изделия, образцовый экземпляр чего-либо. 2. Воспроизведение предмета в уменьшенном, иногда в увеличенном или натуральном виде. 3. Образец, с которого снимается форма для отливки или воспроизведения в другом материале. 4. То, что служит материалом для изображения, воспроизведения; натура» [16, стлб. 1131 – 1132]. В общенаучной методологии понятие «модель» рассматривается «как аналог (схема, образец, структура, система) определённого фрагмента действительности, выступающий в более упрощённом виде (материальном или мысленном), сохраняющий наиболее существенные свойства объекта-оригинала и служащий для его исследования – получения и расширения знаний о нём, возможного преобразования с целью последующего усовершенствования» [8, с. 43].

Следовательно, модель отличается наглядностью и воспроизводит изучаемый или наблюдаемый объект в наиболее существенных деталях, характеризуя его размер, форму, цвет, объём и т.п. При рассмотрении модели мира исследователи выделяют следующие её характеристики: первичность, простоту, наглядность, схематичность, а также ориентирование предмета в пространстве. Ср.: «Абсолютная простота и наглядность

исходной модели мира, лежащей в основе миропредставления человека и образующей его глубинный слой, её универсальность, позволяют ей выполнять роль посредника между отдельными людьми и целыми сферами социокультурной деятельности человека, а также внутри одной сферы, между конкурирующими направлениями» [12, с. 27]; «Языковая модель мира ориентирует каждый объект в пространстве относительно себя самого (отсюда такие понятия, как «перед», «бок», «верх», «низ» и под.) и относительно других объектов. Для языка важно не только, что это за объект, но и как и где он расположен, движется он или находится в покое, является фоном или фигурой и под. Другое свойство языковой модели мира – её особенная лабильность, позволяющая совмещать логически несовместимое» [14, с. 285]; «Модель мира представляет собой схему, которая заполняется отображёнными в сознании объектами окружающей действительности» [2, с. 101]. Таким образом, в основу модели мира положены только наиболее доминантные признаки объекта познания, которые позволят в дальнейшем выделять данный объект из числа других, либо отождествлять его с подобными. Она призвана свести воедино разрозненную информацию о познаваемой реальности и унифицировать полученное представление, отчасти упростив его. В качестве примера может служить модель вселенной, представленная посредством мирового дерева, денотаты которого выполняют каждый свою функцию: «На этой горе Сварог разбил Ирийский сад, в котором посадил росток, выросший в священный вяз, связующий своими корнями весь мир и поднявший ветви к самому небу. На горе Хвангуре вырос кипарис – дерево смерти, на горе Березани – берёза, дерево поэзии. В Ирийском саду Сварог посадил вишнёвое дерево, посвящённое Вышеню. Рядом с вишнёвым деревом вырос «солнечный дуб», который рос корнями вверх и ветвями вниз. В Ирии выросла яблоня с золотыми яблоками, дающими вечную молодость и власть над миром тому, кто их попробует» [15, с. 266-268].

Как правило, модели создаются для более детального изучения реалий или прогнозирования результатов взаимодействия с определённым объектом действительности. Их применяют, если «хотят изобразить некоторую область явлений с помощью другой, хорошо изученной и легче воспринимаемой» [8, с. 43]. Соответственно, моделирование мира служит для изучения и объяснения явлений различного порядка сквозь призму уже воспринятых и осмысленных объектов действительности.

В лингвистике термин *модель* применяется в связи с методом моделирования, т.е. изучения свойства/или структуры языкового факта на основании рассмотрения сущностных характеристик

их модели. Последнюю можно трактовать как алгоритм описания анализируемых феноменов согласно определённому регистру параметров такого описания. Применительно к модели мира, согласно В. Н. Топорову, разрабатывались системы бинарных признаков, квалифицируемых нами как параметры описания модели. «Это противопоставления, связанные с характеристикой структуры пространства (верх – низ, небо – земля, земля – подземное царство, правый – левый, восток – запад, север – юг), временными координатами [день – ночь, весна (лето) – зима (осень)], с цветовыми характеристиками (белый – чёрный или красный – чёрный), а также противопоставления, находящиеся на стыке природно-естественного и культурно-социального начала (мокрый – сухой, варёный – сырой, вода – огонь), обнаруживающие отчётливо социальный характер [мужской – женский, старший – младший (в разных значениях: возрастном, генеалогическом: предки – потомки, общественном), свой – чужой, близкий – далёкий, внутренний – внешний]: сюда же в известном смысле относится и более общее противопоставление, определяющее модус всего набора внутри модели мира: сакральный – мирской» [10, с. 161]. Бинарные признаки, приводимые исследователем, можно назвать культурными смыслами, объективированными языковыми средствами, поскольку они выражают национально-культурное своеобразие видения мира этноса. Они «проявляются в образных средствах языка, реализующих в своей семантике уподобление различных объектов окружающего мира по принципу аналогии. При этом образное видение мира имеет лингвистическую детерминированность, поскольку базируется на закреплённых в языковых единицах образах, общепринятых в определённой языковой культуре» [18, с. 3]. Их совокупность формирует образ мира.

В отечественное языкознание термин *образ мира* был введён А. Н. Леонтьевым. Само понятие, – утверждает И. В. Зыкова, – возникает на границе философии и психологии и изначально связано с изучением восприятия [5, с. 16]. О. Е. Баксанский и Е. Н. Кучер подчёркивают, что «восприятие субъектом реальности не происходит путём её зеркального отображения. Результатом этого знания является необходимость выявления структуры, в которой фиксируется видение индивидом окружающего мира. В качестве такой структуры и вводится категория “образ мира”. При этом образ мира понимается как субъективное эмоционально-когнитивное образование, являющееся носителем индивидуального видения (в широком смысле) реальности, а, следовательно, и взаимодействие с ней» [3, с. 52]. Отметим,

что рассмотрение образа мира тождественно модели мира в связи с наглядностью и многомерностью последней. Образ мира нельзя назвать просто зрительной картинкой, поскольку он аккумулирует важнейшие свойства и характеристики познаваемого, эмоциональные и физиологические реакции на них. Если модель воспроизводит познаваемый объект с целью его дальнейшего изучения, то образ позволяет целостно представить объект в многообразии его актуальных для человека характеристик и порождаемых им впечатлений. Следовательно, модель мира выполняет объяснительную функцию, а образ мира – описательную.

Данный вывод подтверждает рассмотрение содержания понятия «образ мира» его автором А. Н. Леонтьевым. Исследователь акцентировал внимание на том, что образ мира не является совокупностью перцептивных образов, а также не может трактоваться как зрительная картинка. Он опосредует взаимодействие человека с онтологическим миром. Указывая на амодальность мира вне индивидуума, учёный отмечает, что модальности ощущений появляются в результате субъектно-объектных отношений человека с реальностью и воплощаются в образе мира. Информация, получаемая индивидуумом посредством взаимодействия с действительностью, определённым образом согласуется в образе мира в единую концепцию, в рамках которой нет непротиворечивых фактов. В образе мира могут быть представлены не только предметы, с которыми человек постоянно взаимодействует, но и другие объекты, процессы, явления, составляющие относительно устойчивое представление об онтологическом мире.

Следовательно, в психологии образ мира понимается как продукт взаимодействия человека с окружающей средой, описывающий результаты процесса познания. Дальнейшие исследования, проводимые, согласно авторам статьи «Современный когнитивный подход к категории “образ мира” (методологический аспект)», С. Д. Смирновым, В. В. Петуховым, Ф. Е. Василюком, В. А. Лекторским и др., расширили интерпретацию образа мира. Познание реальности осуществляется индивидуумом в ходе её репрезентирования, а не отражения. Это позволяет определить образ мира как структуру, в которой закрепляются когнитивные приобретения человека. Исследователи отмечают, что на этапе формирования образа мира индивидуум выступает его творцом, а по окончании создания – его субъектом. Единицами рассматриваемого понятия выступают, согласно О. Е. Баксанскому и Е. Н. Кучер, когнитивные репрезентации, т.е. «гипотезы, так или иначе интерпретирующие

реальность» [3, с. 69]. Отметим, что такое рассмотрение образа мира носит личностно-ориентированный характер, поскольку рассматривается применительно к отдельному индивидууму.

В лингвистике образ мира тесно связан с мировидением этноса, его языком и культурой. Ср.: «Ядро (инвариант) “образа мира” составляют языковые значения, единые для всего этнокультурного сообщества. В основе семантического пространства родного языка, которым человек овладевает с раннего детства, лежит целостный образ этнокультуры» [2, с. 101]; «Он (образ мира – прим. Ю. Д.) формируется у человека в процессе всей его жизнедеятельности, в ходе всех его контактов с миром и на базе самых разнообразных его способностей» [12, с. 30]. Итак, образ мира выступает продуктом коллективного познания окружающей среды. Он создаётся для описания опыта взаимодействия человека с реальностью и состоит, по Н. Ф. Алефиренко, из двух слоёв: бытийного, включающего чувственные образы и ежедневную предметную деятельность, и рефлексивного, содержащего сумму знаний о познаваемых предметах и явлениях. Примером образа мира может служить образ *мирового дерева*, бытийным слоем которого выступает морфология дерева, как объекта обыденной предметной деятельности человека, а рефлексивным – совокупность представлений об устройстве мира. «С помощью Древа мирового во всём многообразии его культурно-исторических вариантов [включая и такие его трансформации или изо-функциональные ему образы, как “ось мировая” (axismundi), “мировой столп”, “мировая гора”, “мировой человек” (“первочеловек”), храм, триумфальная арка, колонна, обелиск, трон, лестница, крест, цепь и т.д.] воедино сводятся общие бинарные смысловые противоречия, служащие для описания основных параметров мира» [10, с. 398], т.е. являющиеся алгоритмом описания мира, созданным на основе модели мира.

Следовательно, термины *модель мира*, *образ мира* и *картина мира*, имея интегральные семы в дефиниционных моделях описания, различаются выполняемыми функциями и объёмом содержания. Мы рассматриваем их не как взаимозаменяемые, а скорее как разнопорядковые понятия.

Отметим, что в лингвистических работах исследователи оперируют одним из анализируемых терминов. Самым частотным является картина мира. Ср.: «В *картине мира* отражены главные компоненты человеческого сознания – познавательный, нравственный, эстетический, которым соответствуют сферы: наука, мораль и право, искусство» [4, с. 396]; «Из совокупности представлений человека об окружающей действительности

складывается определённая *картина мира*» [8, с. 26]; «... антропоцентристская семантика, объектами изучения которой являются языковые репрезентации смысловых универсалий, представляющие в своей совокупности то многомерное, иерархичное, сложное по своей природе образование, которое называется языковая *картина мира*» [11, с. 97]; «В целом же выстраивается трёхчленная цепочка отношений и соотношений: объективная действительность (мир вне нас, природа и человек) – ментальное отражение её (концептуальная *картина мира*, или просто картина мира) – выражение картины мира, в том числе и прежде всего через язык (языковая картина мира)» [6, с. 11]; «Применительно к лингвистике *картина мира* в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка» [7, с. 4] и т.д. Рассматриваемый термин служит для обозначения структуры, в которой фиксируются результаты взаимодействия индивидуума с миром природы и культуры. Её системообразующими свойствами являются целостность, космологичность, внутренняя безусловность и достоверность, стабильность и динамичность, наглядность и конкретность проявления элементов [1, с. 9]. Эти характеристики позволяют картине мира выполнять не только описательную, но и регулятивную функцию, а также функцию сохранения лингвокультурной памяти этноса.

Однако разные гуманитарные науки имеют свои традиции употребления анализируемых терминов. В частности, при введении поискового запроса «картина мира», «образ мира» или «модель мира» на информационном портале «Словари и энциклопедии на Академике» [Режим доступа: <http://partners.academic.ru/>] мы наблюдаем распределение оперирования терминами в различных отраслях гуманитарного знания. *Модель мира* преимущественно эксплицируется в справочных ресурсах психологии, нейролингвистического программирования, мифологии и открытого сетевого ресурса «Википедия». Трактовки термина *образ мира* чаще встречаются в словарях и энциклопедиях психологии, психолингвистики и литературоведения. *Картина мира* кодифицируется в справочной литературе по философии, культурологии и лингвистике. Мы считаем такое оперирование рассматриваемыми терминами целесообразным для дальнейшего применения.

Следовательно, в современных лингвистических исследованиях термины *картина мира*, *образ мира* и *модель мира* используются для обозначения совокупности знаний о мире. В справочной литературе они закреплены за разными направлениями гуманитарного знания: в рамках лингвистики,

культурологии и философии оперируют термином *картина мира*, в исследованиях по психологии, гештальтпсихологии, психолингвистике и литературоведении употребляется термин *образ мира*, *модель мира* является частью метаязыка нейролингвистического программирования, психологии и мифологии. Отметим, что мы считаем рассматриваемые термины разнопорядковыми, в силу выполняемых ими функций: *модель мира* служит познавательным целям и создаётся для объяснения структуры мира, а *образ мира* и *картина мира* выполняют описательную и координирующую функции. На наш взгляд, в лингвистике целесообразно употреблять термин *картина мира* для обозначения совокупности знаний человека о мире и себе, которая определяет его мировидение сквозь лингвокультурную призму этноса. Такое смысловое разграничение рассматриваемых единиц является далеко не полным, и дальнейшие исследования позволят его уточнить, а также снять смысловую неточность при описании образа как единицы лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – Т. 14. – С. 5-9.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 224 с.
3. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Современный когнитивный подход к категории “образ мира” (методологический аспект) / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер // Вопросы философии. – 2002. – № 8. – С. 52-69.
4. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н. Н. Гончарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – №2. – С. 396-405.
5. Зыкова И. В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии / И. В. Зыкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2 (043). – С. 13-24.
6. Климова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: Автореф. на соискание учёной степени д-ра филол. наук. – М., 2008. – 66 с.
7. Корнилов О. А. Языковая картина мира как производная национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

8. Кравцова Ю. В. Метафорическое моделирование мира: поэзия и проза / Ю. В. Кравцова. – К.: Изд-во НПУ им. М. П. Драгоманова, 2011. – 360 с.
9. Леонтьев А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Избр. психологические произведения: В 2 т. – М., 1983. – С. 251-261.
10. Мифы народов мира : энциклопедия [в 2-х т.] ; Гл. ред. С. А. Токарев. – Т. 1. – М. : Сов. энциклопедия, 1992. – 672 с.
11. Никитина Л. Б. Языковая картина мира и основные черты языковой концептуализации действительности / Л. Б. Никитина // Картина мира: язык, литература, культура: Сборник научных статей. Вып. 2 / Отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. – Бийск: РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. – С. 42-47.
12. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
13. Ракитина С. В. Соотношение понятий «картина мира», «модель мира», «образ мира», «научная картина мира», «языковая картина мира» / С. В. Ракитина // Картина мира: язык, литература, культура: Сборник научных статей. Вып. 2 / Отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. – Бийск: РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. – С. 118-124.
14. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. Вып. 36 / Гл. ред. В. А. Успенский. – М.: Русские словари, 1998. – С. 274-323.
15. Словарь славянской мифологии / авт.-сост. В. В. Адамчик. – Минск : Современный литератор, 2008. – 639 [1] с.
16. Словарь современного русского литературного языка : [в 17-ти т.] ; под ред. В. И. Чернышева. – Т. 3. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 1339 стлб.
17. Чуешева Н. А. Понятие «образ мира» в психологической науке / Н. А. Чуешева // Вестник ТГПУ. – 2007. – № 10. – С. 20-23.
18. Юрина Е. Ю. Образный строй языка / Е. Ю. Юрина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 156 с.

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л. Соотношение понятий «картина мира», «образ мира» и «модель мира»

В метаязыке современной науки функционируют термины картина мира, образ мира и модель мира, которые требуют

своей дифференциации. Целью статьи является рассмотрение соотношения данных терминов. Картина мира, образ мира и модель мира определяются как совокупность знаний человека об окружающем мире. В ряде концепций они рассматриваются как родо-видовые понятия. В других исследованиях чёткая дифференциация отсутствует. Автором приведены основания для разграничения анализируемых терминов, кратко изложены результаты исследования справочной литературы гуманитарной сферы знаний, в которой нашли отображение данные понятия.

Ключевые слова: картина мира, образ мира, модель мира, онтологический мир.

SUMMARY

Dmitrieva J. L. Notions of «picture of the world», «image of the world» and «model of the world» in their correlation

In the meta-language of modern science are operating terms *picture of the world*, *image of the world* and *model of the world* that require their differentiation. The aim of the article is to examine the correlation of these terms. *Picture of the world*, *image of the world* and *model of the world* are defined as the totality of human knowledge about the world. In a number of the concepts they are treated as genus-specific notions. In other studies, a clear differentiation is absent. The author shows the basis for delimitation of terms analysed, summarizing the results of the study of reference literature in the humanitarian sphere of knowledge, which contain the mapping of the given notions.

Key words: picture of the world, image of the world, model of the world, the ontological reality.

*Ю.Ю. Жуков
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'27; 811.112.2

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА 'ЗАКОН' ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

На сегодняшний день для большинства лингвистических исследований характерна междисциплинарность – они проводятся на стыке нескольких наук, которые изучают разные сферы человеческой жизни. Такая парадигма научных исследований обусловлена функционированием языка во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Современный подход к выявлению культурно-языковой специфики связан

с концепцией языковой личности. Связь языка, мышления и культуры непосредственно отображает процесс познания действительности и формирования представлений о ней в социальном опыте того или иного поколения социокультурного образования. Только с помощью средств языка можно описать картину мира – всю совокупность человеческих знаний, опыта, эмоций, установок, стереотипов о реальной действительности. Субъект как носитель языка также определенным образом влияет на эти знания, представления, установки, определяя, таким образом, специфичность взгляда на мир определенной нации. Картина мира включает в себя информацию о всех аспектах жизнедеятельности человека, однако при помощи языка мы можем проводить категоризацию и классификацию ее единиц, выделяя отдельные области – концептуальные системы. Концептуальные системы определяют совокупность знаний, представлений, эмоций, связанных с актуальной сферой жизни человека: наукой, бытом, политикой, экономикой, системой морально-этических норм. Изучение концептуальных систем дает возможность выявить механизмы образования и функционирования той или иной «картины мира», специфику причинно-следственных связей в определенной сфере жизнедеятельности человека.

Исследование конкретной культуры происходит через понятия, которые составляют ее ядро и отражают способ восприятия и концептуализации мира. Разница в национальных картинах мира, которая отражается в специфическом восприятии реального мира, может быть объяснена спецификой деятельности, образом жизни и национальной культурой данного народа. Такую разницу можно проследить при исследовании лексики и фразеологии, что выражается в наличии устойчивых словесных комплексов, паремий, смысловых различиях эквивалентных слов в разных языках, своеобразных коннотациях и т.д. Следует отметить, что предметному описанию признаков концепта 'Закон' в немецкой лингвокультуре уделяется недостаточное внимание. Существуют отдельные исследования функционирования концепта 'Закон' на материале английского и русского языков (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, И. В. Палашевская и др.).

В нашем исследовании мы используем метод моделирования и описания концепта 'Gesetz' – 'Закон' в немецкой лингвокультуре, которые проводятся на основе языкового материала и изучения данных смежных гуманитарных наук, в первую очередь, культурологии. Под лингвокультурным концептом следует понимать актуальное для данной культуры содержательное образование, которое при этом может иметь разнообразные вербальные репрезентации.

Процесс формирования концепта «Gesetz» охватывает длительный период исторического развития немецкого языка и культуры. Необходимым этапом в процессе исследования является анализ этимологии имени концепта, поскольку этот вид анализа позволяет проследить историю формирования его содержания. В соответствии с данными из этимологических словарей имя концепта «Gesetz» является родственным с понятием *zu setzen* – «устанавливать». В средневерхненемецком языке ему соответствовало слово *gesetze* или же слово с таким же значением *gesetzedē*. В старовверхненемецком языке присутствовало слово *gisezzida*, из которого путем аффиксации было образовано слово современного немецкого языка *Satzung* – ‘устав, инструкция, подборка правил’. Семантическую взаимосвязь приведенных выше лексем можно проследить также на основе модификаций промежуточных значений на протяжении веков, а именно: «устанавливать», «установка», «правило», «инструкция», «устав», «закон». Современная форма слова *gesetz* была введена во времена Мартина Лютера в рамках введенных им изменений в систему немецкого языка [6, с. 253].

Концепт «Gesetz» является важной составной частью немецкой лингвокультуры, он связан также с другими ключевыми концептами немецкой лингвокультуры: «Ordnung», «Sicherheit», «Gemütlichkeit». Необходимо отметить, что концепт «Закон» существует в трех различных сферах культуры, поэтому имеет три основных компонента: закон юридический (гражданский, уголовный), закон нравственный или духовный, закон науки. В силу своей социокультурной значимости нас интересует вербализация первого компонента данного концепта и его взаимосвязь со вторым компонентом.

Языковая репрезентация данного концепта рассматривается на материале лексикографических источников и текстов различных типов. Особого внимания заслуживает изучение фразеологических единиц, которые вербализуют исследуемый концепт.

«Закон» является одним из важнейших концептов, определяющих мировосприятие человека и регулирующих его социальное поведение, который связан, прежде всего, с идеей нарушения закона и оценкой его соблюдения (недостаточное, искаженное, чрезмерное соблюдение закона): *Im Namen des Gesetzes!* – «Именем закона!», *das Gesetz verletzen* – ‘нарушить закон’ [3, с. 232]. Закон, так же как и другие социальные явления, возникшие в процессе социальных взаимодействий, существует как общие идеи индивидуумов (судей, полиции, адвокатов, граждан) в тех значениях, которые воплощены в ряде ожиданий

сценариев, фреймов поведения: *ein Gesetz verabschieden* – ‘принять закон’; *zum Gesetz machen* – ‘узаконить’; *sich (D) etw. zum Gesetz machen* – ‘взять себе за правило’ [1, с. 241]. Эти значения составлены в результате многочисленных ежедневных взаимодействий представителей власти (полиции, судей, прокуроров и т.д.) между собой и гражданами, которые сталкиваются с правовой системой. «Закон», таким образом, представляет собой ярлык, данный определенному полю человеческого взаимодействия.

Понимание концепта «Закон» предполагает, во-первых, представление о процессах интеракций, ассоциирующихся с идеей закона. При этом интеракции индивидуумов в повседневной жизни стандартизируются и оформляются в стали образцы поведения. Наблюдение и принятие этих образцов другими участниками интеракции влияет на их последующую ориентацию поведения и способ мышления, что является основой установления социально-правовых институтов. Эти институты выполняют важную функцию управления, предоставляя уже готовые образцы поведения, что позволяет каждому участнику интеракций не воспроизводить их каждый раз заново. Стандартизированные образцы поведения становятся, таким образом, сами собой разумеющимися и анализируются с помощью таких когнитивных моделей репрезентации знаний, как фрейм, сценарий. Слово, которое репрезентирует концепт «Закон», несет в себе значения, посредством которых индивид определяет и действует в рамках определенной стандартизированной ситуации [2, с. 29].

Выявление признаков концепта является основной задачей в процессе исследования. Одним из способов выявления понятийной составляющей концепта является анализ современных лексикографических источников, в которых зафиксированы основные значения имени концепта, которые являются актуальными на момент проведения исследования. В результате анализа немецкоязычных лексикографических источников нами были выявлены признаки имени концепта «Gesetz», которые приводятся в обобщенном виде:

1. Правовые нормы поведения, закрепленные государством в нормативно-правовых актах (*ein strenges, einschneidendes Gesetz* – ‘суровый закон’; *die Gesetze einhalten, brechen* – ‘соблюдать закон, нарушать закон’).

2. Неизменные правила, принципы явлений живой и неживой природы, науки (*das Gesetz vom freien Fall* – ‘закон свободного падения’; *das Gesetz von Angebot und Nachfrage* – ‘закон спроса и предложения’).

3. Четкие правила, структуры, нормы поведения и сценарии действий человека в обществе, составляющая морального кодекса человека (*ein ungeschriebenes Gesetz* – ‘неписаный закон’).

Из приведенных дефиниций семем вырисовывается большой объем семантики имени концепта ‘Gesetz’. Он включает в себя обозначения упорядочивания и регулирования процесса социальных отношений, процессов и явлений природы, а также упорядоченного состояния или способа сортировки объектов, обозначения распорядка и образа жизни, соблюдения и поддержания дисциплины в рамках определенного сообщества, а также базируется на определенных нормах и контролируется государством для регулирования общественной жизни.

Представление культурного концепта в языковом сознании как «многомерной сети значений» подчеркивает особую роль фразеологизмов и паремий, которые является слоем, в котором особенно ярко происходит вербализация концепта [2, с. 34].

Концепт активно репрезентируется в языке в выражениях, которым не присуща образность (*ein strenges Gesetz* – ‘суровый закон’, *ein Gesetz anwenden* – ‘устанавливать закон’, *ein Gesetz brechen* – ‘нарушать закон’, *dem Gesetz folgen* – ‘следовать закону’, *nach dem Gesetz* – ‘по закону’). Вышеприведенные словесные комплексы вербализуют следующие виды человеческой деятельности: 1) создание закона, законотворческая деятельность; 2) соблюдение законов (как правовых, так и нравственных); 3) объяснение явлений с точки зрения законов науки и природы; 4) нарушения законов.

Исследования фразеологического фонда позволяют сделать вывод о богатой образной составляющей концепта ‘Gesetz’. Имя концепта активно персонифицируется в выражениях, наделяется антропоморфными признаками: *der Auge des Gesetzes* – ‘око закона’, *Wenn die Waffen sprechen, schweigen die Gesetze* – ‘когда говорят орудия, законы молчат’; *mit dem Gesetz in Konflikt geraten* – ‘вступить в конфликт с законом’. Еще одним признаком фразеологизмов с именем концепта является склонность к его распределению, детального анализа: *die Lücken im Gesetz finden* – ‘найти прорехи в законе’; *der Buchstabe des Gesetzes* – ‘буква закона’; *auf dem Boden des Gesetzes stehen* – ‘базироваться на законах’ [4, с. 152].

Анализ фразеологизмов с именем концепта позволяет сделать вывод о том, что отношение к понятию закона со стороны носителей языковой культуры Германии является в большей степени положительным, чем отрицательным. Концепт ‘Gesetz’ тесно связан с другим ключевым концептом немецкой лингвокультуры ‘Ordnung’. Эти два концепта

дополняют друг друга, подразумевают собой создания условий для комфортной и безопасной жизни. Негативную коннотацию имеют выражения, которые касаются нарушителей закона, что приводит к расстройствам порядка (*ein Gesetz brechen* – ‘нарушить закон’). С другой стороны, представители немецкого народа не представляют свою жизнь без соблюдения законов, анархические взгляды не получают положительной оценки во фразеологических выражениях (*Das Gesetz nur kann uns Freiheit geben* – ‘только закон может дать нам свободу’).

Полученные выводы исследования, которое было проведено на материале лексикографических и справочно-библиографических изданий, могут дать представление о месте, которое занимает концепт ‘Закон’ в немецкой лингвокультуре. Однако, для уточнения языковой картины мира, присущей носителям субъектам данной лингвокультуры, должен быть сделан анализ художественных и публицистических текстов, в которых фигурирует имя данного концепта. Основное внимание при этом следует обратить на эмоциональную окраску, коннотативное значение приобретаю высказывания с вербальными репрезентантами концепта, который исследуется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович. – М. : Аквариум, 1995. – 768 с.
2. Медведева Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры: монография / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева ; под ред. Т. И. Зелениной. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 160 с.
3. Фразеологічний словник німецької мови [уклад. Осовецька Л. С., Сільвестрова К. М.]. – К. : Рад. шк., 1964. – 716 с.
4. Duden: Deutsches Universalwörterbuch / [Bearb. Prof. Dr. Günther Drosdoski]. – 2. völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. – Mannheim / Wien / Zürich: Dudenverlag, 1989. – 1816 S.
5. Geflügelte Worte: Zitate, Sentenzen und Begriffe in ihrem geschichtl. Zusammenhang / zsgest. u. kommentiert von Kurt Böttcher ... – 5., unveränd. Aufl. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1988. – 780 S.
6. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache : 21. unveränderte Auflage. / F. Kluge. – Berlin / New York : Walter de Gruyter, 1975. – 915 S.

АННОТАЦИЯ**Жуков Ю. Ю. Репрезентация лингвокультурного концепта 'Закон' во фразеологизмах немецкого языка**

Статья посвящена исследованию концепта 'Закон' в немецкой лингвокультуре. Проводится этимологический анализ имени исследуемого концепта, анализируются примеры модификаций формы и значений имени данного концепта на различных этапах исторического развития языка. Цель работы состоит в определении значимых признаков рассматриваемого концепта в немецкой лингвокультуре. Для достижения цели проводится анализ фразеологических единиц, которые являются языковыми репрезентантами данного концепта.

Ключевые слова: лингвокультура, языковая картина мира, концепт, закон, языковая репрезентация, фразеологизм.

SUMMARY**Zhukov Yu. Yu. The representation of the linguistic culture's concept 'Law' in German phraseological units**

The article is devoted to research of the ways of verbalization of the concept 'Law' in the German linguistic culture. The purpose of the work consists in the definition of meaningful signs and ways of verbalization of the concept at different stages of the historical development of the German language. For achievement of the purpose the author carries out the analysis of the structure, the content, the emotional background of fixed phrases and proverbs, which are language representatives of this concept.

Key words: linguistic culture, linguistic world-image, concept, law, linguistic representation, phraseological unit.

*А.А. Клопкова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'367.7

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ
ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ
В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ КЛАССЕ «ТОПЛИВО»**

На сегодняшний день широко используются сложносокращённые слова и аббревиатуры, обозначающие разновидности топлива, а также объекты, явления и процессы, связанные с его использованием, хранением, транспортировкой. Возникновение таких конструкций является одной из современных словообразовательных тенденций, которая имеет своей причиной

экономии речевых усилий. В языке обнаруживаются группы словарных единиц, содержащих одинаковые сокращённые компоненты, или абброконструкты.

Целью нашей статьи является компонентный анализ сложносокращённых слов в ономасиологическом классе «топливо».

Для достижения цели необходимо решение следующих задач:

- уточнить содержание понятий «лексико-семантическое поле» и «ономасиологический класс»;

- определить структуру лексико-семантического поля «топливо»;

- описать ономасиологические классы и модели образования слов, входящие в ономасиологический класс «топливо».

Сложносокращённые слова являют собой вариант существующего в языке словосочетания или слова, наделенного большим количеством компонентов [5]. Слово также может возникнуть и по имеющимся в языке моделям, т.е. происходит обратный процесс: не словосочетание порождает слово, а на базе слова разворачивается словосочетание.

Научной группой, включающей в свой состав ученых из Донецкого национального университета и Горловского института иностранных языков, ведется работа над новым типом толково-словообразовательного словаря сложносокращённых слов (в дальнейшем – ССС) русского языка, в процессе подготовки которого открываются новые стороны аббревиации, создаются новые методики описания ССС, новая терминологическая система, построенная на констатации существования в аббревиационном пространстве языка таких явлений, как абброконструкт, абброморфема, абброэквивалент, ономасиологический базис, ономасиологический признак, ономасиологические модели, гнезда эквивалентности, текстово-деривационная эквивалентность, текстово-модификационная эквивалентность. С появлением новых методик описания аббревиатур возникает необходимость уточнения существующих типов аббревиационных конструктов, выявления особенностей формальных и ономасиологических структур аббревиатур.

В современной лингвистике актуальность приобретает полевой подход к описанию системы минимальных номинативных единиц. Минимальной единицей полевого описания является лексико-семантическая группа (ЛСГ). На сегодняшний день в языкознании нет однозначного понимания этого типа объединения лексических единиц. «ЛСГ (в широком смысле) обычно называют группу слов, «достаточно тесно связанных между собой по смыслу» [2]. Однако такое понимание

довольно расплывчато, так как под него подпадают разные смысловые группировки: и синонимы, и даже антонимы, и паронимы, и собственно ЛСГ, и тематические поля – т.е. все, что имеет смысловую близость.

Под ЛСГ в узком смысле мы будем понимать группу слов, «объединяемых общностью категориально-родовой семы (архисемы) и общностью частеречной отнесенности» [2]. В состав ЛСГ входят единицы одной части речи, например, только существительные.

Под лексико-семантическим полем (далее – ЛСП) (тематическим полем) обычно понимается «группа слов одного языка, тесно связанных друг с другом по смыслу» (Ю. Н. Караулов) или «иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающая в языке определенную понятийную сферу» (Л. А. Новиков). В состав ЛСП могут входить единицы, относящиеся к разным частям речи, например, существительные и прилагательные, существительные и глаголы и т.п. [1, с. 5].

Существует большое количество работ, посвященных описанию ЛСП, «однако пока что не оформилось как лингвистическая структура объединение номинативных единиц, имеющее трехкомпонентную организацию: сходство референтов (посыл тематической группы) – близость лексической и грамматической семантики (посыл лексико-семантической группы) – сходный деривационный тип. Такое объединение является интеграционным, совмещающим семасиологический и ономасиологический подходы» [1, с. 5]. Такое объединение мы, вслед за О.В. Блюминой, назовем ономасиологическим классом.

Ономасиологический класс должен объединять единицы, которые не только обозначают однотипные реалии, но и делают это структурно однотипно. Другими словами, ономасиологический класс – это объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий. Это такая совокупность номинатов, в которой единый тип представленности знаний реализован в одном грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом [1, с. 54].

По мнению В. И. Теркулова, «классификация ономасиологических классов композитов включает в себя три параметра:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса;

б) лексико-семантическая группа одноструктурных единиц (ЛСГОЕ) в пределах одного лексико-грамматического разряда

с указанием общеязыковой лексико-семантической группы, в которую входит данная ЛСГОЕ, построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

в) ономасиологическая модель номинатемы, включающая «ономасиологический базис» и «ономасиологический признак» наименования» [3, с. 233].

Мы обнаружили в составе ЛСП «топливо» следующие ономасиологические классы (указываются архисемы):

1. **Вещество**, например, *биометан* – *метан* ‘Газообразное топливо с теплотворной способностью, близкой к природному газу’.

2. **Приспособление** – предмет, особое устройство, посредством или при помощи которого совершается какая-либо работа, действие, например, *бензогенератор* – *бензиновый генератор* ‘Техническое устройство, комбинация бензинового двигателя и электрической машины (генератора), которое вырабатывает электрический ток’.

3. **Предмет** – всякое материальное явление, вещь, например, *бензобак* – *бензиновый бак* ‘Резервуар для жидкого топлива (у самолёта, автомобиля и т.п.)’.

4. **Система** – группа взаимодействующих объектов, выполняющих общую функциональную задачу. В ее основе лежит некоторый механизм связи, например, *бензопровод* – *трубопровод для бензина* ‘Трубопровод для транспортировки жидкого топлива’.

5. **Мера**, например, *бензоуровень* – *уровень бензина* ‘Степень, характеризующая качество, высоту, величину развития чего-нибудь’.

6. **Место**, например, *бензохранилище* – *хранилище бензина* ‘Специальное сооружение или особое помещение для хранения бензина’.

7. **Процесс**, например, *углеобразование* – *образование угля* ‘Двухстадийный процесс превращения растительного вещества в уголь’.

8. **Отрасль**, например, *углепром* – *угольная промышленность* ‘Отрасль промышленности, занимающаяся добычей и переработкой угля’.

Для описания ономасиологических структур ССС, входящих в ЛСП «топливо», нами используются понятия ономасиологического базиса и ономасиологического признака. Ономасиологический базис (ОБ) – родовое понятие (например, «объект»), к которому отнесено наименование.

Ономасиологический признак (ОП) – видовая характеристика, определяющая признак референта внутри класса (например, для названий объектов – каузатив, фабрикатив и т.п.) [6, с. 146].

В рассмотренном нами тематическом поле обнаружено 9 ОБ, репрезентирующих значения обнаруженных нами ономасиологических классов (см. выше).

Типы ономасиологических признаков определяются нами на основе ономасиологических падежей, то есть указания на актантную роль обозначенного существительным референта в ситуации (фактитив, патиентив, каузатив, комитатив, медиатив, дестинатив, агентив и т.д.) [4]. Для CCC, входящих в лексико-семантическое поле «топливо», нами обнаружены следующие ОП:

1) **Дестинатив** – указание на назначение или цель использования, развития актанта, связанного с ОБ, например, *авиакеросин* – *авиационный керосин* ‘Реактивное авиационное углеводородное топливо для летательных аппаратов с воздушно-реактивным двигателем’.

2) **Каузатив** – указание на источник для актанта, причину его возникновения, например, *биотопливо* – *биологическое топливо* ‘Топливо из биологического сырья, получаемое, как правило, в результате переработки стеблей сахарного тростника или семян рапса, кукурузы, сои’.

3) **Медиатив** – объект, являющийся средством или посредником при выполнении действия, например, *бензопила* – *бензомоторная пила* ‘Пила с мотором, работающим на бензине’.

4) **Квалификатив** – наличие у объекта определенного признака, например, *евробензин* – *европейский бензин* ‘Бензин, соответствующий международным экологическим стандартам’.

5) **Инструменталис** – объект, являющийся орудием для выполнения действия, например, *фрезторф* – *фрезерный торф* ‘Торфяная крошка различной формы и размеров, получаемая при фрезерном способе добычи торфа’.

Ономасиологическая структура представляется как схема, объединяющая знаком + ОБ и ОП. Например, для пары *торфогрунт* – *торфяной грунт* ‘Торфогрунт – это смесь торфа с природным грунтом, для приготовления которого используют нейтральный низинный или переходный торф и пойменную плодородную землю’ выводится ономасиологических структур:

Вещество + фабрикатив.

Для описания модели образования необходимо определить взаимосвязи и взаимозависимости двух моделей:

- модели исходного словосочетания;
- модели образованной единицы.

Модель исходного словосочетания (исходная конструкция) «учитывает те параметры данной единицы, которые релевантны характеристикам универбализационного композита, возникшего на её базе» [3, с. 297]. В ней указывается на:

- количество компонентов исходного словосочетания (двухкомпонентные, трехкомпонентные, четырехкомпонентные и т.д.);

- тип связи между ними и порядок их следования (синтаксическая структура, которая представляет словосочетание, подвергнувшееся универбализации в сложное слово);

- их грамматические характеристики (частеречная принадлежность компонента, падежная форма (для изменяемых слов), парадигматическая активность).

Для точного описания схемы источника ССС важно обратить внимание, от чего образован конструктор – исходного словосочетания (для аббревиатур) или исходного слова (для квазиаббревиатур). При составлении схемы конструкции необходимо указать падежный номер (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.). Например, формула *Сущ1* указывает на то, что в конструкции употреблено существительное в форме именительного падежа – *биологическое топливо* (*Сущ1*) (сложносокращенное слово – *биотопливо*).

С целью указания на парадигматическую изменчивость слова в пределах исходной конструкции используется обозначение именительного падежа вместе с показателем числа (*ед* – единственное, *мн* – множественное). Например, словосочетание *авиационный керосин* (схема *Прил1ед+Сущ1ед*) во всех своих формах единственного числа (во множественном – не изменяется) имеет соответствие в сложносокращенном слове *авиабензин*.

Нами обнаружены следующие модели исходной единицы для аббревиатур:

1. *Прил1ед+Сущ1ед* (32 единицы), например, *автомобильный бензин* (*автобензин*);

2. *Прил1ед(комп)+Сущ1ед* (2 единицы), например, *бензодвигательный инструмент* (*бензоинструмент*);

3. *Сущ1ед+Сущ2ед* (9 единиц), например, *хранилище бензина* (*бензохранилище*);

4. *Сущ1ед+предл+Сущ2ед* (3 единицы), например, *фильтр для бензина* (*бензофильтр*).

Модель образованной единицы указывает на порядок следования и способ представленности эквивалентов компонентов исходного словосочетания (конструкции) в универбализационном композите и его словесное оформление [3, с. 304]:

1) **прямая универбализация** «с полной количественной и структурной эквивалентностью компонентов конструкции и конструкторов сложносокращенного слова» [3, с. 305], например, *дизельное топливо / дизтопливо*;

2) **универбализация компонентного типа**, при сохранении порядка следования эквивалентов компонентов исходной конструкции в сложносокращенном слове не отмечается их количественного соответствия конструктам последнего [3, с. 305], например, *бензиновый генератор / бензогенератор*, где помимо конструкторов *бенз-* и *генератор*, соответствующих компонентам *бензиновый* и *генератор*, в структуре сложносокращенного слова отмечается еще и интерфикс *-о-*;

3) **универбализация метатезного типа**, когда при сохранении количественного соответствия компонентов исходной конструкции и конструкторов сложносокращенного слова не отмечается изоморфизма в порядке их следования [3, с. 305];

4) **универбализация метатезно-компонентного типа**, когда между компонентами исходного словосочетания и конструктами композита нет ни количественной, ни структурной эквивалентности [3, с. 305], например, *углеобразование / образование угля*, где отмечается и изменение порядка следования конструкторов, и появление дополнительно интерфикса *-е-*.

При универбализации различают:

1) *базовые конструкторы* – реализуют в сложносокращенном слове полнозначные элементы исходных словосочетаний;

2) *вспомогательные конструкторы* – привносятся извне и выполняют функцию оформителей сложносокращенного слова [3, с. 306].

В исследуемом нами ономаσιологическом классе конструктором сложного слова может быть **основа слова**, которая представляет зависимый компонент словосочетания. Например, конструктор *газ-*, *бензино-* в сложносокращенных словах *газогидрат* (<газовый гидрат), *бензиноизмеритель* (<измеритель бензина) и т.п. В схемах перед описанием компонента исходного словосочетания необходимо поставить символ «Осн». Например, для компонента *газ-* в схемах будет дано описание «ОснПрил1ед».

При образовании сложносокращенного слова ономаσιологического класса «топливо» в ряде случаев происходит усечение основы компонента исходного словосочетания (в схемах Ч^{осн}), например, часть *бенз-* (Ч^{осн}Суш2ед) в сложносокращенном слове *бензоуровень* (<уровень бензина).

Чаще всего при универбализации используются интерфиксы *-о-* и *-е-*.

Нами обнаружены следующие модели образованной единицы для аббревиатур:

1. Ч^{осн}Прил1ед+Сущ1ед (14 единиц), например, *автомобильное топливо (автотопливо)*;
2. Ч^{осн}Прил1ед+инт+Сущ1ед (18 единиц), например, *бензиновый бур (бензобур)*;
3. Ч^{осн}Прил1ед(комп)+Сущ1ед (2 единицы), например, *бензомоторная пила (бензопила)*;
4. Ч^{осн}Сущ2ед+инт+Сущ1ед (9 единиц), например, *бензиновый самокат (бензосамокат)*;
5. Ч^{осн}Сущ2ед+инт+Сущ1ед(-предл) (3 единицы), например, *бензиновый бур (бензобур)*.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что все рассматриваемые сложносокращенные слова являются аббревиатурами. В ходе ономаσιологического анализа рассматриваемого тематического поля, нами было выявлено 8 ономаσιологических классов, 9 ономаσιологических базисов и 5 ономаσιологических признаков, 4 модели образования для сложносокращенных слов, входящих в структуру тематического поля «топливо». Наиболее представленная модель аббревиации **Прил1ед+Сущ1ед** (32 сложносокращенных слова). Второй по численности является аббревиационная модель Сущ1ед+Сущ2ед (9 аббревиатур).

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Блюмина Ольга Валентиновна ; Горл. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Горловка, 2010. – 341 л.
2. Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка [Электронный ресурс] / О. Л. Рублева. – Режим доступа: <http://bookbk.net/book/140-leksikologiya-sovremennogo-russkogo-yazyka-o-l-rubleva/30-224-leksiko-semanticheckie-i-tematicheckie-gruppy-slov.html>
3. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.
4. Филлмор Ч. Дело о падеже / Филлмор Ч. // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. X. – С. 369-495.
5. Ярмашевич М.А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический, функциональный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук / М. А. Ярмашевич – Саратов, 2004. – 480 с.
6. Dokulil M. Tvoreni slov v ceřtine. I. Teorie odvozovani slov / M. Dokulil. – Praha : CAV, 1962. – 263 s.

АННОТАЦИЯ

Клопкова А. А. Особенности формальных моделей образования сложносокращённых слов в ономаσιологическом классе «топливо»

В предлагаемой статье определяются понятия «оно-масиологический класс» и «лексико-семантическое поле», устанавливаются ономасиологические признаки, структура и модели образования сложносокращённых слов в ономасиологическом классе «топливо», описывается структура лексико-семантического поля «топливо».

Ключевые слова: аббревиатура, абброконструкт, квази-аббревиатура, лексико-семантическое поле, ономасиологический класс, псевдоунивербализация, сложносокращенное слово, универбализация.

SUMMARY

Klopkova A. A. Features of formal models of abbreviation compounds in onomasiological class «fuel»

In this article the notions «onomasiological class» and «lexical-semantic field» are determined; onomasiological signs, structure and models of forming abbreviation compounds in onomasiological class «fuel» are specified. The structure of the lexical-semantic field of «fuel» is described.

Key words: abbreviation, abbro-construct, quasi-abbreviation, lexical-semantic field, onomasiological class, pseudouniverbalization, abbreviation compound, univerbalization.

*И.Г. Коловерова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'276.5(=134.2)

**ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ИСПАНСКОГО
МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА**

В современном мире исследованию молодежного сленга уделяется очень большое внимание. Проблемам изучения сленга посвящено большое количество научных работ, так как данное явление вызывает у ученых-лингвистов повышенный интерес в силу своей новизны и малоисследованности.

До настоящего времени у этого понятия нет четко определенных границ. Так, под «сленгом» можно понимать просторечные слова, диалектизмы, жаргонизмы, шутливые словообразования, неологизмы.

Молодежный сленг отличается от остальных видов сленга тем, что служит для общения людей одной возрастной категории, являясь синонимом литературных эквивалентов и отличаясь эмоциональной окраской. К тому же, молодежный сленг отличается фокусированием внимания на реалиях мира молодежи, отделяя его от других социальных групп, являясь зачастую непонятным людям других возрастных категорий. Молодежный сленг представляет собой определенный пароль всех членов данной референтной группы. Благодаря знанию подобного специального кода молодежь чувствует себя некоей замкнутой социальной общностью, поскольку основная функция употребления молодежного сленга – скрыть определенную информацию от непосвященных.

То, что обычно привлекает внимание социолингвистов к языку молодежи, это его двойной статус лингвистического разнообразия: бедный с лексической точки зрения, с одной стороны, и неисчерпаемый источник обогащения разговорного языка, с другой.

В данной статье делается попытка систематизировать некоторые лексические ресурсы по тематическим полям. Лексика, о которой пойдет речь, будет охватывать только те аспекты, которые находятся в центре интересов и деятельности молодежи. Одной из сфер, наиболее тесно связанных с занятостью и интересами молодежи, без сомнения является сфера учебы, работы и отдыха. Являясь неотъемлемой частью повседневной жизни молодых людей, учеба способствует созданию целого словаря, который можно было бы охарактеризовать как типично молодежный. Так, например, для обычного глагола «*estudiar*», который обозначает «учиться», можно подобрать целую серию синонимов, относящихся к этому виду деятельности, а особенно к «*estudiar mucho*»: *calentar la silla* (*протирать штаны*), *romperse los codos* (*корпеть над учебниками*), *hincar los codos* (*учиться*), *quemar cejas* (*усердно учиться*) и т.д. Чтобы выразить такое действие, как отсутствие на занятиях («*faltar a clase*»), молодые люди используют следующие слова и выражения: *fumarse las clases* (*увиливать от занятий*), *pirarse* (*смотреться*), *hacer pellas* (*прогуливать уроки*), *hacer novillos* (*сбежать с уроков*). Разнообразен и синонимический ряд глагола *suspender* (*провалить экзамен*): *cargar*, *fulminar*, *colgar*, *poner una calabaza*, *tirar(se)*, *cepillarse* и т.д.

В том, что соотносится с «работой», очень часто называют *currar* или *currelar*, а «начальник» может быть *el baranda* или *el mandamás* (*начальник, командир*). Как можно заметить, в этой области лексика не многочисленна, но очень распространена в различных кругах общества.

Немаловажное место среди разных сфер деятельности молодежи занимает сфера развлечений. Отсюда и существующие особенности в используемой лексике. С развлечениями связаны отдельные хорошо известные слова, которые не нуждаются в комментариях: *movida*, *marcha*, *juerga* и выражения типа *ir de marcha*, *estar de buen rollo* и т.д. Для того, чтобы развлечься, кто-то может пойти в *bareto* или *garito* (*бар*), чтобы провести время *de puta madre* (*очень хорошо*). В отдельных случаях развлечение предполагает выпивку. Здесь спектр глаголов и выражений очень разнообразен: *privar o trincar* (*beber – пить*), *echarse unos pelotazos* (*выпить несколько рюмок*), *ser una esponja* (*много пить*).

В сфере межличностных отношений особое внимание молодежи привлекает круг друзей. Что касается лексики, которая употребляется для того, чтобы относиться к группе друзей, то ряд исследователей указывает на то, что она разнится в зависимости от пола говорящего. В этом случае молодые люди обычно говорят *o los colegas*, *la gente*, *la peña*, *la peñita*, *la pava*, *los chavales*, *la panda*, *el grupillo*, *la banda*. Молодые девушки предпочитают аналитико-дискриптивные формы типа *la gente con la que voy*, *el grupo de gente con quien salgo*, *mis amigos de la facultad* и др.

Когда речь заходит о людях пожилого возраста или о старых людях, молодежь заменяет старый термин *carroza* (*старая кляча*) на более современные *triciclo* (*трехколесный велосипед*), *porcelana* (*фарфор*), *retablo* (*алтарь*), *mármol* (*мрамор*), *diligencia* (*дилижанс*), *amortizado* (*списанный*), *canica* (*стеклянный шарик*), *pelota de golf* (*мяч для гольфа*). Последние два можно отнести к разряду черного юмора, так как они ведут прямо «в могилу».

Если коснуться темы сексуальных отношений, в этом случае молодежный вокабуляр граничит с вульгаризмами. Например, слово *paja* (*солома*) приобретает значение *masturbación*; вместо слова *beso* (*поцелуй*) употребляются *tuerto* (*покусывание*) или *pico* (*покалывание*). А вместо обычного выражения *sexualmente возбуждаться* (*excitarse sexualmente*) употребляются *darse la paliza con alguien*, *darse un (el) palo con alguien*, *darse (pegarse) el lote*.

В последнее время в молодежный сленг проникло много терминов, происходящих из мира наркотиков. Это тематическое поле является тем полем, где лексика имеет специфический характер и непонятна для непосвященных. Самым характерным для этой области является употребление большого числа гипонимов. Вместе с определением «наркотик» в общем, появляются гипонимы, обозначающие разные типы наркотиков, формы, которые они имеют, дозы и т.д. Рассмотрим некоторые примеры, относящиеся к этому феномену. Если вести речь о наркотиках в общем, в этом случае молодежь использует такие

слова, как *flor*, *caca*, *mierda* и др. Некоторые слова употребляются для завуалированного названия того или иного наркотика, например, *mandanga* (марихуана) или *mierda* (гашиш).

Некоторые определения зависят от формы, в которой распространяется наркотик: например, *seta* (*LSD в форме гриба*), *trompeta* (*сигарета с гашишем или марихуаной в конической форме*). Другие, от цвета наркотика, например, *chocolate*, *mierda*, *nieve*, *blanca*; от жидкого или твердого состояния: *polvo* (*героин или кокаин*); от качества наркотиков *canela fina* (*наркотик хорошего качества*) или *harina*, *pastel* (*гашиш низкого качества*) и т.д.

Также существуют определенные слова, обозначающие разные типы доз. Например, *chute* (*доза наркотика в инъекции*), *raya* (*доза кокаина или героина в порошке, которая вдыхается через нос*) и др. Состояние, провоцируемое наркотиками, тоже имеет свои определения: *el ciego*, *el cuelgue*, *el pedo*. *Estar en un viaje*, *alucinar*, *espitar*, *flipar* эквивалентно *находиться под действием наркотиков*. Из мира наркотиков также происходят определения *camello* (*продавец наркотиков поштучно*), *hacerse unos trapis* (*продавать наркотики поштучно*), *pillar* (*достать наркотики*).

Несмотря на изобилие слов и выражений этого тематического поля, и на такое специализированное использование некоторых из них, кажется маловероятным, что вся молодежь ими владеет и использует в одинаковой степени.

Когда речь идет о частях человеческого тела, молодые люди используют термины типа *morros* вместо *labios* (*губы*), *faros* вместо *ojos* (*глаза*), *antenas* вместо *orejas* (*уши*). Но больше всего в молодежном языке определений для слова «голова»: *azotea*, *bola*, *calabaza*, *melón*, *pelota*, *cebolla* и др.

Если говорить о некоторых физиологических потребностях, можно столкнуться с выражениями эсхатологического характера, такими как *lanzar* или *echar lastre* (*совершать акт дефекации*) или *tirarse un chusco* (*испускать газы*).

В тематическом поле, которое относится к интеллектуальной деятельности молодежи, существует множество вариантов такого действия, как *pensar* (*думать*). Можно привести такие примеры, как *comerse el coco* или *comerse el tarro*.

Для тематического поля, связанного с оценкой действий или характера людей, молодые люди используют прилагательные и существительные типа *gili*, *capullo* вместо *tonto* (*дурак*) или *acojonado* вместо *cobarde* (*трусливый*). Людей, которые мешают или вызывают отвращение, в молодежной среде принято называть *peñazo*, *muerto*.

Если говорить об изменениях физического состояния, чувств, душевного состояния, странного поведения, то в этом тематическом поле мы можем встретить следующие выражения: *estar como una cabra*, *estar mal de la chaveta* вместо *estar loco* (*быть сумасшедшим*), или *estar hasta la bola*, *estar hasta los cojones*, *estar hasta el culo* вместо *estar harto*, *cansado* (*быть сытым по горло, уставшим*), *estar quemado*, *estar hecho polvo*, *estar molido* вместо *estar desanimado* (*быть подавленным*).

Для того чтобы дать какую-то оценку тому или иному предмету или той или иной ситуации, молодежь использует целую серию слов и выражений, которые выделяются своим эмфатическим и гиперболическим характером (хорошо известно, что молодые люди более склонны в своей речи к эмфазе и гиперболе). Некоторые из этих выражений имеют позитивные коннотации (прилагательные, усилительные наречия), другие усилители имеют негативное значение.

И в заключении хотелось бы отметить, что в молодежном сленге существует также ряд определений вещей, действий и состояний, которые относятся к повседневной жизни, но находятся вне тематических полей, описанных в данной статье, но которые выделяются частотностью их употребления. Примером могут служить следующие глаголы: *abrirse*, *pirarse* (*irse* – *уходить*); *sobar(se)* (*dormir* – *спать*), *quedarse frío* (*morir* – *умереть*) и многие другие.

Таким образом, после проведения исследования значительной части молодежного лексического вокабуляра, хоть и не полного, можно сделать следующий вывод: как показывают перечисленные в статье примеры, речь идет о способности молодежи к инновациям и изобретению новых лексических единиц, что можно объяснить тем, что молодые люди более склонны к переменам. Молодежный сленг – это слова, которые часто рассматриваются как нарушение норм стандартного, литературного языка. Это очень выразительные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копыленко М. М. О семантической природе молодежного жаргона / М. М. Копыленко // Социолингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 79-86.
2. Diccionario Temático de la Jerga Juvenil [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://alasakar.wordpress.com/2011/05/23/diccionario-tematico-de-la-jerga-juvenil/>

3. Féliz Rodríguez González Diccionario de la droga. Vocabulario general y argot / González Félix Rodríguez. – Madrid, 2014. – 620 págs.
4. Juan Manuel Oliver Cabañes Diccionario de argot / Cabañes Juan Manuel Oliver. – Madrid : SENA EDITORIAL SA, 1987. – 288 págs.

АННОТАЦИЯ

Коловерова И. Г. Тематические поля испанского молодежного сленга

В статье рассматривается тема тех лексических аспектов молодежного языка, которые демонстрируют их созидательность и выразительное богатство. Лексические ресурсы систематизированы по тематическим полям, связанным с интересами и деятельностью молодежной прослойки общества.

Ключевые слова: молодежный язык, сленг, тематическое поле.

SUMMARY

Koloverova I. G. The thematic fields of the youth jargon

The article studies the topic of those lexical aspects of youth speech which reveal its creativity and wealth of expression. The lexical means are systematically arranged in thematic fields related to the interests and activities typical of that sector of society.

Key words: youth speech, jargon, thematic field.

*С.Н. Лежнёв
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.43(=111)

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ-ПАРОНИМЫ

Паронимы представляют собой слова, сходные по звучанию и морфемному составу, но имеющие различия в семантике. Паронимия объясняется незнанием значения одного или обоих слов, некомпетентностью говорящего / пишущего, параксисом (оговоркой) или намеренным употреблением той или иной лексической единицы в стилистических целях.

Дискуссионными являются проблемы отнесения к паронимам только однокоренных слов или любых фонетических сближений, а также замкнутость паронимических пар одной частью речи с тождественными морфологическими категориями. Признание паронимов однокоренными словами

одной части речи предоставляет паронимии статус системного явления. Неправильное употребление подобных слов в речи представляет собой девиации. На уровне речи, текста паронимия рассматривается как стилистическое явление [3, с. 536].

Объектом нашего исследования являются девиации, относящиеся к сфере культуры речи, а *предметом* изучения – англоязычные неологизмы-паронимы. *Цель* работы заключается в определении новых лексических единиц, образующих паронимические пары с существующими в языке лексемами, описании их семантики, способов образования и функций. Данная тема представляется *актуальной*, поскольку одним из основных направлений лексикологии является изучение соотношения и взаимодействия внешней и внутренней сторон слова на фоне более широкой проблемы нарушения “закона знака” в естественном языке. Рассматриваемые нами неологизмы получены путем сплошной выборки и зафиксированы периодическими изданиями и интернет-сайтами [5; 6; 7].

В англоязычной литературе под паронимами понимается “the relationship between two or more words partly identical in form and / or meaning, which may cause confusion in reception or production. In the narrow sense the term *paronymy* refers to “soundalikes” (cognate near-homophones such as *affect-effect* or *feminine-feminist*), but in the wider sense it covers any “lookalike” or “meanalike” confusable words” [4]. В данной статье применяется широкий подход к определению паронимов.

Знание паронимов приобретает особенное значение в процессе изучения иностранного языка, так как многие лексемы могут не различаться изучающими иностранный язык вследствие расхождений в артикуляционной базе, например, английские слова *live* и *leave* различаются только по долготе гласного звука. Данная оппозиция отсутствует в русском языке. Другими примерами паронимов являются такие лексические единицы, как *affect – effect*, *feminine – feminist*, *collision – collusion*, *conjuncture – conjecture*, *excise – exercise*.

Паронимы подразделяют на корневые, аффиксальные и этимологические. Корневые паронимы имеют разные корни, внешнее сходство которых является случайным: *live – leave*. Такие паронимы не объединены общей мотивацией и общей семантической связью. Аффиксальные паронимы объединены общей мотивацией и общей семантической связью. Они имеют общий корень, но разные, хотя и сходные деривационные аффиксы: *historic – historical*, *economic – economical*. Под этимологическими паронимами понимают одно и то же слово, заимствованное языком разными путями

несколько раз (через посредничество разных языков) и в разных значениях: *concert* (из французского) – *concerto* (из итальянского). В английском языке существуют не только пары, но и ряды этимологических паронимов, например, *regal* – *real* – *royal*, *legal* – *leal* – *loyal*, *place* – *plateau* – *plaza* – *piazza*, *captain* – *capo* – *chief* – *chef*, *hostel* – *hospital* – *hotel*, *fidelity* – *faithfulness* – *fealty*, *chariot* – *cart* – *carriage* – *car*.

Значения компонентов паронимической пары характеризуются тем, что не совпадают (как у синонимов), не противоплагаются (как у антонимов), их внешний вид (оболочка) не накладывается один на другой (как у омонимов). Лексические значения компонентов паронимической пары обязательно разграничены [4].

Смешение паронимов является грубой лексической ошибкой, которую следует избегать изучающим английский язык. Однако, возможно преднамеренное употребление слов-паронимов в одном предложении, что представляет собой стилистическую фигуру, называемую паронимазией: “*While people hunt for what can satisfy their wants / There is a watching and a sharp recording. / Both seekers and watchers are the palpitants / And much is said with no deep ferny wording*” (Gene Derwood Shelter). “*Palpitants*” is a paronym for “*palpitate*,” used here metaphorically to convey anxiousness and “*wording*” is a paronym for “*word*” used metaphorically for meaning (James F. Ross “Portraying Analogy”); “*I guess Bart’s not to blame. He’s lucky, too, because it’s spanking season, and I got a hankerin’ for some spankerin’*” (Homer Simpson “The Simpsons”).

Многие паронимы строятся на каламбуре, приёме с использованием в одном контексте разных лексем, сходных по звучанию. Комический эффект каламбура заключается в контрасте между смыслом слов, новизной их сочетания [2].

В современном английском языке паронимы возникают в результате образования неологизмов, имеющих юмористическую окраску, например, *opium* – *hopium*, *graffiti* – *giraffiti*, *WiFi* – *WhiteFi*, *Blackberry* (iPhone) – *brickberry*, *selfish* – *cellfish*, *terrorist* – *errorist*, *forecasting* – *farecasting*, *pardon* – *Par-Don*. Способом вербокреации таких слов является телескопия, которая “интегрирует механизмы формообразования (сокращения исходных основ) и вербокреации (соединения базовых элементов)” [1, с. 69]:

hope + opium > hopium (unrealistic and persistent optimism): “*You’d better not shout, pout or cry because you know who might be coming to town. At least that seems to be the growing feeling among commentators. Realistic? Or is it a case of, as CNBC beautifully put it on Wednesday, markets being on a new drug called hopium?*” (Greg

Peel "Next Week at a Glance", FN Arena, December 2, 2011);

brick + berry > brickberry (an old outdated phone you have to use when your current phone breaks): *"It takes me ten minutes to type a text message on this brickberry now that my iPhone broke, but at least I get to play snake"* (Urban Dictionary, 2008);

cell + fish > cellfish (an individual who talks on his or her cell phone even when doing so is rude or inconsiderate of other people): *"Can't you stop talking on the phone while ordering your meal – that's cellfish"* (Urban Dictionary, 2008);

giraffe + graffiti > giraffiti (vandalism spray-painted very, very high): *"Piece of 'giraffiti' (it was high up) at corner of Bastings and High streets, Northcote: 'HOWARD: IT IS UN AUSTRIAN TO TELL LIES'"* (Lawrence Money "Spy," Sunday Age (Melbourne, Australia), March 10, 2002), **sheep + people > sheeple**: *"Speaker Finneran informed his sheeple, I mean people, of their impending 'voluntary' pay cuts at a caucus Wednesday afternoon"* (Howie Carr "These are unhappy times for Hackerama denizens," The Boston Herald, March 1, 2002);

white + WiFi > WhiteFi (WhiteFi incorporates a new adaptive spectrum assignment algorithm to handle spectrum variation and fragmentation): *"New devices including smartphones, tablets, and computers that know how to detect unused spectrum can use it to transmit wireless broadband signals, also known as 'WhiteFi' or 'Super Wi-Fi.' These frequencies are especially useful because they can carry a lot of data over long distances and reach indoors"* (Amy Nordrum "3 Ways To Bridge The Digital Divide," IEEE Spectrum, April 14, 2016);

airfare + forecasting > farecasting: *"A handful of new and updated websites and apps are trying to perfect the art of what's known as farecasting – predicting the best date to buy a ticket"* (Stephanie Rosenbloom "The Art of 'Farecasting' the Lowest Airfare" The New York Times, September 14, 2015);

error + terrorist > errorist (someone who repeatedly makes mistakes, says stuff he believes is true, but anyone with common sense can see that he is wrong): *"He is such an errorist"* (Urban Dictionary, 2007);

Paris + London > Par-Don (a person who splits his or her time between Paris and London): *"The topic of most of the evening's conversation was our forthcoming new status as a Par-Don: a new breed of people splitting their lives between London and Paris. Terrible name, but a concept we like lots"* (Patito "A Zuma-tastic farewell to London", "The Prodigal Guide", August 25, 2010). *"I didn't know you could claim 'frequent-flier' points on the Eurostar, until recently. Not in Economy anyway. It's a shame,*

because, given the number of times I've travelled on it, I'd have racked up enough for at least one free croque monsieur and a mini bottle of vin rouge. That's the glamorous Par-Don life for you" (Katie Mulloy, "C'est Me Vie...", Company (UK), February 1, 2014).

Телескопизмы в большинстве случаев являются уникальными и, как правило, не образуются по структурно-семантическим моделям, поэтому требуют особого внимания в процессе изучения английского языка как иностранного. Декодирование подобных контаминаций требует от адресата активизации его интеллектуальных способностей и использование фоновых знаний.

Рассмотренные нами примеры свидетельствуют о периодическом пополнении словарного состава языка новыми лексическими единицами, образующими паронимические пары с уже существующими в языке лексемами. Неправильное употребление паронимов обусловлено незнанием значений слов, низкой культурой речи, то есть – объективными факторами, а также субъективными факторами, такими как употребление в речи каламбура или реализация других стилистических целей в том случае, если речь идет о художественном произведении.

Дальнейшее исследование англоязычных паронимов предполагает более глубокое изучение материала с целью выяснения, в какой мере паронимия соотносится с такими понятиями, как полисемия, омонимия, синонимия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еникеева С. М. Синергетические параметры структурной организации и развития словообразовательной системы современного английского языка / Синергетика в филологических исследованиях: монография / Т. И. Домброван, С. М. Еникеева, Л. С. Пихтовникова и др. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015. – 340 с.
2. Санников В. З. Каламбур как семантический феномен / В. З. Санников // Вопросы языкознания. – 1995. – №3. – С. 59.
3. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля. – К., 2011. – 844 с.
4. Hartmann R. R. K., James Gregory Dictionary of Lexicography / R. R. K. Hartmann, Gregory James. – Routledge, 1998.
5. [Электронный ресурс] – Режим доступа : slovo.yaxy.ru.
6. [Электронный ресурс] – Режим доступа : urbandictionary.com.
7. [Электронный ресурс] – Режим доступа : wordspdy.com.

АННОТАЦИЯ**Лежнёв С. Н. Англоязычные неологизмы-паронимы**

В статье исследуются англоязычные паронимы, относящиеся к сфере культуры речи, понимание которых основывается на широком подходе к определению паронимов. Образное сближение схожих по звучанию слов при частичном совпадении морфемного состава используется в речи в целях создания каламбура. В статье анализируются способы образования неологизмов-паронимов, изучается их семантика и функции, заключающиеся в необходимости придать речи выразительность, усилить воздействие на слушателя, создать образность высказывания.

Ключевые слова: пароним, паронимия, паронимическая пара, паронимазия, девиации, неологизм, телескопия, каламбур.

SUMMARY**Lezhnyov S. N. New English paronyms**

The article deals with the study of new English paronyms. In the wide sense the term covers any «lookalike» or «meanalike» words. New lexemes, their meanings and the way of formation have been subjected to analysis. Some types of neologisms and their functions have been determined. The pun, or paronomasia, a form of word play that suggests two or more meanings, by exploiting multiple meanings of words, or of similar-sounding words, for an intended humorous or rhetorical effect has been analysed in the article.

Key words: paronym, paronymic pair, deviation neologism, telescoped word-formation, paronomasia, pun.

*О.В. Сырова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'367

**О НЕКОТОРЫХ СРЕДСТВАХ РЕАЛИЗАЦИИ
КОММУНИКАТИВНЫХ ИНТЕНЦИЙ РЕКЛАМНОГО
ТЕКСТА**

В настоящее время рекламный текст (далее – РТ) как законченное речевое произведение, обладающее определенной информацией, является знаковым произведением современной культуры. Дискурс рекламы изучается социологами, психологами, экономистами, подвергается комплексному филологическому исследованию. Свидетельством тому являются, например, работы О.С. Иссерс, Е.С. Кара-Мурзы,

Л.П. Амери и ряда других исследователей. Учёными РТ рассматривается в рамках учёта прагматической цели и средств её реализации, так как известно, что в любом общении определяющим моментом является цель, в соответствии с которой для повышения эффективности общения и облегчения коммуникативной задачи включается выбор определенных языковых средств (см. работы Дж. Остина, Дж. Серля, Х. Грайса, Дж. Лича). Ввиду того, что основное назначение РТ – создание благоприятного имиджа товару для побуждения адресата к его покупке, прагматическая направленность этого сложного речевого акта играет ведущую роль. Как пишет Е.С. Кара-Мурза, «интенциональная специфика рекламы описывается через понятие выгоды, в которой заинтересованы все: заказчики – в финансовой прибыли от продажи товаров, кандидаты на выборах – в политической победе; рекламополучатели – в житейской или символической выгоде как результате потребления товара, в позитивных последствиях политического выбора» [3, с. 125].

Цель статьи – описать ряд языковых средств вербализации коммуникативных интенций русскоязычного рекламного текста.

РТ, представляющий собой краткий текст, содержит в себе две иллокутивных силы – информативную (констативную) и побудительную (директивную). Констативная иллокутивная сила реализуется с помощью вербальных (заголовков, основной текст рекламного сообщения) и невербальных (иллюстрация, шрифт, цвет) компонентов, которые образуют единое визуальное, структурное, содержательное и функциональное целое, обеспечивают реализацию основной задачи рекламы. Директивная иллокутивная сила непосредственно связана с коммуникативными интенциями РТ и реализуется с помощью различных эксплицитных и имплицитных способов оценки. Остановимся на некоторых из них.

Директивные высказывания в РТ нередко репрезентируются императивными структурами. Проведенный анализ текстов русскоязычной рекламы позволяет говорить, что императивные обороты типа *Сделай* выбор; *Скажи* заиканию «нет»! эксплицируют мотив побуждения адресата к действию. Сравним: *Попробуй, не пожалеешь* (реклама вина); *Trasta. Заведи себе пару* (реклама обуви фирмы Trasta); *Заведи любимую* (реклама автомобиля Daewoo), *Пейте овощи* (реклама соков Балтимор); *Будь в форме. Reebok*.

Анализ фактического материала показывает, что в РТ используются в качестве императивов слова определенной семантики, их можно подразделить на следующие группы:

1). Акциональные глаголы как подкласс глаголов со значением действия, представленные следующими тематическими полями: движение, перемещение (*ездить, путешествовать, плавать, прыгать*), конкретное физическое действие (*брить, красить, мыть, чистить*), речевое действие (*говорить, спрашивать, рассказывать, сообщать*), донативное действие (*брать, давать, выручать*). Например: *Brita. Мойте воду перед едой!* (реклама фильтров для воды); *Не бери котка в мешке – бери настоящее; Любишь? Подари!* (реклама ювелирных изделий); *Мама, ну купи-и-и...* (реклама Сеть магазинов джинсовой одежды «Глория Джинс»); *Необязательно ожидать время хороших дорог. <...> Просто приобретайте себе надежного проводника.* Глаголы данного подкласса в составе РТ характеризуются активностью и целенаправленностью действия.

2). Глаголы ментальных действий (*думать, размышлять*): *Не мудрите с красками – красьте Ярославскими!*

3). Глаголы эмоционального и чувственного восприятия и состояния (*радоваться, отчаиваться, бояться, ревновать, ценить, желать, мечтать, чувствовать*). Например: *Радуйтесь цветку. Косметика фирмы Bell; Не врать и не бояться!* (реклама ЛДПР); *Не ревнуй! ... только твоя пара обуви от Carlo Pazolini; Почувствуй вкус, объединяющий мир.*

4). Глаголы физиологических действий (*дышать, есть, пить*): *Попробуй, не божолеешь!* (реклама напитков Божоле нуво); *Жевать – не пережевывать* (реклама жевательных конфет Chewits); *Кто успел – тот и съел* (реклама сухариков Кириешки).

Заключая в себе общеграмматическое значение побуждения к действию, императивные структуры способствуют реализации коммуникативных интенций РТ. Вследствие этого их использование в рекламном сообщении довольно эффективно и действенно.

Как известно, объектом оценки в РТ является рекламируемый товар. В соответствии со способом выражения позитивной оценки предмета рекламы тексты подразделяются на 2 группы: 1) тексты, в которых характеризуется рекламируемый товар; 2) тексты, в которых характеризуется результат, который ожидается в случае использования товара. В зависимости от этого для реализации коммуникативных интенций в рекламном сообщении используются различные оценочные слова. Так, для характеристики товаров первой группы употребляются слова общей позитивной оценки, которые включают в свою семантическую структуру инвариантную сему «хороший». Сравним: *Каши Нестле – начинайте с лучшего; Обои rasch – лучший выбор Ваш; Престижные курсы английского и*

немецкого языков – **новые отличные возможности**; *Lipton. Знак хорошего вкуса*; **Правильное пиво** (реклама пива Бочкарёв). Эти слова однозначно интерпретируются носителями языка как слова с лексической чертой позитивности.

Для характеристики результата, который ожидается в случае использования товара, в РТ имеют место специальные оценочные слова, которые указывают на черты товара. Например: *Пикадор – спелый кетчуп*; **Сверхстойчивая** губная помада «Каптив»; **Нежнее, еще нежнее** (реклама продуктов Торговой марки Nestle Classic); **Быстросохнувший** лак *QuickDry*; *Lumene Lifting. Укрепляющий крем*. Данные лексемы характеризуют товар, создавая ему позитивную оценку.

Ввиду того, что коммуникативные интенции РТ стыкуются с экстралингвистическими факторами восприятия рекламы адресатом (ознакомление с рекламным объявлением проходит при непредрасполагающих к информации условиях; недоверие к новому товару; конкурентность информации), используются имплицитные стереотипы позитивности. Наиболее популярными продолжают оставаться слова *европейский, американский, итальянский* и им подобные, которые подразумевают значения качества, современности, стильности. Рассмотрим фрагменты РТ с этими лексемами: *Обои из Европы; Европейские гардины; Американские фильтры для воды; Electrolux. Швеция. Сделано с умом; L'Oreal. Париж. Ведь Вы этого достойны; Не Швейцария. А все равно надежно*. При этом в число лексем, вербализующих позитивность, стали включаться языковые знаки типа *сибирский* (обладающий семей 'здоровый'). Ср.: *Все за Сибирскую корону* (реклама пива «Сибирское здоровье»).

Зачастую оценочные слова вообще отсутствуют в тексте рекламного сообщения. В основе рекламы лежат только стереотипные представления об авторитетном, популярном производителе товара. Например: *Trussardi cigarettes; Givenchy. Amarige; Lucky strike; Christian Breton; Garments. Italian fashion; Gucci. Envy*. В этом случае средством создания РТ является только название фирмы, которая ассоциируется адресатом с высоким качеством произведенной продукции. Обращение к таким стереотипам вызвано ещё и тем, что реклама функционирует в рамках дефицита времени и места.

Итак, коммуникативные интенции русскоязычного РТ, имея определенное функциональное назначение, реализуются различными эксплицитными и имплицитными способами оценки, отдельные из которых мы описали. При этом вербальные знаки РТ направлены не только на реализацию коммуникативных интенций, но и на создание и продвижение бренда. В связи с

этим предметом наших дальнейших работ станет проблема соотношения рекламного дискурса, брендинга и нейминга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амири Л.П. Приём аттракции сквозь призму визуализации, или «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» (на материале рекламной коммуникации) // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография; отв. ред. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. – Ярославль, 2014. – С. 65-86.
2. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени: монография. – М., 2015. – 272 с.
3. Кара-Мурза Е.С. Коммерческая реклама с типологической точки зрения // Медиалингвистика: IV Международный научно-практический семинар / сборник статей; под редакцией Л.Р. Дускаевой, отв. ред. Н.С. Цветова. – СПб, 2015. – С. 125-128.
4. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986.
5. Leech J. Principles of pragmatics. – L., N.Y., 1983.

АННОТАЦИЯ

Сырова О. В. О некоторых средствах реализации коммуникативных интенций рекламного текста

Данная статья посвящена рассмотрению средств реализации коммуникативных интенций рекламного текста. В работе описаны расклассифицированные по тематическим группам императивные слова, используемые в рекламном тексте для выражения различных интенций. Цель статьи – описать ряд языковых средств вербализации коммуникативных интенций русскоязычного рекламного текста.

Ключевые слова: рекламный текст, интенция, коммуникативное намерение, императив.

SUMMARY

Syrova O. V. Some means of realizing communicative intention in an advertising text

The article focuses on some means of communicative intention in an advertising text. The imperative words used in an advertising text, are thematically intended and classified. The article is aimed to present some definite verbalized means of communicative intention on the basis of the Russian advertising text.

Key words: advertising text, intention, communicative intention, imperative.

УДК 81'373.231

ИМЕНА, ФАМИЛИИ, ТОПОНИМЫ КАК БАЗА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ПСЕВДОНИМОВ

Псевдонимы как особая категория именования людей относится к разряду ономастических единиц, вызывающих интерес разностороннего исследования. В науке внимание к псевдонимам оказывается на пересечении разных отраслей знания. Псевдонимам традиционно посвящаются труды библиографов, наиболее фундаментальный из которых «Словарь русских псевдонимов» И.Ф. Масанова. Данное явление изучается в литературоведении. Те или иные характеристики псевдонимов рассматриваются в работах по ономастике (А.В. Суслова, А.В. Суперанская, Б.О. Унбегаун, В.Г. Дмитриев, М.В. Голомидова, П.П. Чучка, В.В. Нимчук). Тем не менее, за обилием описанного фактического материала категория псевдонима продолжает открывать то одну, то другую грань своего содержания.

Образование псевдонимов как номинативная деятельность опирается на предшествующий опыт антропонимического означивания и одновременно является откликом на новый аспект восприятия личности общественным сознанием. Лингвистические законы дают основу для создания псевдонимов по аналогии с распространенными антропонимическими моделями, хотя псевдоименование представляет собой лингвокреативную деятельность. Как отмечает М.В. Голомидова, главными для псевдонимов являются «показатели тождества и различия именной функциональной семантики и референции, специфика которых позволила псевдонимам занять особую внутрисистемную позицию по отношению к официальным именам и прозвищам» [2, с. 19]. Псевдоним в отличие от имени денотативно соотносится не с человеком, а с авторским «я» своего создателя, который для говорящего ассоциируется с творческой субъективностью. Термин «псевдоним» обозначает «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [5, с. 113]. Это «искусственно созданное условное имя творческой личности, адресованное широкому кругу коммуникантов» [1, с. 93].

Псевдонимы представляют собой по способу образования разнородный материал: синтаксические описания, именования, построенные по вариантам антропонимической модели,

обозначения прозвищного типа, буквенные комплексы. В данной статье остановимся более детально на псевдонимах, созданных на основе имен, фамилий и географических названий.

При искусственной номинации используются словообразовательные модели естественной номинации. Для создания псевдонимов на основе личных имен и топонимов часто привлекаются уже сложившиеся антропонимические модели фамилий. Создание псевдонимов может проходить с онимообразующими формантами, характерными для фамилий. Ср. псевдонимы, образованные от личных имен: *Анютин* – псевдоним А.В. Луначарского (по деминутивной форме имени его жены), *Аскольдов* – псевдоним С.А. Козлова (от имени князя Аскольда); псевдонимы, образованные от топонимов: *Киевский* – С. Бердяев (украинский поэт и публицист с Киева); *М. Хрущевский* – М.М. Пришвин (по названию имения Хрущево, родины писателя); *Петр Алтайский* – П.С. Парфенов; *Волжский* – Богданов А.А.; *Воронежский* – Шелавин К.И.; *Вятский М.* – Ожегов М.И.; *Двинский* – Берман М.М.; *Донской* – Браиловский А.С. [3, с. 248, 253, 257, 343]; *Калужский А.* – Лавров А.М.; *Карельский* – Прилежаев А.Л.; *Киевский* – Бердяев С.А.; *Коломенский* – Серебряков Ф.; *Красноярский* – Кузнецов Е.В.; *Крымский А.* – Бродский А.М.; *Кубанский* – Воронович М.П.; *Мариупольский* – Айвазов И.Г.; *Московский* – Бахтеяров Н.Я.; *Невский* – Одоевский В.Ф. [4, с. 51, 54, 60, 68, 77, 82, 177, 201, 253], *Волгин* – Добролюбов Н.А. [3, с. 247]; *Карелин* – Капторович Л.А.; *Москвин* – Хижняков В.В. [4, с. 54, 200].

Переход онимов в псевдонимы может осуществляться и с помощью абсолютной трансонимизации. Так, в качестве псевдонимов могут выступать личные имена, отчества и фамилии. Ср., *Абрам* – псевдоним С.А. Терентьева, *Валентин* – псевдоним И.М. Герсона; *Александрович* – псевдоним Добролюбова, *Василич* – псевдоним А.В. Смирнова; в качестве псевдонима использовал фамилию своего деда *Бакулин* В.Я. Брюсов. Как псевдонимы употребляются и различные географические названия. Ср., *Арбат* – псевдоним Ю. Яковлева, *Столешиников* – псевдоним Н.И. Морозова, *Ольхон* – псевдоним А.С. Пестюхина, *А. Терек* – псевдоним О. Форш, *Марко Вовчок* (от названия села Вовчок под Немировым) – псевдоним М.А. Вилинской.

Использование личных имен и фамилий, географических названий в качестве псевдонимов основано на процессе трансонимизации, то есть переносе именованности с одного денотата на другой. В рамках изучаемого материала можно выделить два способа образования псевдонимов на основе собственных имен:

внутривидовая трансонимизация (трансантропонимизация) и межвидовая трансонимизация.

Внутривидовая трансонимизация (трансантропонимизация) наблюдается при переходе личных имен, отчеств и фамилий в псевдонимы. Многие авторы в качестве псевдонимов используют уже существующие антропонимические модели. В качестве псевдонима авторы могут поставить свое имя. Так, Кюхельбекер ряд повестей и стихотворений в журналах 1815-1819 годов подписал *Вильгельм*. Ср. еще псевдонимы *Авдий* – А. Лубович, *Александр* – А.Л. Капелевич, *Альберт* – А.К. Гермониус, *Альфред* – А.Л. Геллер, *Андрей* – А.А. Вейнберг, *Анна* – А.М. Ребиндер, *Аркадий* – А.Н. Попов, *Артем* – А.И. Ершов, *Богдан* – Б.М. Куньянц, *Вадим* – В.В. Пессек [1, с. 124].

Эстрадные исполнители как сценическое имя используют свои личные имена без фамилий: *Алсу* (Алсу Сафина), *Анастасия* (Анастасия Минцковская), *Земфира* (Земфира Рамазанова), *Азиза* (Азиза Мухамедова), *Пелагея* (Пелагея Ханова), *Donavan* (Donavan Philips Leitch), *Bjork* (Bjork Gudmundsdyttir).

В роли псевдонимов нередко выступают деминутивы личных имен авторов, эстрадных певцов либо имена, оформленные на иностранный манер. Ср. псевдонимы *Адалис* – Аделина Эфрон, *Алексис* – Алексей Мухин, *Алехо* – Александр Васильев, *Анатолий* – Анатолий Танков, *Антонио* – Антон Оссендовский, *Антоша* – Антон Павлович Чехов, *Базиль* – В. Руднев, *Валка* – В.И. Немирович-Данченко, *Володюша* – В.З. Швейцер, *Вольдемар* – В.А. Соколов, *Люси* – Е.М. Вартаньянц, *Саша* – А.Д. Флит [1, с. 125]. Деминутивные формы личных имен в качестве псевдонимов способствуют созданию эффекта сокращенной дистанции между автором и аудиторией.

Эстрадные исполнители в качестве сценического имени стремятся выбирать благозвучные, красивые, яркие личные имена. Американская эстрадная певица *Мадонна* (*Madonna*) в качестве псевдонима использовала свое имя, сократив его (настоящее имя Мадонна Луиза Вероника Чикконе – Madonna Louise Veronica Ciccone). Российские эстрадные певицы как псевдонимы использовали имена *Валерия* (настоящее имя – Алла Юрьевна Перфилова), *Линда* (настоящее имя – Светлана Львовна Гейман).

Как сценические имена используются личные имена и фамилии знаменитых людей. Это характерно для западного и американского кино и эстрады. Так, *Аллен Вуди*, американский кинорежиссер и актер (настоящее имя – Аллен Стюарт Кенигсберг), взял как фамилию имя своего кумира, кларнетиста Вуди Хермана. Это имя он выбрал, так как увлекался игрой на

кларнете. *Джон Уэйн*, американский киноактер (настоящее имя Мэрион Роберт Моррисон) использовал в качестве псевдонима имя и фамилию двух известных людей. Имя *Джон* он взял от режиссера, который его “открыл” – Джона Форда. Фамилия *Уэйн* была взята у американского генерала времен войны Севера и Юга Энтони Уайлда Уэйна. *Элтон Джон (Elton John)*, британский рок-певец и композитор, настоящее имя которого – Реджинальд Кеннет Дуайт (Reginald Kenneth Dwight), в качестве псевдонима использовал два имени – в честь саксофониста Элтона Дина (Elton Dean) и британского блюзового исполнителя Лонга Джона Болдри (Long John Baldry).

В качестве псевдонимов также могут выступать отчества. Хорошо известный пример: писатель *Александр Серафимович Попов* взял псевдоним *Серафимович*. (Следует отметить сдвиг ударения при переходе отчества в псевдоним). Народник А.О. Новодворский имел псевдоним *Осипович*. В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова встречается 18 примеров псевдонимов *Александрович*, 15 – *Иванович*. Поскольку в России и Украине существует большое количество фамилий на *-ович*, *-ич* (все они украинского и белорусского происхождения), патронимические псевдонимы прекрасно вписываются в традиционную патронимическую модель. В псевдонимы перешли и разговорные формы отчеств. Так, адвокат и писатель *Петр Сергеевич Пороховицков* имел псевдоним *Сергеич*. Ср. еще псевдонимы *Василич* – А.В. Смирнов, *Потапыч* – Г.Н. Ничепуренко, *Прохорыч* – Д.Л. Иванов, *Артемыч* – И.А. Лаптейков. Установить частные намерения автора в этих случаях трудно без отнесенности псевдонима к тексту, без учета текстового идейно-тематического своеобразия и особенностей авторской речи. Вероятно, авторы использовали разговорные формы отчеств в качестве псевдонимов для создания интонации доверительности между ними и читателями.

Как псевдонимы используются фамилии родных, близких, знакомых: *А. Ахматова* – псевдоним А.А. Горенко (по фамилии бабушки), *Е. Яновский* – псевдоним Н.В. Гоголя (девичья фамилия матери), *Г. Замятин* – псевдоним Г.С. Десятова (девичья фамилия матери), *Н. Турчанинов* – псевдоним Н.А. Добролюбова (фамилия знакомого), *Чубаров* – псевдоним И.А. Бунина (девичья фамилия матери), *Бакулин* – псевдоним В.Я. Брюсова (фамилия деда по матери), *Л. Пацковский* – псевдоним Л.Н. Андреева (девичья фамилия матери), *Патрашкин* – псевдоним С.Т. Григорьева (фамилия прадеда), *Кир Булычев* – псевдоним И.В. Можейко (имя жены и фамилия матери писателя). Одной из причин,

заставивших начинающих авторов прибегнуть к фамилиям близких, была неуверенность в успехе, желание избежать критики. Автору всегда выгоднее было, укрывшись за псевдонимом, выждать, какой прием встретит его книга, а затем открыть или не открывать свое имя, в зависимости от успеха или неуспеха. Так, 20-летний И.А. Бунин первые рассказы в «Орловском вестнике» и критические заметки в «Книжках недели» (1890) подписывал *Чубаров* (использована девичья фамилия его матери). Л.А. Андреев также подписывался сначала девичьей фамилией матери *Л. Пацковский*. Под фамилией *Патрашкин*, взятой в честь прадеда, печатал свои первые романы С.Т. Григорьев, автор исторических романов о Суворове и Крымской войне. Если для начинающих писателей псевдоним являлся своего рода страховкой, то для знаменитых он был порой средством, для того чтобы оставаться в тени. В.Я. Брюсов, став известным поэтом, участвовал наравне с начинающими в конкурсах и помещал критические статьи в журнале «Весы» под псевдонимом *Бакулин* (фамилия его деда по матери). Артисты берут себе псевдонимы часто из-за того, что их настоящее имя представляется им недостаточно узнаваемым или неблагозвучным, или по настоянию режиссеров и продюсеров. Актер и телеведущий, народный артист России *Илья Олейников* (настоящая фамилия Клявер) как сценический псевдоним использовал фамилию своей жены Ирины Олейниковой. Американская актриса *Мерилин Монро* (*Marilyn Monroe*), настоящее имя которой – Норма Джин Бейкер (*Norma Jeane Baker*), в качестве второй части псевдонима взяла девичью фамилию матери. Французская актриса *Катрин Денев*, настоящее имя которой Катрин Дормак, чтобы ее не путали со старшей сестрой Франсуазой Дормак, также актрисой, взяла себе псевдонимом девичью фамилию матери.

Как псевдонимы берутся имена и фамилии известных исторических лиц. В данном случае условием перехода антропонима с одного индивида на другой является известность носителя имени, его прецедентность. Например, *Бурбон* – псевдоним В.В. Языковой, *Диоген* – псевдоним В.В. Билибина, *Калиостро* – псевдоним А.А. Плещеева, *Наполеон* – псевдоним Н.В. Дорошенко, *С. Радонежский* – псевдоним С.А. Гончаренко, *Рафаэль* – псевдоним С.М. Беляева, *М. Цицерон* – псевдоним М.А. Цыганова [1, с. 118]; *Гарри Гудини* – псевдоним Эрика Вайса, американского иллюзиониста (дань памяти французскому фокуснику Роберту Гудэну), *Вера Брежнева* – псевдоним Веры Викторовны Галушки, российской эстрадной певицы. Прецедентные имена обладают эмоциональной и когнитивной значимостью в рамках

определенной лингвокультуры. Целью подобных псевдонимов является желание автора подчеркнуть духовное родство с тем лицом, чью фамилию он использовал. Так, фамилию деятеля ирландского освободительного движения *О'Коннора* принял современный ирландский писатель Майкл О'Донован, сам активно участвовавший в борьбе за независимость Ирландии. Иногда авторы избирали своим псевдонимом фамилию другого писателя или поэта, с целью подчеркнуть свою любовь к его творчеству или идейную с ним близость. Венгерский поэт Дьюла Ийеш в молодости ряд стихотворений подписывал *Маяковский* в знак преклонения перед талантом поэта. Н.К. Чуковский дебютировал в начале 1920-х годов стихами, подписанными *Н. Радищев*. Ср. также псевдонимы *Боккачио* – О.Л. Оршер, *С. Некрасов* – Н.А. Рубакин, *А. Пушкин* – В. Вердеревский, *Рабле* – А.П. Подуров, *Саади* – Б.А. Садовский, *Сафо* – Н.И. Афанасьев, *Свифт* – К.А. Михайлов, *Ювенал* – П. Коробцов. Другая причина использования фамилий писателей и поэтов как псевдонимов – конспирация, стремление обойти цензуру. Так, Вольтер, чтобы избежать преследований правительства, в качестве псевдонимов использовал фамилии писателя *Ш. Дюлорана*, философа *Белингброка*. В царской России был широко распространен обычай подписывать антиправительственные стихи фамилией уже умершего поэта, чтобы настоящий автор не пострадал от репрессий. А.Н. Плещеев подписывал революционные стихотворения именем *Н.А. Добролюбова*. Е.И. Лозинский подписал в 1906 году агитационную брошюру, призывающую крестьян возобновить борьбу против существующего строя, фамилией предводителя украинских крестьян, который возглавил в XVIII веке их борьбу с помещиками, *Кармелюк*. Библиограф Н.А. Рубакин ряд статей и брошюр подписал *С. Некрасов*. Поэт-символист Вл. Гиппиус один сборник стихов выпустил под псевдонимом *Вл. Бестужев*, а два других – под псевдонимом *Вл. Нелединский*. Использование фамилий писателей и поэтов как псевдонимов создает преемственность тематики или творческого кредо.

Межвидовая трансонимизация наблюдается при переходе топонимов в псевдонимы. Выбор топонима в качестве псевдонима обычно вызван любовью автора к родным местам или какой-либо другой географической местности. Это одно из проявлений элемента биографичности, который занимает видное место в псевдоименовании. В качестве псевдонимов используются инсулонимы, ойконимы, гидронимы, урбанонимы. Как псевдонимы выступают названия островов. Так, английский

поэт Брайтан Проктер принял литературное имя *Барри Корнуолл* по названию живописной местности Англии – полуострова Корнуолл. А.С.Пестухин подписывался *Ольхон* (название острова на Байкале). При переходе ойконимов в псевдонимы абсолютная трансонимизация в русском языке наблюдается довольно редко. Как правило, названия городов, лежащие в основе псевдонимов, оформляются формантами, характерными для фамилий. Но в других языках, где стандартизация фамилий не имела такого широкого охвата, как в русском языке (например, украинский язык), либо большинство фамилий образовывались от топонимов с помощью абсолютной трансонимизации, использование ойконима в роли псевдонима без добавления аффиксов, характерных для фамилий – явление более распространенное. Например, украинская писательница М.В. Вилинская (Маркович) писала под псевдонимом *Марко Вовчок*. Вовчок – название села под Немировым, где она жила. Армянский писатель Ованес Карапетян взял в качестве псевдонима название города *Шираз*. Довольно многочисленна группа псевдонимов, в основе которых лежат названия рек, озер. Так, под псевдонимом *А. Терек* выступала в начале своего творческого пути Ольга Форш, автор исторических романов. Литовская поэтесса Саломея Бачинскайте-Бутете сделала литературным именем название реки *Нерис*. Чувашский прозаик В.О. Осипов подписывался *Алагер*. Так называется омут на реке Цивиль, притоке Волги. Его земляк Г.В. Ефимов взял как псевдоним название родника *Савгай*, который находится неподалеку от его деревни. Как сценическое имя название реки *Ваенга* (приток Северной Двины) взяла певица Елена *Ваенга* (Елена Хрулева). Как псевдонимы авторы также использовали названия улиц, на которых они жили либо работали. Так, писатель Ю. Яковлев подписывался названием московской улицы – *Арбат*. Литератор Н.И. Морозов использовал название переулка, в котором жил – *Столешиников*. Писатель П.И. Мельников ставил под своими статьями псевдоним Андрей Печерский, по названию улицы Печерской, где он жил. Юморист И.И. Барышев взял псевдоним *Мясницкий*, по названию улицы, где находилась контора, в которой он прослужил всю жизнь. В примерах использования переулков и улиц в качестве псевдонимов явление абсолютной трансонимизации наблюдается благодаря созвучию их с фамилиями на -ский.

Таким образом, псевдонимы, образованные от личных имен, фамилий и топонимов, совпадают с антропонимической моделью именования. Переходя в псевдоним, личное имя, фамилия или топоним претерпевает трансформацию традиционного антропонимического, топонимического значения, за ней стоит

намеренное смещение денотативного фокуса на условный образ, который для номинатора ассоциируется с собственной творческой субъективностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: Монография / М.В. Голомидова. – Урал. гос. пед. ун-т, Екатеринбург, 1998. – 232 с.
2. Голомидова М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 11-22.
3. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / И.Ф. Масанов. – Т. 1. – М., 1956. – 444 с.
4. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / И.Ф. Масанов. – Т. 2. – М., 1957. – 388 с.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

АННОТАЦИЯ

Яковенко М. В. Имена, фамилии, топонимы как база для создания псевдонимов

В статье рассматривается создание псевдонимов на основе имен, фамилий и географических названий. Данный способ образования псевдонимов представляет собой трансонимизацию – переход онима одного разряда в другой. При искусственной номинации используются словообразовательные модели естественной номинации.

Ключевые слова: псевдоним, трансонимизация, личное имя, топоним.

SUMMARY

Yakovenko M. V. Names, surnames and place-names as the basis for the formation of pseudonyms

The article deals with the creation of pseudonyms formed by means of personal names, surnames and place-names. This method of pseudonyms' formation is connected with transonymisation. It is a transfer of the proper noun from one class to another. Models of natural nomination are used in artificial nomination.

Key words: pseudonym, transonymisation, personal name, place-name.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранова Ольга Ивановна – старший преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Блюмина Ольга Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Волкова Наталья Валериевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Волосевич Сергей Петрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Вострецова Виктория Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Гладкая Наталия Витальевна – ассистент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;

Говжеева Маргарита Сергеевна – бакалавр ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Гринева Ирина Юрьевна – бакалавр ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Дмитриева Юлия Леонидовна – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Дринко Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Емельянова Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, филологии и перевода Казахско-Русского Международного университета (г. Актобе, Казахстан);

- Жихарева Наталия Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка, декан филологического факультета ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Жуков Юрий Юрьевич** – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Иванова Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Ивахненко Марина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Калашникова Ольга Владимировна** – бакалавр ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Калинкин Валерий Михайлович** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры украинского и русского языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет»;
- Клопкова Ангелина Андреевна** – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков, ассистент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Коловерова Ирина Геннадиевна** – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Колода Светлана Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор русского языка департамента русского языка Чунцинского Юго-Западного университета (г. Чунцин, Китай);
- Кудрейко Ирина Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и прикладной лингвистики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Лежнев Сергей Николаевич** – старший преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

- Лешкова Наталья Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Решетарова Ирина Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики и практики английского языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Розова Ирина Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Алексей Владимирович** – преподаватель кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Елена Владимировна** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Селищева Ольга Николаевна** – бакалавр ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Сырова Ольга Васильевна** – старший преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Теркулов Вячеслав Исаевич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Фефелова Виктория Валентиновна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Филатова Виктория Алексеевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Шаповалов Владислав Валерьевич** – бакалавр ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Штакина Людмила Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Яковенко Марина Викторовна – преподаватель кафедры
английской филологии ОО ВПО «Горловский
институт иностранных языков».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Baranova Olga Ivanovna – senior lecturer of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Blyumina Olga Valentinovna – Candidate of Philology, associate professor, Head of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Volkova Natalia Valerievna – Candidate of Philology, associate professor, Head of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Volosevich Sergey Petrovich – Candidate of Philology, associate professor, Head of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Vostretsova Victoria Aleksandrovna – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Gladkaya Nataliya Vitaliyevna – assistant of the Russian Language Department of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;

Govgheeva Margarita Sergeevna – Bachelor of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Grineva Irina Yurievna – Bachelor of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Dmitrieva Julia Leonidovna – postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Drinko Hanna Gennadiyevna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Emelyanova Elena Vladimirovna** – Candidate of Pedagogy, associate professor of the Department of Psychology, Philology and Translation of Kazakh-Russian International University (Aktobe, Kazakhstan);
- Zhikhareva Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Second Foreign Language Department, Dean of Philological Faculty of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhukov Yurii Yurievich** – postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ivanova Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ivakhnenko Marina Nikolayevna** – Candidate of Philology, associate professor, Head of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Kalashnikova Olga Vladimirovna** – Bachelor of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Kalinkin Valerii Mikhailovich** – Doctor of Philology (advanced studies), professor, professor of the Ukrainian and Russian Languages Department of State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donetsk National Medical University»;

Klopkova Angelina Andreyevna – graduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages, assistant of the Department of General Linguistics and Slavic languages of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Koloverova Irina Gennadiyevna – senior lecturer of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Koloda Svetlana Aleksandrovna – Candidate of Philology, associate professor, professor of the Russian Language of the Department of the Russian Language of Chongqing University (Chongqing, China);

Kudreyko Irina Aleksandrovna – Candidate of Philology, associate professor of the Department of Ukrainian Philology and Applied Linguistics of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;

Lezhnyov Sergey Nikolayevich – senior lecturer of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Leshkova Natalia Viktorovna – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Reshetarova Irina Vladimirovna – Candidate of Philology (PhD), associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Rozova Irina Viktorovna – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Rochniak Aleksey Vladimirovich – instructor of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Rochniak Elena Vladimirovna** – Candidate of Philosophy, associate professor, associate professor of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Selishcheva Olga Nikolayevna** – Bachelor of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Syrova Olga Vasilievna** – senior lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Terkulov Viacheslav Isaevich** – Doctor of Philology, professor, Head of the Russian Language Department of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;
- Fefelova Victoria Valentinovna** – Candidate of Philology, associate professor, Head of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Filatova Victoria Alekseyevna** – Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shapovalov Vladislav Valerievich** – Bachelor of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shtakina Lyudmila Alexandrovna** – Candidate of Philology, associate professor, professor of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Yakovenko Marina Victorovna** – instructor of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages».

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ
«ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» – 2017**

Уважаемые коллеги,
приглашаем вас принять участие в создании очередных выпусков сборника научных трудов **«Восточнославянская филология»** – «East Slavic Philology» (серии «Литературоведение» и «Языкознание»).

Проблематика сборника включает историко-литературные и теоретические аспекты развития восточнославянских и европейских литератур в контексте функционирования мирового литературного процесса, а также синхронические и диахронические параметры существования восточнославянских и европейских языков. Сборник посвящён исследованию актуальных проблем филологии и предназначен для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов, студентов-филологов, преподавателей литературы и языков в школе.

Научные направления издания:

10 Филологические науки

10.01 Литературоведение

10.02 Языкознание

13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания

Рабочие языки сборника – русский, украинский, белорусский, польский, английский, французский, немецкий, испанский.

Главный редактор сборника – д. филол. н., проф. Кочетова Светлана Александровна.

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Издание основано в 2002 году.

Периодичность издания – 4 раза в год: два раза в год выпуск каждой серии (выпуски формируются до 1 мая и до 1 октября).

Международный стандартный номер сериального издания: ISSN 1992-9196.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28. 10. 2016 г.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 г.

Адрес страницы в сети Интернет, где размещена бесплатная полнотекстовая версия научного издания: <http://gifl1949.ru/otdel-nauchnoj-raboty/nauchnye-izdaniya/sborniki>

Электронная почта редакции научного издания:
GIFL1949ESPh@yandex.ru

Юридический адрес ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»: ДНР, г.Горловка, ул.Рудакова, д.25.

Редакция будет благодарна тем, кто придерживается следующих правил оформления статей:

- объём – 6-12 страниц через 1,5 интервал (формат А4);
- Шрифт Times New Roman, кегль 14;
- абзац – 1,25 см; все поля – 2 см (страницы не нумеруются);
- сноски оформляются: [4, с. 124], где первая цифра – номер

источника из списка используемой литературы, составленного по алфавиту, а вторая – номер страницы; автоматические сноски не допускаются; после текста статьи подаются аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков) с названием статьи и ключевыми словами;

- примеры подаются курсивом;
- текст печатается без переносов.

Материалы, оформленные без учёта требований, не принимаются.

В редколлегию подаются: 1) по электронной почте высылается текст статьи с аннотациями, данными об авторе на русском и английском языках (ФИО, место работы, должность, учёные степень, звание, контактная информация: e-mail), сохранёнными в RTF; 2) для тех, кто не имеет учёной степени, необходима отсканированная рецензия научного руководителя или консультанта.

Редакционная коллегия сборника осуществляет рецензирование научных работ. На основании выводов рецензентов редакция вправе принять к опубликованию, направить на доработку или отклонить присланные авторами материалы.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА:

*А.Р. Сидорова
(Донецк)*

УДК 811. 161. 1

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Текст статьи [1, с. 418].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелёва // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 91-92.

АННОТАЦИЯ

Автор. Название статьи (на русском языке)

Текст аннотации на русском языке (до 500 печатных знаков)

Ключевые слова:

SUMMARY

Автор. Название статьи (на английском языке)

Текст аннотации на английском языке (до 500 печатных знаков)

Key words:

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.М. Калинин</i> НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О “СЛОВАРНОМ ДЕЛЕ” В СВЯЗИ С ЗАДАЧАМИ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОНИМОГРАФИИ	3
<i>В.И. Теркулов</i> МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ТЕРМИНОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ЛАБОРАТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ АББРЕВИАЦИИ	13
<i>О.В. Блюмина</i> ПОНЯТИЕ ОБ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ КЛАССЕ КОМПОЗИТОВ-СУБСТАНТИВОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	25
<i>Н.В. Волкова</i> ФАКТОРЫ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ РЕАЛИЗАЦИЮ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА БРИТАНСКИХ АНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ	34
<i>С.П. Волосевич</i> КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	42
<i>В.А. Вострецова</i> МАНИПУЛЯЦИЯ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ	50
<i>А.Г. Дринко</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАТИВНЫХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ	56
<i>Е.В. Емельянова</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	63
<i>Н.А. Жихарева, И.Ю. Гринева</i> СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	70
<i>Н.А. Жихарева, О.Н. Селищева</i> ТИПЫ КОНТЕКСТА И ЕГО ФУНКЦИИ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ	76
<i>Н.А. Иванова</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	84

<i>М.Н. Ивахненко, В.В. Шаповалов</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ОСОБОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	93
<i>С.А. Колода</i> РАЗВИТИЕ ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ С КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ	102
<i>І.О. Кудрейко</i> СОЦІОЛІНГВІСТИКА: ПОНЯТТЄВИЙ АПАРАТ	110
<i>Н.В. Лешикова</i> ПЕРВИННІ ТА ВТОРИННІ СЕМАНТИКО- Ї ФОРМАЛЬНО-СИНТАКСИЧНІ ФУНКЦІЇ ДАВАЛЬНОГО ВІДМІНКА	120
<i>И.В. Решетарова</i> МЕДИАДИСКУРС: НОРМА И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА	128
<i>И.В. Розова</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XX СТОЛЕТИЯ)	133
<i>Е.В. Рочняк, А.В. Рочняк</i> КЛАССИФИКАЦИЯ ВОЗМОЖНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ИНДИВИДА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА	141
<i>В.В. Фефелова</i> ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ДЕЙКТИЧЕСКОЙ РЕФЕРЕНЦИИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	148
<i>В.В. Фефелова, О.В. Калашникова</i> СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТОВ V РЕСПУБЛИКИ НИКОЛЯ САРКОЗИ И ФРАНСУА ОЛЛАНДА)	154
<i>В.А. Филатова</i> ПОЯСНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ТИПА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ МЕТАТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ЗАПИСОК Н. ДУРОВОЙ)	160
<i>Л.А. Штакина</i> СЕМАНТИКО-ВРЕМЕННОЕ КВАНТИРОВАНИЕ АДРЕСАТОЦЕНТРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ	166
	251

<i>Л.А. Штакина, М.С. Говжеева</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РИТМИЗАЦИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНО-КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	174
<i>О.И. Баранова</i> КОАРТИКУЛЯЦІЙНІ ПРОЦЕСИ В КОНСОНАНТНИХ КЛАСТЕРАХ ТА ПРОБЛЕМА НАВЧАННЯ АНГЛІЙСЬКОЇ ОРФОЕПІЧНОЇ ВИМОВИ В СЕРЕДНІЙ ШКОЛІ	179
<i>Н.В. Гладкая</i> ЛОГОЭПИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	185
<i>Ю.Л. Дмитриева</i> СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КАРТИНА МИРА», «ОБРАЗ МИРА» И «МОДЕЛЬ МИРА»	192
<i>Ю.Ю. Жуков</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА 'ЗАКОН' ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	202
<i>А.А. Клопкова</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ КЛАССЕ «ТОПЛИВО»	208
<i>И.Г. Коловерова</i> ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ИСПАНСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА	216
<i>С.Н. Лежнёв</i> АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ-ПАРОНИМЫ	221
<i>О.В. Сырова</i> О НЕКОТОРЫХ СРЕДСТВАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ИНТЕНЦИЙ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА	226
<i>М.В. Яковенко</i> ИМЕНА, ФАМИЛИИ, ТОПОНИМЫ КАК БАЗА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ПСЕВДОНИМОВ	231
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	239
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	243
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ	
В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ	247
ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА	249

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск третий (двадцать девятый)
Языкознание

Ответственный редактор С.А. Кочетова
Технический редактор А.М. Калашников
Компьютерная верстка и макетирование
Е.С. Шалыгиной
Корректоры: Н.А. Жихарева,
О.Т. Захарова

За содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных
и других сведений ответственность несут авторы

Подписано к печати 30.12.2016.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 14,14. Уч.-изд. л. – 16.
Усл.-изд. л. – 14,88.
Тираж 300 экз. Зак. № 24.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта
издательского дела
84626, г. Горловка, ул. Рудакова, 25